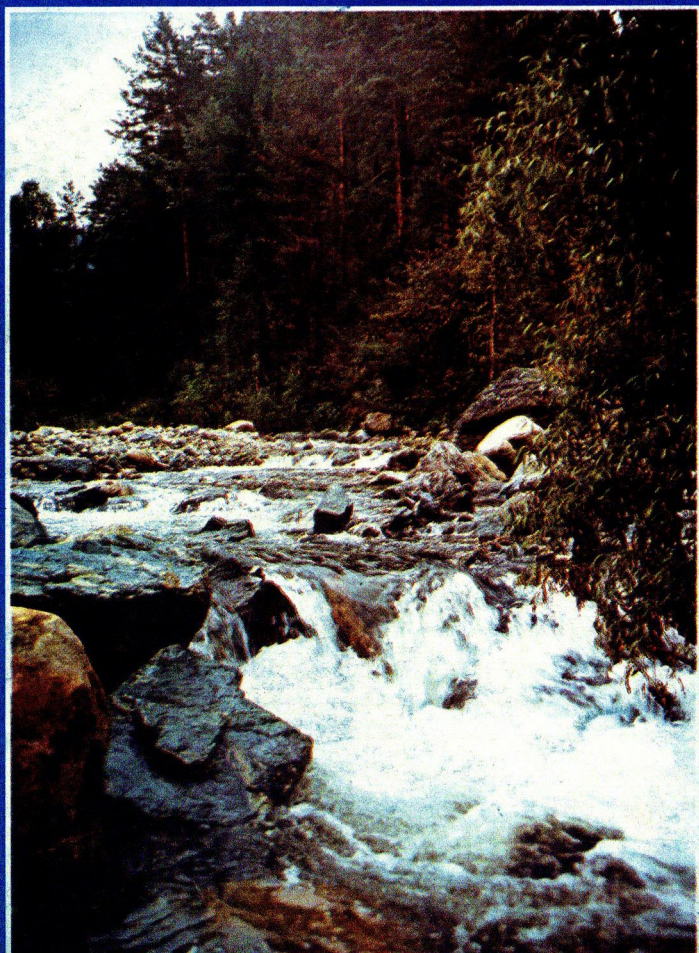
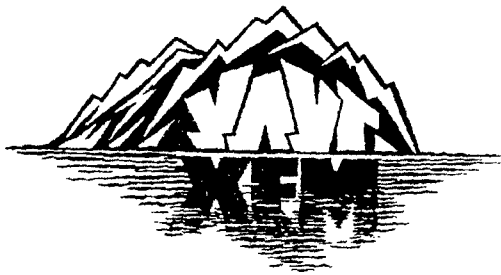

№ 2

2009

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТУВЫ

Журнал
Союза
писателей

Журнал основан 25 августа 1946 года

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (55) 131

2009 г., май-июнь

Редакция журнала "Улуг-Хем"

Ғызыл — 2009

С (Тув)
У-47

Главный редактор
Ч. Куулар

Редакционная коллегия:
А, Даржай, У. Донгак,
Н. Куулар, Ш. Суван, М. Ховалыг.
Редакторы выпуска: Ч. Куулар,
Г. Принцева.

Учредители журнала Союз писателей РТ, Министерство культуры и информационной политики РТ, творческий коллектив редакции журнала «Улуг-Хем».

Журнал зарегистрирован в Тувинской Республиканской инспекции по защите свободы печати массовой информации.

Per № Т – 00028.

М 4702580600 без объявл.
24-13-2004

© Редакция журнала “Улуг-Хем” , 2009 ч.
© КУБ «Тываполиграф», 2009 ч.

Вячеслав БУЗЫКАЕВ

НАРОДНЫЕ ЗАСТУПНИКИ

(повесть, журнальный вариант)

Стон земли

«Мой народ, что случилось с тобою? Раньше звонкие песни звучали в каждом стойбище, в каждом аале. А теперь, кроме стоны и плача, ничего уж давно я не слышу. Да еще слышу пьяные песни, похвальбу и безумные речи — всех споили бескосые спиртом, отравили всех огненным ядом.

Забываться обычаи стали: редко кто помогает другому. О себе лишь у каждого дума, как себя прокормить лишь забота. Разве этому я вас учила? Разве этому вас наставляла? Вам, аратам, плохого ни разу, никогда и ни в чем не желала. А учила добру и работе, берегла, как могла, и хранила — разве этого вовсе вам мало?

Вы предали меня, мать родную, чужеземцам, хищным двуногим — их людьми-то назвать я не смею. Где ж вы, сильные, смелые люди? Сыновья мои верные — где вы? Я зову вас, надеюсь на помощь — отзовитесь, избавьте от горя.

Мой народ, ты меня, мать родную, не снимая шапки, послушай».

Тяжко стонет урянхайская земля от чужеземного гнета. Вторит ей народ от непосильного албана китайским богдыханам. Верховой ветер подхватывает, разносит по долам и горным кручам тяжкие стоны...

В год желтого Тигра объявились в здешних краях бескосые люди с далекого юга. Пришельцы навещают чуть ли не каждое

стойбище, даром что знатные люди, а и черных юрт не чураются — заходят, ведут вежливые беседы. Спрашивают, в каких товарах нуждаются хозяева; те охотно перечисляют: чай, табак, материя, посуда, мука. И так в каждой юрте: чай, табак, материя, посуда, мука. Выяснилось, что чай желательнее зеленый плиточный, табак — ароматный японский, далемба — крепкая английская, посуда — медная китайская. Торгаши возрадовались: да это же самый ходовой товар в их Поднебесной империи, заверяли они урянхов. Вот только мука... да, с мукой сложнее, однако ее у северных соседей, народов Белого царя, можно будет перекупить.

«Ну, а как насчет ханшина? — попутно интересовались пришельцы и энергично встряхивали полными фляжками. — Ведь без этого и сделке не бывать».

«Попробовать можно», — соглашались араты. Приглядывались к фляжке, делали большой глоток, второй и — обмирали. Дыхание перехватывало, араты с испугом глядели на гостей; слезы выкатывались из глаз, а вместе с ними приходило облегчение: у-ёх! Это что там на дне фляжек — уж не отравка ли какая?

Пришельцы наливали себе в пиалу, разбавляли наполовину водой и спокойно, под любопытными взорами хозяев, выпивали содержимое. Араты просили повторить и уж не без видимого удовольствия осушали пиалу. Жарко становилось внутри, легко становилось на душе, хотелось одновременно петь, смеяться и плакать. «Хороший, однако, этот напиток, как его называют?» «Ханшин». — «Хан-шын», — нетвердыми языками повторяли хозяева. — Царь-правда, получается. Надо бы добратся до нее, а?» «Попробуем», — ответствовали гости и, как того требовали обычаи, пускали пиалу по кругу.

Совсем мало времени прошло с прихода бескосых на берега Кемчика, а уже чуть ли не в каждом аале хозяин юрты деловито загибал пальцы на руках: чай, табак, далемба, посуда и этот, как его, «царь-правда» — пальцы при последних словах сжимались в кулак. Всего лишь пять желаний — много ли надо арату: «С правдой ведь всегда легче жить, не так ли?»

Ох, доверчивый народ! Содрогнулась земля, глухо простонала: ей ли, матери своего народа, не знать, какая такая правда скрывалась

на дне чужеземных посудин?! Но не слышали урянхи ее стоны, уши заняты были ласковыми речами бескосых.

Странные они какие-то. Малышня поначалу при их виде пугалась, пряталась за материнскими халатами, невольно передавая взрослым свой испуг. Араты удивлялись обезображенному виду пришельцев: как можно гордо носить голову, ежели она лишена тугосплетенной косы. Но бескосые угощали детей сладостями, и те, распробовав, уже смелее выглядывали из-за материнских спин. Взрослые успокаивали, ну а «хан-шын» и вовсе вселял покой в сердца: «С царь-правдой пожаловали чужеземцы, как можно не доверять им?..»

Пришли долгожданные караваны с юга. В самых людных местах выросли, что грибы после теплого дождика, торговые лавки бескосых, а в них чего только нет! Твердые кирпичи зеленого чая в тонкой промасленной упаковке, душистый японский табак в аккуратных бумажных пачках, крепкая заморская далемба в увесистых кусках, всевозможная медная посуда: котлы, тазы, чайники, чаши, чашки, подносы, блюда, вазы, кувшины, большие и малые, ковшики, черпаки, подставки, а также щипчики, медные лампадки, изображения бурханов, шахматные фигурки, музыкальные тарелки, медные колокольцы, решетки с затейливым орнаментом, разные безделушки... Ну и, конечно, «хан-шын» в глазурованных глиняных фляжках с плотными пробками на резьбе.

Весело стало в стойбищах, товаров — бери не хочу! «Царь-правда» рекой льется, и под ласковое ее журчание вершатся торговые сделки: я — тебе товар на выбор, ты — мне скот на выбор; ничего что отощал после зимы, мы подождем до осени, когда он нагуляет жир; в долг даем, учтите, а значит, без процентов не обойтись.

«Не будем о том, добрый сосед. У меня есть скот, немало скота — рассчитаемся!» — заверяли араты торговцев между глотками «хан-шына».

Второй раз тяжело простонала мать-земля: одумайся, арат!

Может, кто и прислонил ухо к земле, услышал ее стон, но таковых мало нашлось: ничего, брат, рассчитаемся!

По осени бескосые ополовинили аратские стада и отары в уплату долгов — впервые призадумались урянхи: э-э, тут что-то не так, не похоже на правду...

Но надвигалась зима, араты укочевывали на дальние стоянки, а мало ли чего надобно в хозяйстве долгой студеной порой?! Вновь пошли в торговые лавки, отоваривались под завязку: будущим летом рассчитаемся, старший брат!

Кто-то рассчитался, а кто-то и не смог — скота не хватило уплатить долги, и их поделили поровну между стойбищами рода.

Снова тяжело простонала земля: опомнись, народ, послушай свою мать!

На этот раз стон ее услышали.

... Вожак поглубже нахлобучил на голову овчинную шапку, с силой размахнулся, далеко в кустарник запустил проклятую фляжку. Кайгал, у которого он только что отнял желанную посудину, свирепо вытаращил глаза: что с тобой, брат? Ведь он за эту фляжку отдал бескосому торгашу целую кобылицу.

— Послушай меня, брат, — миролюбиво произнес вожак. — И вы, товарищи, послушайте, — обратился он ко всем сидящим у жаркого костра. — Вы меня знаете, слово мое твердое, сердце чистое. Я вам никогда зла не делал, людям моего рода — тоже. Как мог, защищал народ от байских обид...

Вижу, бескосые недоброе замыслили против моего народа, с черной мыслью пришли в наш край. И не «царь-правда» у них плещется в посудинах, а «царь-ложь», послушайте меня, товарищи: надо бороться с их «царем», уничтожить его надо, пока отравой не залил все вокруг.

— Что предлагаешь, старшой, говори! — хмуро потребовал тот, у кого вожак отнял фляжку.

— Проучить надо бескосых, хоть одного пощупать за локоть.

...Темной ночью безвестные всадники окружили прочное строение хозяина по имени Хэн-хэн. Быстро утихомирили прислугу, связали торгашу руки, заткнули рот тряпкой, чтобы не верещал, как заяц, попавший в петлю. Вот и все: даже не замахнулись на толстяка рукой.

На его глазах вынесли во двор все посудины, деловито, одна за другой, открутили пробки с них, принялись лить содержимое прямо на землю. Спирт с бульканьем выливался на зеленую траву, отчего она сразу сникала, бурела, чернела — будто огневой пал прошелся по ней. В воздухе резко запахло тяжелыми испарениями.

Немало трубок можно было бы искурить за то время, пока кайгалы управились. Земля уже не впитывала ядовитую жидкость, отказывалась принимать ее, и спирт ручейком побежал по двору, сунулся в одну сторону, в другую, выбрал третью — прямо под зад бескосого. Тот сидел, дико вращал глазами, боялся пошевелиться, дабы не привлечь внимания разбойников.

А те, завершив непривычную работу, вскочили на скакунов, дружно гикнув, умчались в сторону высоких гор: ищи-свищи ветра в поле!

Слуги, даже не помыслив развязать хозяина, принялись лакать прямо из убывающего ручья — будто бездомные собаки из грязной лужи. Налакались и тут же пьяно уснули на провонявшей спиртом земле.

Злые слезы безостановочно текли по лицу бескосого: видно, задницей впитал в себя столь много влаги, что она, не удержавшись в его толстой утробе, нашла себе не совсем удобный выход наружу.

Ранним утром первые покупатели ступили во двор торговой лавки, поразились увиденному. Развязанный купец с силой выдернул кляп изо рта, разразился руганью; сильно коверкая урянхайские слова, принялся подымать с земли еще не пришедшую в себя прислугу.

Кемчикскому нояну донесли о злодействе. Тот затрясся от гнева, приказал поймать преступников, доставить их в ставку живыми или мертвыми. Во главе поставил Хуралбая.

На третий день шайку беглецов обнаружили, со всех сторон, разом навалились на спящих. Завязалась неравная борьба. Шум битвы, рычания, скрежет...

Вожак кайгалов, ладонью зажимая ножевую рану в боку, медленно, крадучись, уходил в спасительную темень. Пока еще ночь, надо уйти как можно дальше, иначе не сдобровать. Кровь сочилась из раны, силы медленно оставляли его. Он знал место, где может найти спасение, но не был уверен, хватит ли сил дойти.

Дошел! Долина Кемчика уже розово окрасилась от устремленных в небо лучей небесного светила, когда кайгал тяжело перевалился через порог черной юрты.

— Кто там? — потревожил тишину заспанный голос.

— Это я, братишка. Помоги.

Садья будто ветром сдуло с лежанки — подскочил к старшему брату, подхватил враз ослабевшее тело, бережно уложил на постель. Внимательно осмотрел рану: ничего страшного! Вот только, видно, немало крови потерял брат. Пошарил взглядом вокруг, ничего не нашел, сорвал с себя халат, расплосовал его на широкие ленты, туго-натуго перевязал кровоточащий бок. Раненый тихо, сквозь стиснутые зубы, стонал.

Через неделю Самбажык — а это был он — несмело переступил порог юрты. Пошатывало от слабости, но молодой организм взял свое, и уже через месяц после ночной схватки кайгал вновь лихо скакал по ночным аалам в поисках товарищей.

Вожаки

Урянь щедрыми воздаяниями походил на многорукого Будду. Одной рукой он кормил жадных лам, второй — баев, третьей — удельных монгольских князьков... Арат был рожден лишь отдавать, а если что и брал, то и оно норовило выскользнуть из его рук.

В черных юртах вновь заговорили о легендарном Амыр-сане, его скором возвращении на родину, и тогда...

...Нахмурился небесный сын Улуг-Даг, в бубен темного неба ударил гигантской колотушкой, огненным бичом загрохотал. Треснула твердь небесная, вздрогнула земля. Из хошуна в хошун поскакали всадники, будоража людей: «Э-гей, братья! Выходите из черных юрт, встретим Амыр-сану у походных костров, с оружием в руках и боевыми песнями на губах! Э-ге-гей!»

Араты бросали все, если было что бросать, заседывали единственных коней, а у кого их не было — находили в табунах баев, съезжались к местам хошунных празднеств.

Состоятельные держались в стороне, не вмешиваясь в события. Пусть чернь бунтует — ее же сечь будут, когда жизнь снова войдет в свои берега. А имущим под любой властью, как в удобном седле, хорошо. У них, как и у Будды, тоже много рук, но не для подношений — они привыкли больше к себе тянуть.

Вот и сидят оюннарские баи в сторонке, чутко прислушиваются к тому, о чем толкует многолюдный хурал.

— Старшие и младшие! Послушайте, о чем скажу я, — надевает шапку на голову Бир-Катап, местный сказитель, сменивший очередного оратора. — Люди знают, красноречие у меня, что цветок на земле. Лишнего не говорю. Однажды родился, а с чем родился, с тем и живу. Обувь старая, шуба рваная, зато песни мои целые и веселые. И не надо мне никакого другого богатства. Не обижаюсь на небо и владык Улуг-Дага, что они всегда лишь посулами дразнят меня, как дразнит курдюком байский баран. Но почему этот баран не боится передо мной курдюком хвастать? Потому что знает — не по моим он зубам.

Люди весело смеются, и в их смехе слышится гордый вызов вечной нужде, затаенная угроза богачам, разжевшимся в белых юртах.

— Но не знает тот безрогий баран, что как тень не поймаешь, так и народ не обманешь. И сколько бы он ни тужился — родниковую воду до дна не выпьет. Улу-Кем не иссякнет — мы не оскудеем.

— Ындых! Верно! — разом выдохнуло собрание.

— Скотина блеет, да беда — хозяин недогадлив. Вот я и думаю, а не пора ли нам сменить хозяина...

Собрание присмирело: уж больно прозрачен намек. К войне с богачами клонит Бир-Катап. Ладно ли будет? Молодежь смотрит на старших, старшие переглядываются друг с другом.

И тут заговорил бай Эртине. Улыбка, что трубка заядлого курильщика, всегда на губах. И голосок — впору любовные песенки петь.

— Мы высоко чтим память Амыр-саны. И все вместе ждем его возвращения из страны Белого царя, — начал бай издали. — Что мы знаем о нем от наших отцов, а наши отцы — от своих отцов? Чтобы мир и покой пришел в наши края, Амыр-сана наполнил колчан стрелами, заострил копьё против ее врагов. А кто ее враги — вы и сами хорошо знаете. Так зачем поить Улу-Кем нашей кровью, а не кровью врагов?

— Ындых! Правду говорит! — заволновалось собрание.

— Мы уважаем законы хурала и собрались вместе, чтобы сообща решить, как жить дальше. Я так думаю: давайте разъедемся по своим очагам, а как только Амыр-Сана бросит боевой клич — дружно возьмемся за оружие.

И опять хурал поддержал богача, как только что единодушно согласился с нищим бродяжкой.

— А у кого нет очага? — не сдавался Бир-Катап.

— Приглашаю к своему. Жену не обещаю, но угощение ждет тебя славно. Самый жирный баран из моих отар давно желает поднести тебе курдюк на серебряном блюде, — под общий смех закончил бай по прозвищу Жемчужный.

И не было в том смехе ничего, кроме доброго веселья собравшихся на дружескую беседу людей: «Ну и Бир-Катап! Ну и Жемчужный!»

Поволновались, поговорили и разъехались по своим аалам карасугцы и жители других сумонов Оюннарского хошуна.

Иначе обернулось дело в западных, кемчикских, хошунах.

Жарким летним днем группа удальцов с гиканьем, посвистом налетела на ставку кемчикского нояна, разогнала стражников, без единого выстрела освободила пленников из вонючих ям. И вовремя. Наутро астматик обещал им все девять маньчжурских пыток, после которых-де прикажет снять с разбойников шапки вместе с головами. Да вот не удалось исполнить угрозу! Само синее небо послало кайгалам избавление.

Бызяя призадумался, и было отчего. Это что ж получается — чернь взбунтовалась! Уже средь бела дня крадет не только скот, но и преступников. «Это же... это же...» Так и не найдя определения вызову кайгалов, ноян все же уразумел: надо строчить жалобу самому амбын-нояну — уж он-то посоветует, как быть.

А чернь, между тем, обосновалась у истоков речки Торгалыг, что протекала вблизи монгольской границы.

Оттуда дургуны стали часто наведываться к дорбетам, силой угоняя их скот. Луна на небосводе успела трижды пополнить и похудеть, прежде чем дорбетские правители хватились и написали жалобу цзян-цзюню на «своевольные набеги урянхайских воров».

Гонец с высочайшим повелением «виновных примерно наказать, а скот вернуть» не спешил, подолгу задерживался в уртелях. Не велика беда, думалось ему, успеется. Похоже думалось и урянхайскому правителю: побунтует чернь и успокоится, вновь вернется в свои аалы, станет исправно платить налоги эзен-хану.

Но беглецы и не думали возвращаться. «Нам свобода дороже родного аала», — распевали они слова самодельной песни. Но когда Бызыя, кемчикский ноян, получил приказ из ставки амбына, мешкать не стал. Уж кто-кто, а он-то, старый лис, всей своей шкурой чувствовал, что теперь аратов, одурманенных свободой, будет не так просто вернуть под полог прежней жизни. Ноян боялся признаться самому себе, что в тайниках души завидовал подданным, которые бросили вызов самому хану: знай, мол, наших, кемчикских!

Были в хошуне и такие, кто открыто восхищался дургунами. Особенно часто верные люди нояна упоминали имя Дажымы, одного из братьев сумонного начальника Дугара. Давно эта семейка не давала покоя Бызые. Вслед за Дугаром и Дажымой отказались платить налоги нояну трое других братьев — Чан-хоо, Седишпей и Ческиней. Кемчикский правитель, видите ли, сильно их притесняет, налогами со всех сторон обложил. Самому амбын-нойону настрочил жалобу, неверная собака. А тот долго не разбирался, одно твердо усвоил: на потомственных чиновниках власть держится, а потому притеснять их нельзя. Вот и предложил повелитель Урянхая сильно на братьев не нажимать, без особого повода их не наказывать, жить с ними в мире. Предложение звучало как приказ, попробуй послушаться его!

Пришлось пойти на попятную — приблизить одного из непокорных братьев к себе, присвоить Дажыме чиновничий чин, сделать его вторым человеком в сумоне. Однако хунду Дажыма и не думал благодарить своего благодетеля, а, напротив, стал распространять слухи о том, что-де сам ноян надоумил аратов красть скот в Дорбетии, поискать, так можно и в ноянских табунах найти лошадей с дорбетским клеймом.

«Вот собака! Ну ничего, ты еще пожалеешь об этом, кулугур!»

Счастливая мысль пришла в голову кемчикскому правителю: исполнять высочайшее повеление о поимке дургунов поручить Дажыме. Пусть-ка попробует не справиться!

Странное войско собрал помощник правителя сумона. Что ни воин — то конокрад или смутьян. Ничего не скажешь, удалые люди, перед правителем хошуна не заискивают. И розгами их бивали не раз, и тяжелую деревянную колодку приходилось носить на шее за разные проступки, но не смирились. Кемчикские чиновники давно стороной обходили удальцов, которым ничего

не стоило на людях осквернить нехорошим словом их светлые тени, а то и оскорбить силой.

Еще свеж в памяти случай, происшедший на охоте с чангы Сенгином. Уж очень он притеснял людей своего сумона, шагу не давал им ступить без побоев и унижений. Нашелся удалец у обиженных из рода ондар — охотник Чыртак-оол. Раз встретил он чангы с малой свитой на охотничьей тропе, стащил с коня, приставил нож к горлу бая. Охранники рты разинули, подойти ближе не решаются: и шагу не ступишь — зарежет негодяй их повелителя. А тот знай себе верещит, что сурок в когтях коршуна: отпусти, смилуйся, не оставляй детей сиротами. Долго так верещал Сенгин (куда и прить чиновничья девалась!), пока, наконец, Чыртак-оол не отпустил его. И не посмел потом чангы наказать удальца — убоился снова испытать на собственной шкуре смертельный холод металла.

Из смутьянов, подобных Чыртак-оолу, и набрал свое войско Дажыма. Присмирели даргалары, завидев такую вооруженную силу, а кое-кто из них юрты покинул от греха подальше. И правитель людей из рода ооржак не перечил помощнику: ему, наделенному силой приказа нояна, виднее, с кем идти на поимку беглецов.

Дажыма в душе посмеивался над старшим по званию и возрасту, однако до поры до времени строил из себя безобидную овечку. И когда чангы Чонгула стал диктовать приказ сумонным чиновникам о выделении необходимого количества кобылиц для пропитания бойцов, хунду смиренно склонился над листом бумаги.

Из-под кончика его пера один за другим выходили округлые, будто черные жирные барашки, знаки монгольского письма. Уже целая отара таких барашков обозначилась на листе, а Чонгула все диктовал, не желая пропускать ни единой мелочи в столь важном деле, каковым ему представлялась поимка кемчикских дугунов.

Наконец, подозрительное воинство отбыло из хошуна, и чиновники облегченно вздохнули, поправив павлиньи перья в даргаларских шапочках: кажется, пора смуты миновала...

На второй день отряд Дажымы, перевалив крутолобый Танну, спустился к истокам речки Торгалыг. Кони и люди устали от изнурительного, без ночевки, перехода, и когда их слуха коснулось далекое ржание лошадей, они заметно приободрились.

В лагере беглецов, видно, никого не ждали к сытному ужину. Стоило главарю ухватиться рукой за длинный шест с привязанным к нему большим ножом, как это тотчас сделали все остальные. Лагерь мигом ошетинился копьями, готовый по первому зову броситься на пришельцев.

Но вожак вовремя рассмотрел среди прибывших знакомое лицо и радостно возгласил:

— Да это никак Дажыма!

— Ну, конечно, Самбажык, это я, — отозвался ему предводитель отряда, проворно соскакивая с коня на землю.

— Эге-гей! Оп-па, оп-па! — пошел навстречу гостю танцующей походкой, изображая взмахами рук полет горного орла, вожак беглецов.

Дажыма подхватил боевой клич грозной птицы. Так, танцуя и издавая гортанные звуки, они на ходу обнажились до пояса и теперь медленно сближались друг с другом. Вокруг них тотчас образовался широкий круг болельщиков. И началось!

Такой яростной борьбы, пожалуй, давно не видели притесинские степи, да и видели ли когда! Никто из противников не хотел уступать. Приемы следовали один за другим, но борцы оставались на ногах и даже земли не касались пальцами. Лишь раз Дажыма под напором противника потерял было равновесие, но каким-то чудом удержался. Вдох облегчения пронесся среди бойцов его отряда. Затем пришла очередь беглецам переживать за своего вожака, но тот тоже устоял на ногах.

То была борьба равных противников, они на много ходов вперед предугадывали приемы и были готовы к любому подвоху. Надо было хорошо знать друг друга, чтобы на равных вести яростную борьбу.

И не удивительно. Аалы обоих борцов издавна находились по соседству — там, где спокойная Чыргагы вливается в бурный Кемчик. Юрты их родителей постоянно находились на расстоянии одного крика. С первых шагов по родной земле познакомились мальчуганы, и с той поры их постоянно можно было видеть вместе. Детская привязанность друг к другу, замешанная на парном молоке и сладком толкане из одной чашки, породила крепкую мужскую дружбу.

Но сколько Самбажык и Дажыма помнили себя, их отношения не были лишены известной доли соперничества: друзья-соседи

принадлежали разным сумонам, один был из рода монгушей, другой — ооржаков. При встречах каждый усиленно хвалил свой род и всячески принижал достоинства другого. Дело при этом часто оканчивалось драками, и нередко мальчуганы с ревом убегали к своим юртам, издали грозя друг другу грязными кулачками. Однако не проходило и часа, как сорванцов снова можно было видеть вместе.

Впрочем, это касалось и их старших братьев. Бывали минуты, когда младшие ооржаки и монгуши шли друг на друга чуть ли не войной, и тогда старшие вмешивались и за руки разводили драчунов по аалам. А то просто прибежали к хворостинам. Но это случалось не часто. Часто бывало другое — дружеские соревнования в борьбе.

Посредине расстояния между аалами зеленела лужайка, одним боком она касалась тихих струй Чыргаки, другим примыкала к тополевой роще.

На лужайке в праздничные дни сходились «арзыланы» обоих сумонов. Поскольку праздников случалось мало, то лужайка была постоянным местом мальчишеских игр. Конечно, ни дня не проходило без хуреша. Победа доставалась поочередно то монгушам, то ооржакам, но это отнюдь не убавляло прыти одних позадирать нос перед другими:

— Знайте род монгушей, хилые люди!

— Нет сильнее ооржаков во всей стране!

В ранний утренний час, еще не позавтракав, Самбажык и Дажыма вприпрыжку неслись друг к другу, сходились в танце орла на заветной лужайке. Наборовшись вволю, скидывали с себя нехитрую одежку и —бултых с невысокого берега в речку!

Старшие часто указывали мундштуками трубок в сторону мальчуганов: «Дружными растут наши козлята, наверное, и жизнь их пройдет рядом».

И когда Дажыма был отдан в Чаданское хурэ обучаться монгольской письменности, его дружок ходил как потерянный и в мальчишеских играх не принимал участия. Зато только Самбажыка и было слышно в окрестностях, когда в родной аал ненадолго приезжал Дажыма.

Повзрослев и уже смело заглядывая на девушек, парни не забывали про лужайку. Правда, последние годы они все реже

сходились на ней в хуреше, больше — по праздникам. Жизнь задавала бесчисленные вопросы, и нужно было отвечать на них.

Внешне по-разному складывалась их судьба. Один, не зная куда девать свою удачу, ударился в конокрадство. Другой — в грамоту. Во всем кемчикском хошуне, пожалуй, не было им равных — одному по удаче, другому по знаниям. Но если имя одного неизменно произносили с осуждением, то имя другого — с почтением. Многим казалось, что жизненные дороги друзей так далеко разбежались в стороны, что пересечься им в будущем уже никак невозможно.

Пересеклись!

Вот уже и болельщики устали, а вожаки все еще топчутся друг подле друга, никак не хотят унять разгоревшееся в груди прежнее мальчишеское желание: кто — кого? Нет, ооржаки так просто не сдаются! А монгуши — тем более!

Наконец, один из них почтительно глянул в глаза другому, и этого было достаточно, чтобы прекратить борьбу.

— Ну, здравствуй, брат! — крепко обнялись, наконец, запыхавшиеся борцы.

И болельщики бурно приветствовали такой исход напряженного поединка: арзыланы оказались достойны друг друга! Да и все прибывшие, пожалуй, достойны быть почетными гостями в лагере беглецов.

Так весь отряд Дажымы без остатка влился в отряд Самбахыка. Великая смута на Кемчике только зарождалась. В год Овцы произошло это событие, но оно было далеко от смиренности овечки. Бойся, байская знать, бунта черни!

Кемчикский ноян новость спокойно пережевал вместе с остатками холодной баранины, запил свежим кумысом. У него были свои расчеты, и главный из них оправдался: теперь жалобщик на крепкой узде! И начинать надо с главного из них. Бызыя трижды хлопнул в ладоши. Тотчас дверки растворились, впуская в полусумрак юрты тощую фигурку хошунного писаря. Хозяин молча указал на столик с бумагой и другими писчими принадлежностями. Без предупреждения и пауз, приглушенно всхлипывая астматической грудью, забормотал, диктуя слова приказа: «По высочайшему повелению я, ухры-та Бызыя,

семнадцатого числа восьмой луны сего года приказал чиновнику Дажы-Ниме собрать из его сумона отряд бойцов и с ними пойти к речке Торгалыг, поймать засевших там беглецов Даа-хошуна. Хунду Дажы-Нима обманул меня. Его люди вместе с лошадьми и оружием примкнули к дургунам, замешанным в дорбетских делах. Сам Дажы-Нима вернулся в сумон, с курьером послал отчет ноянской ставке о случившемся. Мы сильно подозреваем хунду из сумона ооржак, по его вине беглецы остались на свободе и теперь большим числом не хотят подчиняться властям. Приказываю Дажы-Ниме, как только получишь это мое распоряжение, сразу прибыть в мою ставку для судебного разбирательства».

Не спешил Дажы-Нима — Дажыма на вызов. Тихая ярость неграмотного приказа и собственная непокорность веселила его сердце, и он намеренно отдалял день поездки в ставку нояна. Что там его ожидает, он прекрасно понимал — одно унижение. Люди хошуна смотрят в рот правителю, что он скажет — эхом разносится по всему Кемчику. Был для людей всем хорош Дажыма, а станет для людей всем плох Дажыма.

Еще немного, и обидится на весь род людской хунду, но вовремя одергивает его чиновничью прыть другой человек в Дажыме: «Послушай-ка, дружок, ты когда врать перестанешь? По всему Кемчику, по всему Кемчику... Да кто теперь смотрит в рот этому сквернослову с Бижиктиг-Хая? Многие потомственные чиновники отвернулись от него, а простые люди — и подавно», — и Дажыма мысленно больно дергает за косичку надоевшего ему хунду.

Правитель Кемчика, едва прибывший пожелал ему здоровья, резво вскочил на ноги, рывком стащил с головы хунду островерхую шапочку с синим шариком и, мучаясь приступом астмы, принялся яростно топтать ее ногами. А когда приступ прошел, разразился такой бранью, от которой камни Бижиктиг-Хая, эти немые свидетели человеческих слабостей, пожалуй, потрескались еще больше.

Дажыме всегда казалось, что земля долго хранила эти камни в своей утробе, силясь переварить, но, так и не одолев, брезгливо выплюнула их наружу. И теперь они походили на стершиеся зубы старой лошади или мощи вот этого хилого сквернослова,

невесть за какие доблести назначенного небом править людьми Кемчика.

О боже! Его, кажется, еще и хлещут по щекам! Вот тебе, хунду! Знай свое место, хунду! Терпи, хунду! Бывший хунду...

Все стерпел Дажыма, а потом сам поражался, как это ему удалось. Много дней минет с той поры, на смену году Овцы придет год Обезьяны, его сменит год Курицы, чтобы, в свою очередь, уступить году Собаки — жестокому году казни восставших. И все эти годы, и в момент казни нестерпимым жаром будут гореть щеки Дажымы, коих в свое время коснулись руки сквернословастматика с Бижиктиг-Хая.

Ради завтрашнего дня терпел хунду Дажыма, чтобы в нем самом и в людях Кемчика выпрямился, встал во весь рост, бросил смелый вызов поработителям арат.

Клич дургунов набатом пронесся по стойбищам: «Что вы, всадники, сидите у котлов? Надо нестись верхом! Не покоримся богдыхану!»

Черные вершины Кара-Дага, что на границе двух западных хошунов, облюбовали себе беглецы. Далеко вокруг видно с Кара-Дага. Можно глазом измерить двухдневный путь всадника вдоль темно-синего Кемчика, резво бегущего навстречу солнцу — к старшему брату Улу-Кему. Там вдали, среди мрачных, неприступных скал, крепко обнимутся они и, набравшись друг от друга сил, устремятся к далекому холодному и загадочному морю.

Дажыма силится представить, какое оно, море. Мысленно он складывает один Кемчик, второй, третий... Сто Кемчиков бегут рядом, несутся степью вокруг Кара-Дага, будто потревоженный табун диких жеребцов. И вот уже затопило речной волной все стойбища баев, и их самих вместе с нояном-астматиком похоронило в глуби. Один вольный Кара-Даг с вольными аратами на вершине радуется солнцу.

— О чем задумался, брат? Не пора ли навестить баев, заживевших в белых юртах? — слышится голос Самбажыка.

Дажыма уже очнулся от приятных мечтаний и теперь любитесь другом. Шелковый синий тон ладно облегает его стройную фигуру. Самбажык ставит ногу на выступ камня, в правой руке держит неразлучный кнут, левой защищает глаза от солнца,

напряженно смотрит вдаль, ищет там ответа на какой-то свой вопрос. Видимо, находит и, удовлетворенно хмыкнув, вскакивает на камень обеими ногами. Кнут со свистом рассекает воздух и оглушительно хлопает чуть ли не подле самого носа. Дажыма укоризненно качает головой, но друг смеется так весело, что губы помимо воли расплываются в щедрой улыбке.

— Так как, пощупаем баев? — вновь спрашивает Самбажык.

— Баев много, но один давно по гостям соскучился. Ты его знаешь хорошо.

— О-о! Одного я в самом деле хорошо знаю — хелина Чымбу. Угадал?

— Он самый.

— Толстая кишка! Навел чиновников на мой след. И товарищей выдал. Ох и пытали же их за дорбетских лошадей!

Дажыма знает подробности того суда. Ноги кайгалов зажали в узких отверстиях между двумя бревнами — ночь и день пытали так, но никто из них не признался, не выдал товарищей. Чуть совсем не обезножили удальцы.

— Ну что ж, пора собирать старые долги, — ударили по рукам друзья.

Суд над баем

...Хелин как увидел вооруженную толпу, ввалившуюся в юрту, так дар речи потерял. И чашка с запашистым чаем выпала из его рук, бесшумно покатила по толстому коврику к ногам непрошенных гостей. Нижняя челюсть у хозяина отвисла, сидит ни жив, ни мертв, лишь глаза, как у филина, круглые и моргают.

Самбажык поднял пиалу с полу, проворно налил в нее чаю, подал хелину с почтительным поклоном. И про себя не забыл, с наполненной серебряной чашей сел против старика, и теперь шумно прихлебывает ароматный напиток. Ни дать ни взять — гостеприимный хозяин и желанный гость. Завороженно смотрит на него лупоглазый, трясущимися руками подносит ко рту пиалу, зубами выстукивает мелкую дробь о ее край. После нескольких судорожных глотков, однако, успокаивается. Его пергаментное лицо вновь обретает привычную желтизну, а глаза вприщур остро смотрят на нахала.

«Ого, старик-то молодец!» — невольно отмечает про себя Самбажык и как бы невзначай вытаскивает из-за голенища загнутый нож, с любопытством проводит ногтем большого пальца по его хищному лезвию. Краем глаза видит: лицо хелина вновь покрывается мертвенной бледностью.

— Хорош нож, почтенный, а? Таким ведь ножом не режут баранов. А если и режут, то на выбор — самых жирных, иногда и безрогие попадают, как думаешь, почтенный, среди баев встречаются безрогие бараны?

Самбажык протянул руку, чтобы пощупать, есть ли рога на голове «почтенного», но тот внезапно ухватил ее зубами и укусил. Это было настолько неожиданно, что Самбажык даже не почувствовал боли — он с удивлением смотрел то на старика, то на товарищей. А те уже давно с еле скрываемым смехом наблюдали за происходящим и от души рассмеялись, когда вожак указал на хелина:

— Он, оказывается, не баран, а злая собака. Придется всыпать ему плетей,— весело подмигнул Самбажык товарищам. — Без суда, наверное, не обойтись, а?

— Верно, устроим чыыш! — охотно поддержали дургуны новую затею вожака, выходя из юрты и предчувствуя продолжение веселья.

Кто-то уже разыскал шапку хелина и водрузил ее на голову Самбажыку — «главному судье». По бокам расселись его «помощники» — друг Дажыма и брат Садыя. Нашлись и «экзекуторы», ими назвались здоровенные араты Комбуран из сумона чангы Санчы и Сангына из сумона чазана Дыртык-оола. В руках они наготове держали кнуты. На поляне возле юрты полукругом расселись остальные, всем своим видом выражая почтительность.

— Уважаемый хурал! — начал, гулко прокашлявшись в кулак, Самбажык. — Сегодня мы собрались с вами здесь, чтобы под властью нашего несравненного хаана Бодархулду (давно пора ему в Нижний мир!) рассмотреть дело большого преступника нашего хошуна...

— наших двух хошунов,— поправил его Дажыма.

— Преступника наших двух хошунов,— повторил главный судья, — по имени Чымба из рода ондар, по званию хелин, по

имущественному положению бай. Согласны ли вы, уважаемые участники хурала, быть свидетелями?

— Согласны!— дружно ответствовали араты.

— Тогда приступим,— и Самбажык широким жестом указал в сторону белой юрты. Экзекуторы тотчас выволокли из нее упирающегося, злобно визжащего хелина и поставили на колени перед судом.

— Присягает преступник Чымба из рода ондар, — торжественно объявил главный судья.

Медвежьей лапы не оказалось поблизости и подсудимому дали понюхать клочок козлиной шерсти. Тот, брызгая слюной во все стороны, принялся осквернять нехорошими словами светлые имена членов чыыша. Араты возмущенно зароптали, и один из экзекуторов небрежно ткнул кнутовищем в толстый зад хелина. Бай разом замолк и уже на протяжении всего суда ни разу не подал голоса, уразумев, наконец, что шутки могут кончиться для него плохо.

— Итак, кто хочет сказать слово?— обратился главный судья к аратам.

В круг вышел, поправив шапку на голове, Каткыжы из сумона Сенгина:

— Вы все знаете, что я тоже из рода ондар, и не моя вина в том, что в моих жилах течет кровь предков, которые породили на свет и эту злобную собаку,— указал он на хелина.— И не одну. Сумоном, где я живу, правит его сын, жестокий Сенгин. Наверное, нет во всей стране другого такого сумона, как наш. Я не успел появиться на свет, а уже получил такой тумак, что едва удержался в животе матери, когда Сенгин пнул в него за то, что она, будучи девушкой, не отдалась ему, негодяю...

Всю мою жизнь охρανляли тумакы Сенгина и его братьев, не успевал щеки подставлять под шаагай. Так и ходил постоянно с разбитым лицом, за что и прозвали меня Бузук-Хай — разбитая морда.

А сколько они, Чымба с сыновьями, отняли у меня и других аратов скота — легче сосчитать звезды на небе!

С каждым новым словом свидетеля убавлялось веселье суда. Истинную правду говорил Каткыжы, каждый из сидящих здесь мог подтвердить его слова.

Необычный чыыш разворачивался в долине Кемчика. Шутка ли сказать: араты судят бая! До сих пор все было наоборот. И даже никому в голову не приходила мысль о том, что бай может предстать перед судом. Оказывается, может! И ничего, не померкло небо над головами аратов, вон все такое же синее, и даже последнее облачко на нем спряталось за вершину Кара-Дага. Значит, сами владыки на стороне аратского суда.

Самбажык уже давно стянул с головы чиновничий малахай — хватит смеха! Незаметно руководство судом перешло в руки Дажымы, тонкими вопросами он не раз застигал хелина врасплох, заставлял его признавать свою вину.

— Нам известно, что в твоих табунах, Чымба, пасутся лошади с дорбетским клеймом. Будешь ли ты отрицать это? — задал он очередной вопрос хелину.

Тот покачал головой: нет, не буду.

— Нам также известно, что ты, Чымба, сам подговорил аратов на воровство дорбетского скота.

И на это ничего не возразил подсудимый. Да и как станешь возражать, коли среди сидящих здесь он узнал одного из кайгалов, еще вчера верно служивших ему, первому баю на Кемчике. Дело для него принимало серьезный оборот.

— Свидетель Аалчунмай, ты можешь подтвердить мои слова? — обратился Дажыма к одному из аратов.

— А чего тут много говорить? — охотно отозвался тот. — Я подтверждаю: Чымба посылал меня к дорбетской границе, и я пригонял оттуда лошадей для табунов хелина.

— Спрашиваю тебя, Чымба. Почему ты в докладной записке в ставку амбын-нояна выдал аратов, которых сам же принуждал угонять скот у дорбетов?

— Вот собака! — не сдержался кто-то.

Дружный гул возмущения прошелся по рядам свидетелей. Мечь зрела в головах аратов: нет, они приехали сюда не только для того, чтобы выставить напоказ коварного бая, надсмеяться над ним.

— А что скажут люди хелина? — Дажыма повернул голову в сторону группы аратов, стоявших в стороне от других.

Они поодиночке оставили свои черные юрты и, крадучись, приблизились к необычному зрелищу. Многие укоризненно качали головами: «Тадаым! О боже! Хозяин ползает на коленях перед конокрадами!»

Вопрос судьи был обращен к прислуге бая. Но разве найдется смельчак среди людей, привыкших к покорности?

— И скажу! — неожиданно раздался звонкий голос, он принадлежал байскому пастушонку, совсем еще мальчишке. — Я все скажу про моего хозяина. Это он украл тень моей матери, она не вынесла тяжелой работы. И теперь я, мальчик-сирота, от темна до темна пасу байский скот за одну чашку хойтпака. А чуть что не так, хозяин больно бьет меня. И некому заступиться, нет у меня ни сестры, ни брата, — голос мальчишки осекся, он стыдливо заморгал длинными ресницами и поспешил спрятаться за спины взрослых.

А те разом осмелели, куда и покорность девалась, заговорили наперебой, указывая пальцами на хозяина. Наконец, успокоились, стали выходить на круг поочередно. Каждому было что сказать, и ни у кого не нашлось хорошего слова для бая.

Чыыш начался, едва солнце оперлось резвыми ногами в зубчатый край Кара-Дага. Оно уже на четверть круга обежало небо, и теперь все сильнее и сильнее припекало кемчикскую степь, дивясь с высоты небывалым зрелищем. А может, солнце любовалось урянхами — этими наивными детьми глубоко почитаемой ими матери-природы; они долгое время жили будто во мраке, а теперь, наконец-то, прозрели, увидали свет иной жизни — свободной от зла и корысти.

Тени на земле стали короткими, что заячий хвост, когда суд определил меру наказания баю Чымбе: скот и имущество отобрать и вернуть аратам — его настоящим хозяевам, а преступнику всыпать девяносто плетей.

Приговор тут же был приведен в исполнение.

Комбуран и Сангына, несмотря на отчаянные вопли бая, уложили его на живот, закатали на голову шелковый халат, обнажив спину и ягодицы, и принялись поочередно обихаживать плетью жирную тушу хелина.

Кемчикская долина наполнилась ржанием табунов и бляением отар — это беглецы перегоняли байский скот на аратские стоянки.

Темной ночью, будто воры, сыновья хелина прокрались к юрте отца, кое-как усадили его в седло и вчетвером отправились в глухое таежное место, подальше от взбунтовавшейся черни. С собой прихватили лишь малое количество скота — на пропитание.

В лагере

Весть о смельчаках, устроивших суд над баем и одаривших бедняков скотом, разнеслась далеко вниз и вверх по Кемчику и его притокам. В каждом аале, получившем добрую весть, она обрастала новыми подробностями, — и пошла гулять по хошунам молва о шестидесяти народных заступниках с Кара-Дага. А с его вершины далеко вокруг разносились слова песен, зовущих к свободе:

«Мы не покоримся богдыхану,
Не станем платить ему дани!
Сделаем Кара-Даг нашим тронem,
Сами будем править страной!»

Многие араты без сожаления бросали у своих черных юрт все, что можно было бросить, и уходили к Кара-Дагу. И уже не пятьдесят-шестьдесят, а двести-триста беглецов прочно обосновались на горной вершине. Казалось, сам Кара-Даг от вольных аратских песен расправил плечи, гордо поднялся во весь свой могучий рост над кемчикской долиной.

Жизнь в лагере дургунов шла по строго заведенному порядку. Каждый день большая группа охотников спускалась в долину, чтобы «пощипать» очередного бая. Баи трусливо скрывались, и дургуны ограничивались угоном их скота.

Остальные в лагере в это время не сидели сложа руки. Под руководством Самбажыка, а когда его не было — Дажымы, на Кара-Даге шли военные учения. Большинство восставших было вооружено кремневыми ружьями или длинными шестами с накрепко привязанными к ним охотничьими ножами. Дургуны обучались искусному владению ими — на случай возможного нападения цириков.

С этой же целью на Кара-Даге велись ежедневные работы по укреплению лагеря, дальние подступы к нему бдительно охраняли часовые.

В один из коротких зимних дней поступило тревожное сообщение: «Чужие!» Дажыма тотчас распорядился поднять всех в ружье и сам встал во главе засады. Каково же было его удивление, когда среди «чужих» узнал Кожагар-Комбулдая, вожака аратов соседнего хошуна, они поднялись против притеснений

монгольских князьков. Долгое время отряд не хотел присоединяться к карадагцам, которых в Бээзи-хошуне называли не иначе как воришками и беглецами.

Чиновникам до поры до времени удавалось скрывать правду о восставших, но народная молва оказалась сильнее байской выдумки, и тогда самая верная прислуга заговорила о карадагцах как защитниках аратов.

Понял, наконец, свою ошибку Кожагар-Комбулдай, поспешил с отрядом к Кара-Дагу, встретился с вышедшим из засады Дажымой как с родным братом:

— Здравствуй, акый!

В ту ночь намного прибавилось костров на вершине Кара-Дага, и долго не мог угомониться лагерь восставших. Его хозяева проявили все радушие, на которое были способны: уж чего-чего, а сытной еды у них было вдоволь!

С приходом хорошо вооруженного отряда Кожагар-Комбулдая сила восставших удвоилась. Она искала выхода. Набеги на баев уже не так волновали беглецов, как поначалу, хотелось испытать себя в более серьезном деле.

Особенно часто и благодарно араты вспоминали имя Самбажыка. А тот с помощью Дажымы и Комбулдая держал повстанцев в строгой дисциплине. Люди побаивались его сурового погляда и, хотя не знали за собой вины, зябко поеживались под ним. Казалось, вожак взглядом обнажал их скрытую сущность. Молчун из рода монгушей безмолвно требовал от них чего-то, а чего — им не дано было понять.

Дажыма знал — чего. Был он в отличие от друга грузный телом, неспешный в движениях и словах, ступал медленно, осторожно, будто боялся продавить земную твердь. И редко кто догадывался, какая пылкая душа скрывалась за грудиной этого увальня.

О Комбулдае, третьем вожаке, в кемчикской долине были наслышаны. Беспощадный к баям, он мог снять с себя последний халат и отдать бедняку. Там, где громче других раздавались стоны, непременно появлялся Комбулдай со своей ватагой. Баи трепетали при одном упоминании его имени, пытались не раз найти управу на дургуна, но безуспешно. Сама земля берегла удальца, и он

успевал скрыться, прежде чем цирики нападали на его след. Отсидится какое-то время в глухой тайге, выждет удобный час и вновь скачет по аалам, наводит страх на толстопузых. Пробовали жаловаться, но князь монгольский далеко, а управляющие Бээзи-хошунуом каждый год менялись. Им было не до дургунов — успеть бы сумы набить чужим добром да отбыть в родные степи.

В отряде все любили младшего брата вожака — Садыяжыка. Его мальчишески-смешливый голос не переставал звенеть в конных походах.

— Что, Баткай, растрясло на горной тропе?— задирает он чернобородого дургуна, едва отряд уходит от погони пограничных разъездов. — Это тебе ведь не чай пить, не аркан вить. Совсем стал как пустой мешок, и пуля продырявит, так ничего не просыплется на землю. Главное, Баткай, крепко держи рот закрытым, откроешь его нечаянно, душа и выскочит вон через горло. Ищи ее потом, свищи, родимую. А без души и горячий чай не согреет. Ха-ха-ха,— заливается Садыя. Смеется бесстрашный Баткай, ему вторят остальные. И лишь молчаливый Самбажык строг лицом.

Раз как-то Садыя без его ведома спустился в долину и среди бела дня появился в стан заклятого врага кемчикской бедноты — бая Сенгина. Играя белозубой улыбкой, парень передал баю поклон от беглецов. Бай от ярости посинел губами, но не посмел наказать наглеца. А Садыя вышел за порог, ожег плетью байскую юрту — и был таков!

Юноша рассказал товарищам о визите к баю, живо изобразив сцену в лицах. И до того в ней похожим предстал спесивый бай, что люди долго и до слез хохотали. Лишь Самбажык не улыбнулся, грозно насупил бровь над правым глазом, строго смерил им хвастунишку с ног до головы, коротко бросил:

— В аал!

Это было самое строгое наказание для дургунов, когда вожак выгонял из отряда за провинность. «В аал!» — значит, ступай в дырявую юрту, грейся под боком жены, если она у тебя есть, плоды детей, паси байский скот, но не смей мечтать о доли удальца. Уже не скакать тебе вместе со всеми в темной ночи, не делить с товарищами тепло походных костров, не петь с ними вольных песен.

Поблел Садья, опустил голову ниже плеч, по-старчески горбясь, взобрался в седло, медленно поехал по горной тропе вниз, в долину.

Все лето продержал его Самбажик в родном стойбище. Нехотя уступил просьбе Дажымы. Вновь появился Садья на вершине Кара-Дага, вновь зазвенел среди восставших его звонкий голос.

Прежний Садья и не прежний. Сам смеется, прямо заливается колокольчиком, но глаза не улыбочивые, строгие. Знать, многое перемолол в себе парень, не легко досталась ему размолвка с братом. В ночных набегах на заставы был так же смел и решителен, но уже не совал попусту голову под пули, не бахвалился понапрасну перед товарищами.

Мужчиной стал, отметил про себя старший.

— В какой год мы живем? — улыбается Садья. — Правильно, в год Обезьяны. Любит она, проказница, показывать голый зад людям, вот счастье и отворачивается от аратов. Баи вместе с амбыном готовы вывернуть нас наизнанку. Но мы ведь не обезьянней шкурой крыты, голыми руками нас не возьмешь. Гав-гав! — удалец, изображая из себя злую байскую собаку, шутливо хватается рукой за полу шубейки Эникей, проходящей мимо.

— Ойт! — испуганно шарахается от него красавица. Придя в себя, сердито выговаривает шутнику: — И когда ты угомонишься, негодный? — Долго она, однако, не выдерживает строгого тона. Да и Садья перед ней такой смиренный да безобидный — добродушная улыбка во все лицо, — что Эникей невольно смеется, распространяя вокруг веселое настроение. Дургуны улыбаются вслед красавице.

Полгода назад появилась женщина в лагере беглецов, вызвав общее смятение. Под синим небом еще не бывало такого у семейного очага: рожать детей, варить похлебку, ласкать мужа, если он пожелает, — на такое дело много ума не надо. Но чтобы стать вровень с мужчиной, рядом с ним воевать — это уж слишком!

Кемчикская красавица делала вид, что не слышит глухого ропота, не замечает презрительных взглядов. Свободно расхаживала по кара-дагскому стану, вызывающе обнажала зубы

в улыбке, обращенной к каждому дургуну, умело врачевала раненых.

Последнее обстоятельство смягчало сердца беглецов, но не настолько, чтобы признать «ненужную». Они продолжали смотреть на Эникей как на безделушку, пока не прозрели разом: да ведь Дажыма от нее без ума! Сокрушенно качали головами: было бы по ком сохнуть! Одного мужика спровадила за красной солью и, едва овдовев, окрутила другого — богатого русского купца Ливандая, да так ловко, что тот и глазом не успел моргнуть. И за выкупом дело не стало, эта пройдоха средь бела дня отбила от табуна тестя, жадного Сенге, с десятков жеребцов и пригнала к юрте Ливандая.

Что и говорить, другой такой во всей кемчикской долине не сыщешь — отчаянная головушка! Ни с того ни с сего бросила на посмешище богача и вот объявилась на Кара-Даге. Кто ее, подстилку, тут ждал? Оказывается, ждал. И кто? Один из вожаков — рассудительный Дажыма. Ну и ну!

Так же укоризненно покачал головой Самбажык, найдя в юрте друга бесстыдную красавицу, томно возлежащую на шкурах. Дажыма выдержал его взгляд, молвил тихо:

— Не сердись, брат. Жизнь наша короче заячьего хвоста. У тебя есть сын, а у меня — нет.

Долго думал вожак. Две трубки выкурил. Потом встал с кошмы, сказал нестрого:

— Ча. Пусть будет так. Обучи ее нашему делу.

И кемчикская красавица стала бойцом. Как и все, маршировала на ученьях, стреляла на полном скаку в цель, спала на снегу в ночных набегах, пела вольные песни. И ее звонкий голос серебряным ручьем вливался в общий горный поток:

За то, что мы не сдались врагу,

Нам дали имя дургунов.

В будущем в конце концов

Мирно, свободно будем жить...

Вместе со всеми пели рябой Севээндей, рыжий Доржапай, чернобородый Баткай, алтаец Болаяр, монгол, которого все звали Торбетом, синеглазый Кенден, Адыя по прозвищу «Желтая оса», расчетливый Баян-Хоо, смешливый Озукай, неулыбчивый Дорихи, неунывающий Оттукай, суровый Самбажык...

Дошел слух до карадагцев, будто пограничники Бора-Шайской заставы бесцеремонно выпроводили назад группу аратов, семьями отправившихся молиться святому гегену. При этом отобрали у них весь скот.

Вскоре с Кара-Дага в долину спустились вооруженные всадники, тремя отрядами поскакали в разные стороны.

Даждыма повел своих людей на юг. На исходе второй ночи всадники достигли уурун-нурской заставы. Скрываться не стали. Появление вооруженных всадников, угрожающе размахивающих ружьями и самодельными копьями, произвело на солдат заставы ошеломляющее действие. Такого дерзкого нападения здешние места, пожалуй, не знали со времен Чингисхана.

Более смелые вязались в перестрелку с наглецами, но те так искусно управляли лошадьми, что казались неуязвимыми. Зато они мигом полонили трех солдат, которые в это время подъехали к заставе, и умчались с ними в степь, будто майский вихрь: только что были и уже исчезли.

Молодые солдаты упираться не стали, напуганные случившимся, они безропотно указали путь к месту, где пасся табун заставы и скот, отобранный у аратов.

Лишь когда отряд оказался в безопасном месте, Даждыма приказал отпустить солдат пешими. Погони можно было не опасаться: весь табун заставы перешел к новым хозяевам.

С удачей вернулись на Кара-Даг и отряды Самбажыка и Комбудая, они привели с собой скот Бора-Шайской и Чигир-Сугской застав.

Удача опьянила беглецов, и они стали частенько наведываться на заставы, не забывая по пути щипать и ненавистных баев. Заблеял, замычал скот в загонах, до той поры пустовавших. И теперь араты близлежащих аалов встречали беглецов как самых дорогих гостей.

В одном из сумонов дургуны встретили сборщиков обязательного налога, отобрали у них все серебро и меха, а их самих привязали к лошадям и отправили назад, в ставку нояна.

Вольная жизнь пришла в кемчикский край. Ни податей, ни побоев, скот в сохранности, еды вдоволь. Праздник пришел в каждую черную юрту. Прямо как в счастливом сне.

Но счастливые сны не бывают долгими...

Олзей-Очур, кавалер золотого павлиньего пера, хранитель главной печати, всенародный правитель Урянхая в степени тергин, уже давно отпустил людей. Амбын-ноян последнее время не выносил одиночества, оно страшило его, делало чем-то похожим на маленького зверька с длинными задними ногами и хвостом, пугливо скакавшего по степи сквозь ночь.

Два года назад ставку амбын-нояна посетил русский человек по имени Асташки, он привез бумагу с Иркутка, от белого цзян-цзюня. Бумага была нехорошей, но Асташки оказался веселым человеком, араку пил, будто воду, нисколько не пьянея. Что-то он там рассказывал амбыну о повадках пугливого зверька тушкана, что именно — не запомнилось. Одно осталось в памяти — одинокий бег зверька по ночной степи.

Но сейчас одиночество не пугало, как прежде. Дума, одна большая дума завладела правителем Урянхая, и он не чувствовал бега времени.

Уже который гонец подряд приносит в Самагалтай нерадостные вести с Кемчика. Вконец вышла из-под власти чернь, самому всемогущему хану не хочет платить дани. А чиновников беглецы вовсе ни во что не ставят, с овечьим пометом готовы смешать их. На судебные сборы не являются, открыто насмеваются над представителями ставки кемчикского нояна. Совсем стар, немощен стал Бызыя. Как он там пишет?

Амбын вновь тонким указательным пальцем водит по столбикам докладной записки, беззвучно шевелит губами: «Они грабят даже светлым днем. Возможно, они способны совершать и другие преступления, они не подчиняются приказам своих начальников и оскверняют их светлые имена. Устраивают судилища над уважаемыми людьми Кемчика. Они невинных аратов завлекли на свою сторону, а нам не дают покоя. Когда к ним посылаем людей, чтобы предложить им мирные переговоры, они не соглашаются. Такое положение может привести к плохим последствиям...»

Зябко сделалось спине, и амбын очнулся от своих дум, сразу окнулся в дурное состояние одиночества — едва насмелился нарушить жуткую тишину, устоявшуюся вокруг.

Тихие хлопки ладоней все же дошли до слуха тех, кому они были предназначены. Дверки юрты бесшумно распахнулись,

пропуская согнутые фигуры людей — телохранителей, помощников, писарей. Они застыли перед амбын-нояном в почтительном поклоне, не смея поднять глаза выше его коленей, готовые тотчас выполнить любую волю правителя. Ощущение власти вновь наполнило силой тело и дух главного нояна Урянхая, и золотое павлинье перо уже не дрожало мелко, а величественно возвышалось над его головой.

Сделал последний прыжок в ночи пугливый зверек и исчез. Амбын повелительно хлопнул в ладони, принялся диктовать зычным голосом:

— Несмотря на неоднократные требования моей ставки выловить беглецов, вы сами, ухры-та Бызыя, и Ваши чиновники постоянно срываете сроки исполнения. Воры до сих пор находятся на свободе, каждый день совершают новые преступления. И теперь вы довели хошун до такого состояния, что вам отказываются подчиняться не только простолюдины, но и чиновники. Отсюда можно понять, что сами правители сочувствуют преступникам.

Вы не выполняете приказы вышестоящих инстанций, не пресекаете вредные слухи, к делу относитесь недобросовестно и тем самым пособяете преступникам.

Приказываю вам, ухры-та Бызыя, по приезде представителей моей ставки совместно со всеми чиновниками хошуна собрать армию, преследовать и выловить всех воров. После ареста допросите их, выясните степень виновности каждого. У них есть главарь, который ставит перед собой далеко идущие цели. Кто он такой?

Примите меры по созданию спокойной, нормальной жизни в хошуне.

Если вы сочувствуете преступникам, то по этому поводу направьте свои письменные объяснения. Ваши объяснительные записки я переправлю в Улястай, к цзян-цзюню.

Примите меры по усмирению восставших, если этого не сделаете, то последствия для вас будут тяжелыми...

Утром от ставки правителя поскакали гонцы в восточные хошуны с приказом о войне. Здесь араты исправно платили налоги, с трепетом внимали самому малому чиновнику. Через луну отряды вооруженных людей стояли у ставки амбына, готовые к братоубийственной войне с западными аратами.

Близилась смена года: Обезьяна уступала дорогу Курице. Скоро в большом урянхайском курятнике поднимется такой переполох, что заполошное кудахтанье чиновников донесется до ушей самого эзер-хана Бодархулду. И тогда он произнесет несколько слов, каждый звук которых будет подобен звуку топора, обрывающего жизнь: «Восстание урянхов подавить силой. Найти зачинщиков, пытать, потом обезглавить. Головы их на длинных шестах установить в местах, где они совершали преступления, — для всеобщего обозрения и устрашения черни. Исполнить цзян-цзюню Улястая. Все».

А пока... Пока Кара-Даг все так же горделиво возвышался над кемчикской долиной. И хотя наступили большие холода, многие беглецы не думали спускаться с горной вершины вниз, в тепло юрт, отогреваясь длинными зимними ночами у костров. Свет костров был виден с самых дальних стоянок кемчикской долины. Он манил к себе аратов желанной свободой.

Попробовал было кемчикский правитель собрать войско для усмирения негодных, но мобилизованные цирики в первую же ночь разбежались, а многие из них ушли в горы к восставшим. И уже не шестьдесят, а несколько сотен беглецов прочно обосновались на вершине Черной горы.

Старый ноян готов был собственные пальцы грызть в бессильной злобе. Пришлось смирить гордыню, послать гонца к верховному правителю Урянхая и слезно просить отставки: стар, мол, стал, немощен, подданные не слушаются.

Казнь

В Оюннарском хошуне тоже было беспокойно: некий молодой удалец по имени Арган-оол и такие же, как он, беглецы, прочно обосновавшиеся на северных склонах Танды, не давали покоя баям. Самый богатый из них по прозвищу Жемчужный, который, по слухам, содержал этих самых конокрадов, и тот от них же и пострадал, лишившись в одну из темных ночей табуна лошадей.

Арган-оол и его товарищи недоумевали, зачем этот Жемчужный направил их в самагалтайскую ставку? Уж не донес ли кто об их прежних ночных набегах на дорбетов, и теперь хозяин, спасая собственную шкуру, решил выдать кайгалов в руки

верховного правителя? А тот, чтобы избежать лишнего шума, напрямик спровадит к цзян-цзюню. И не успеют молодцы глазом моргнуть, как их буйные головушки лишатся не только шапок.

На пути к Теси кайгалы слились со многими другими всадниками и успокоились: не будут же с вооруженных людей головы снимать. К тому же у многих с языка не сходили события в западных хошунах. Строились догадки: уж не для усмирения ли беглецов собирают их? Догадки подтвердились.

Амбын-ноян важно проехал вдоль рядов всадников.

«И этот хилый парень правит страной?! Интересно, бывал ли ты на борцовском кругу? — мысленно спросил его Арган-оол и сам же ответил: — Где тебе, мешок, набитый прелой травой!»

Однако голос у «мешка» с коралловым шариком на голове оказался зычным, повелительным, и Арган-оол весь подобрался, готовый тотчас исполнить любое повеление, отданное этим голосом:

— Со времен Чингисхана воины нашей страны славились храбростью и стойкостью в бою. На расстоянии в полкрика они без промаха рассекали стрелой натянутую бычью жилу. Три ночи могли не сходить с седла, меняя коней. Враги ни разу не видели спины наших воинов. Кровь Чингисхана течет в наших жилах. Я знаю, мало чести выступить против жалкой кучки беглецов и воришек, осрамивших народ нашей страны. Но они угоняют ваш скот, насилюют ваших жен и дочерей, издеваются над вашими отцами и матерями. Смерть презренным!

— Смерть! — троекратно отозвалось в рядах конников. Арган-оолу казалось, что над ними не зеленое полотнище боевого знамени, а сама смерть хищно распростерла свои крылья.

Парень, опьяненный общим настроением, в числе первых рвался в бой. Но схватки, от которой стало бы тесно в долине, не получилось. Восставшие, нестройными залпами встретив наступавших, группами уходили в неприступные горы. Арган-оол с горсткой смельчаков перерезал путь одной из них. И настиг бы беглецов, не найдись у них меткого стрелка, который засел за большим валуном и обстреливал каждый шаг по горной тропе, нависшей над пропастью.

Арган-оол, не мешкая, снял с пояса аркан и сильным броском ловко накинул петлю на скальный выступ, возвышавшийся над

головой. В этом месте горная тропа делала зигзаг, и засевший за камнем стрелок не мог видеть, как один из преследователей, подтягиваясь на руках, поднимается по отвесной скале.

Поднялся. Медленно, шаг за шагом, прячась за складками горы, Арган-оол, будто снежный барс, бесшумно подкрадывался к жертве. И когда до нее осталось на длину аркана, из-под ног удальца сорвался камешек. Стрелок тотчас обернулся на шорох, неловко вскочил на ноги и, потеряв равновесие, повалился в пропасть. В следующий миг петля аркана крепко обхватила несчастного за плечи.

Старик и юноша, тяжело дыша, молча сидели друг против друга, потрясенные пережитыми мгновениями.

Первым заговорил старший:

— Вернувшийся с полпути может превратиться в комолого быка, на котором дрова возят. Почему у тебя сердце дрогнуло, младший брат? Я свое уже выпил и съел. — не бойся, делай, что тебе приказано. Конь падет — коновязь останется, а она редко пустует. Правда, не найдется на ней места твоему коню.

Вот и все, что сказал старик. Но от его слов Арган-оолу стало не по себе.

— Скажи, отец, зачем ты, не оперив стрелу, вкладываешь ее в тетиву? Кто из нас прав, кто виноват — знает одно синее небо. Догоняй своих товарищей, отец. Я хочу остаться один, подумать хочу.

— Сколько ни думай, солнце всходит с одной стороны. Запомни на прощание мои слова, сынок: наша правда с ноготок, но придет время — одолеет гору лжи. Нет богатыря, равного народной правде...

Прознав про замыслы амбын-нояна, Дажыма решил действовать. По его приказу был полонен вместе с немногочисленной свитой Эрен-Дондуп, управляющий Бээзи-хошуном. Он даже глаза протер (не снится ли?), когда в его ставку пожаловал сам Комбулдай. Нет, не снилось. И уж, конечно, разбойник прибыл не с шелковым платом в руках, чтобы поднести дары, а с сыромятным ремнем, чтобы повязать. «О небо!»

Впрочем, Эрен-Дондуп напрасно молил чужое небо, оно не вняло его просьбам, не разразилось громом, не повергло наземь бунтовщиков.

Помощь придет позднее. Не от небесных владык, а от самих «немых». Но прежде посланник монгольского князя проведет несколько тревожных дней и ночей в окружении дургунов, которые, однако, будут относиться к нему довольно почтительно. А бывший кемчикский чиновник даже снизойдет до вежливой беседы с ним о путях самоопределения аратского края. И Эрен-Дондупу ничего другого не останется, как согласно кивать головой: да, конечно, монгольским князьям достаточно своих собственных земель и подданных; да, конечно, лично он ничего не имеет против урянхов, и, будь его воля, он вообще освободил бы их от налогов; да, конечно, урянхам самим решать, как устраивать жизнь...

Воодушевленный этой беседой, Дажыма со своей сотней поскакал в лагерь кемчикского нояна, дабы и там попытаться поладить мирным путем: вы нас не троньте — мы вас не тронем.

«Эх, Дажыма, Дажыма — мечтатель кемчикский! — горестно вздохнет Эникей. — Какой ты доверчивый! Гордо носишь голову, прямо смотришь людям в глаза, многое знаешь, но не освоил главной аратской науки: сколько волка ни корми — он все в лес смотрит. Открыто едешь в лагерь врага и даже не подозреваешь о его черных мыслях.

Постой, не спеши, остановись! Давай раскинем умом, потолкуем трезво. Ну, куда несет твою головушку светлую?! Ведь наверняка цирики уже притаились в засаде — ждут не дождутся тебя с товарищами, дабы схватить, повязать, казнить».

«Смирному коню век у коновязи стоять».

«Да причем тут это? Ведь ты в ответе не только за себя, но за товарищей, в первую очередь. Они тебе верят. Где твоя привычная осторожность?»

«И так много осторожничали. Не отсиживайся мы на Кара-Даге столько времени — по-новому жили бы люди Кемчика».

«По-новому — это как?»

«Люди верят в справедливого нояна. И он у нас есть».

«Кто же это?»

«Ну, если ты не видишь сам, то назову его: мой брат».

«Самбажык — и ноян?!»

«А чем он плох?»

«Да не плох, а хорош! Посуди сам, ты же грамотный человек, умница, должен понять: ну какой из Самбажыка ноян? Да он скорее нищим станет, чем согласится народ обирать».

«Верно. На то он и справедливый правитель: все для аратов, а не все от них».

«Эх, Дажыма, Дажыма...»

«Ладно, подруга. Пусть наши внуки и правнуки решают, как мы жили, о чем мечтали. Как могли, помогали аратам. Как умеем, так и будем жить. Прощай!»

Снежная пыль из-под конских копыт скроет Дажыму из глаз.

Схватят предводителя вместе с товарищами, повяжут, станут пытать. Но ни слова не уронит бывший чиновник. Ничего не добьется от него и сам цзянь-цзюнь, хотя на глазах улястайского генерал-губернатора Дажыму будут бить палками, выворачивать ему руки, ослеплять глаза.

Лишь одно скажет кемчикский мечтатель, собрав последние силы, мучителям: «Меня можно убить, народ мой — никогда! Придет день его правды!»

...Не ржание и бляние скота потревожило кемчикскую долину. Стон и плач стоит в ней. Это цирики во главе с Сонамом, братом амбын-нояна, выполняют приказ Улястая: до черенков истребить беглецов и воришек — мальчикам выкалывают глаза, девочкам ломают берцовую кость. Потухли очаги в аратских юртах. Чугунные треножки, и те пошли в дело: в хошунной кузнице сковали из них массивные цепи.

Невидимая духовная ниточка скрепляла ранее беглецов, теперь она протянулась от руки к руке, от ноги к ноге — тяжелой чугунной цепью.

И старик в цепях. Ясен его взгляд, не страх, а легкий упрек в глазах: «Зачем ты спасал меня в горах, сынок? Арат рожден умереть на родной земле».

В долгий путь, для многих последний, повезли беглецов. Старались держаться подальше от сумонов и аалов, дабы не возбуждать в людях жалость к закованным в кандалы, ненависть к цирикам. Но араты целыми аалами выходили к перевалам, терпеливо ожидали длинную вереницу пленных, чтобы в последний путь проводить близких.

Цирики плотным кольцом обступили беглецов, не пробиться, не обнять родимую головушку. Упала старуха на колени, руки тянет вослед:

— Сынок, вернись назад, на кого ты бросаешь свою мать! И зачем я тебя родила, негодника!

Кто-то бережно поднимает ее с примятого снега, ставит на ноги:

— Успокойся, мать. От народа тебе большое спасибо, что родила-вырастила такого богатыря. Мы тебя не оставим в беде.

На одном из перевалов встретила своего возлюбленного и Эникей. Молча кивнули друг другу головами — вот и все прощание. Но успела заметить кемчикская красавица — нет страха в душе ее возлюбленного, лишь раскаяние в глазах. Не знала и не могла знать одного: не за содеянное раскаявался он, а за то, что многое не успел сделать для людей.

Дажыма, Дажыма! Не многого ли ты хотел? В мечтах видел себя нояном хошуна, где нет ни богатых, ни бедных. Все живут в собственных юртах, сытые и довольные, за едой славят имя справедливого правителя. Единственным владыкой является грамота, ей одной низко кланяются люди Кемчика. Вольные, радостные песни урянхов звенят в синем небе, их подхватывает речная волна, несет, слившись с Улуг-Кемом, к дальнему студеному морю, чтобы по пути поведать народам, населяющим его берега, о счастливой доле арата.

Дажыма, Дажыма, кемчикский мечтатель! Снежной порошей стелется вослед одиноким саням твоя мечта.

...Пришел год Собаки. Одной из первых под топором палача скатилась с плахи седая голова предводителя восстания.

«...Кто был в сообщниках? С кем делил ворованный скот? Как звали главарей шайки?..»

Нет вопросам конца. Нет пыткам конца. Садыя уже не чувствует боли. Медленно приходит в себя. Пить, как хочется пить! Хоть один глоток из родного Кемчика!.. Вместо чашки с водой перед лицом беглеца ставят чашу с горящими углями: на них дымитесь, плавится свинцовая стружка.

«Сейчас напоим тебя, кулугур! Что тебе приказывал Дажыма? Где старший брат?..»

«Старший брат? Выходит, его не схватили желтые албысы. Где вам, травяные мешки! Подождите, толстопузые, придет брат с товарищами — быть вам самим на углях зажаренными!»

Слабая надежда помогала Садые переносить пытки. Потом не осталось и ее. Палачи уже не спрашивали о том, где Самбажык, где Комбулдай.

Лишь спустя год Садыя узнает, что старший брат долго скрывался, цирики все же поймали его, расстреляли на месте, а потом обезглавили. Второй вместе с аратом Тажыпаем пешком одолеет Саяны, еще немного и... В местечке Она, уже на русской территории, беглецов настигнут. Двое подымутся на высокий утес, бросятся с него, разобьются насмерть. И вновь цирики обезглавят — уже мертвых. Легкую смерть примут двое предводителей восстания. Дажыму, до неузнаваемости изуродованного пытками, первым обезглавят на глазах товарищей, приговоренных к смертной казни.

На второй день казнят лысого Самдана, на третий — рыжего Севзэндея. С каждым новым восходом солнца Садыя ждал своей очереди. Но наступало утро, разгорался день, и вновь шею другого сжимала прорезь перекладки. Другому длинными мечами выламывали ключицы; шея под тяжестью тела вытягивалась длинной кишкой. И тогда на солнце ослепительно сверкал клинок. Обезглавленное туловище падало в пыль, корчилося в судорогах, алой кровью орошая чужую землю. А над перекладной бессмысленно вращала глазами голова казненного, напоследок злорадно высовывала синий язык оставшимся в живых.

Их становилось все меньше и меньше. Пятеро... Четверо... Трое... И вот уже только двое, еще не казненных — Садыя и его товарищ по несчастью Болаяр. Первый совсем еще молод, второй родом с Алтая — подданный русского царя. Видимо, этими обстоятельствами руководствовались судьи, день за днем отодвигая их казнь, но обрекая на душевные муки.

И когда отодвигать казнь стало некуда, в Улястай прибыла еще одна, последняя, партия пойманных беглецов. Они долго скрывались в горах, умело уходили от преследователей и все же не миновали тяжелых чугунных цепей на руках: Дарихи, Морту, Эренчин, Борбакай, Оттукай, Бурун, Сегбе.

И опять мучительно долго потянулись дни. Совсем белой стала голова Садыи. Он уже не просил, а требовал собственной казни. Палачи криво ухмылялись в ответ: «Совсем разумом ослаб

юнец». Ему развязали руки, сбросили с ног тяжелые оковы. И это было непростительной ошибкой палачей: в одну из ночей Садыя убежит, и его не настигнут.

... Путь к месту казни ведет по узкой улочке, с обеих сторон плотно огороженной тальниковой лозой, до того плотно, что ничего не видать по ту сторону загородок. Садыя сбил с ног стражника, разбежался, перемахнул на руках — откуда силы взялись! — высокий тын. Сзади загорланили, затопали по улочке.

Загородь скрывала черную юрту, небольшой дворик, неширокую речку за ним, а дальше — степь. Куда убежишь, где спрячешься? Не родные горы и тайга вокруг — голая, что плешь на голове, степь.

Садыя заметался по дворику, напугав одинокую, привязанную веревкой к колышку козу. На глаза попалась большая корзина с сухими навозными лепешками на дне — топливом для кагана. Лег рядом, накрылся корзиной. Затих. По дворику протопало несколько пар ног. Шум отдалился, потом снова затопотило. Слышно было, кого-то в юрте зычно спрашивали по-урянской: «Куда девался проклятый кулугур?» В юрте что-то говорили в ответ; невозможно было расслышать — что. Долго еще гортанные голоса и шум погони доносились до слуха Садыи.

...Медленно, так медленно, что оно казалось прибитым к вершине неба огромным колом, спускалось солнце к закату. Все же не вечно ветру дуть, и вот сумерки опустились на землю. Пришла темная ночь, а вместе с нею зашуршали чьи-то легкие шаги — будто мышь кралась по траве. Корзину осторожно поскребли пальцами. Садыя тотчас вылез из-под нее и разглядел старого человека перед собой — не цирик! Тот нащупал его руку, потянул за собой: «Пошли, брат».

Шли долго, до рассвета. А когда он наступил, Улясуйтай остался далеко позади. Лишь тогда старик-урянаец облегченно вздохнул: ну, брат, тебя хранит само небо!

Пожевали вяленого мяса, остатки его старик сунул в руки белоголовому юноше. На прощанье строго наказал идти не в сторону дальних синих гор — там Урянхай! — а в противоположную, полуденную. В глубь Монголии! Садыя оценил мудрый совет: цирики не догадаются искать беглеца за собственной спиной.

Это был путь, может быть, не такой долгий, каким его вели улясутайские палачи, но наверняка в иной мир. Степь, степь, песчаная степь кругом... Днем Садыя задыхался от жары — ни единого кусточка, куда можно было прислонить голову, ночью стучал зубами от холода. Ночь и день. Снова ночь и день... Снова ночь и снова день...

Садыя терял сознание. Вставал, шел, снова падал. С каждым разом ему было все труднее и труднее подыматься...

Старшие товарищи становились рядом, подставляли плечи.

«Ну что же ты, удалец? — вставал в жарком мареве Дажыма.

— Или ты не мужчина?..»

«Не позорь старшего брата, Садыя. Подымайся!» — требовательно склонялся над ним Самбажык.

«Пойдем за мной, юноша», — ласково звала за собой Эникей.

Снова — она. Кемчикская красавица беззаботно поет звонкую песню без слов. Где-то он уже слышал ее. Где, когда?..

Садыя слышит ее близкое дыхание. «Не могу больше... оставь меня... Эникей». Тяжело разомкнул веки, близко-близко увидел смуглое лицо, удивленные глаза незнакомки. Та испуганно вскочила с коленей, медленно попятилась, бросилась бежать. Садыя не успел до конца проследить за ней взглядом, смертельная усталость вновь властно накрыла ему глаза каменной ладонью.

Что верно, то верно: само небо хранило кемчикского беглеца. Не к байской стоянке вышел юноша — к одинокой юрте старого табунщика. Ранней весной перебрался он в эти места с байским табуном, чтобы поздней осенью вернуться назад с нагулявшими жир жеребцами. Много раз торил он следы туда-сюда, состарился за этим занятием, но такого не помнит, чтобы кто отважился в разгар знойного лета бросить вызов пустыне. Конь падет, а человек — и подавно. А этот, смотри-ка, оттуда, со стороны гиблого места, пришел. Молод еще, но весь в страшных рубцах-ранах. Не иначе, из тех самых... Может, одному только и помогли владыки неба. В середине месяца Змеи объявился незнакомец у их стойбища, а уже в начале следующего, месяца Лошади, вовсю мчался наперерез табуну дикарей, низко пригнувшись к шее белоногого красавца. Звонкая песня Чейланы, дочери старого табунщика, неслась ему вслед. Песня любви.

По высочайшему императорскому повелению в честь благополучия кемчикских чиновников, особо отличившихся при поимке повстанцев, — сумонных правителей Шугдура, Санчы, Сенгина, Чонгула и Самдана — на Кемчике было проведено всенародное моление небесам. Следующим утром Сенгина обнаружили в юрте мертвым с кинжалом по рукоять в боку. Сами боги, видно, отвернулись лицом от негодяя.

Это Сенгин выследил Самбажыка, с помощью цириков повязал его, собственноручно расстрелял и мертвого уже обезглавил.

Разгладились ранние морщины на лбу Садыя, отомстившего за смерть старшего брата. Подобная участь ждала и других, отмеченных высочайшим императорским вниманием.

...Через два года после казни восставших новые отряды дургунов поскачут по берегам Кемчика. Во главе их встанут Садыя, Оттукай, Баткай, приговоренные к смертной казни, но чудом избежавшие ее. Бызыя, немощный правитель Даа-хошуна, от страха тронется умом. Ему станет казаться, что это головы казненных ожили, обрели тело и вновь смутили, подняли народ против правителей Поднебесной страны.

Бойтесь, толстопузые, правды черни!

Высоко над родной землей вознесутся на толстых шестах головы казненных. По приказу самого хана — для устрашения черни. Только история рассудила иначе: восстание Шестидесяти богатырей стало прелюдией к национально-освободительной борьбе, а затем и народной революции. Мечта Дажымы и его товарищей по Кара-Дагу стала светлой реальностью: арат стал свободным. Пришел день его Правды.

Маадыр-оол ХОВАЛЫГ

ТРЕТЬЕ ПРЕКРАСНОЕ СУЩЕСТВО

В селе Быстрое Иркутской области находится единственный в мире питомник восточно-сибирских лаек. Там мы с друзьями приобрели трех щенят.

— А как же не знать про вас, тувинцев-охотников! — встретил нас управляющий питомником, мужчина неопределенного возраста.

Было это поздней ночью, а утром, провожая нас, он нежно погладил черных, как угольки, щенят и глубоко вздохнул:

— Питомник приобрел миллионер из Ангарска, из двухсот лаек осталось всего тринадцать, вы, наверное, послед-ние, кто купил щенят.

Месячные сосунки разместились в небольшой сумке, Удивительно, в любом виде транспорта щенки хлопот не доставляли: не скулили, не гадили, молча вертели головками, знакомясь с окружающим миром. Заметив их, пассажиры невольно улыбались, поглаживали, нередко ласково разговаривали с ними.

В Иркутском аэропорту один из пассажиров, узнав у нас про породу щенят, резко возразил: «Э, не-эт, дарагой, эта — кавказский овчарка!»

Сойдя с трапа самолета в родном аэропорту, мы сразу помчались на станцию ветеринарной помощи. Уколы от чумы нашим щенкам ветврачи сделали безо всяких проволочек. И нашей радости не было предела! Наконец-то наши мечты сбылись! В нашей округе ни у одного охотника не было чистокровных лаек, тем более восточно-сибирских. А они крупнее всех других лаек, ровно идут как на пушных, так и на копытных, а так же и на хищных.

Решили месяца три подержать щенков у меня. Навык обращения с ними у меня был, к тому же детеныши одного помета вместе растут быстрее. Стойкие к сибирским морозам, неприхотливые к еде, они резвились и росли изо дня в день. Но однажды в субботу вечером я заметил, что один из щенят не притронулся к еде. Он еле ходил, понунив голову. Успокоил себя, что беда пронесется мимо. Однако в воскресное утро вяло ходил и второй щенок, лакал молоко лишь самой меньшей, белогрудый. Я боялся себе признаться, что надвигается беда. Но надежда окончательно потухла, когда я в три часа ночи увидел, что и белогрудый не обрадовался моему появлению. Мои опасения оправдались, у щенков — чумка! В нашем райцентре не оказалось лекарства против этой самой распространенной болезни собак.

Я мигом завел машину, затолкал больных щенков в салон и в звездную ночь рванул в столицу. Предыдущих трех щенят у меня забрала чумка и за всю трехсоткилометровую трассу только одна мысль билась в голове: нет-нет, не отдам щенков в руки костлявой!

Утренний Кызыл встретил смогом и пятидесятиградусным

морозом. Работники станции ветеринарной помощи покачали головами и развели руками:

— Ай-ай, какие прекрасные щенки! Но помочь не сможем, нет у нас лекарств против чумки.

— Привезти из неблизкой иркутской земли чистокровных щенят и похоронить их под снегом на тувинской земле — это... это был тот случай, когда охотник мог запросто потерять разум. В это время с улицы вместе с белыми гривами мороза вошла пожилая женщина и, увидев мое отчаяние, поведала, что у одного коммерсанта можно купить лекарства, правда, за большие деньги. Да какие там деньги, лишь бы щенят спасти! А они все трое еле стояли на ногах, в глазенках-бусинках едва искрилась надежда на помощь людей.

Я быстро разыскал коммерсанта, и ветврачи сделали щенкам первые уколы. На ночь мы разместились в гостинице. Зная, что работники там горласты, я пронес щенят в той же застегнутой сумке. Вечером горничная почему-то не раз заходила ко мне в номер, но исхудалые щенки, спрятанные в обувном шкафу, даже не пикнули. А наутро им сделали по второму уколу и, — о чудо! — заграничные лекарства спасли жизнь щенкам!

По приезде домой я раздал щенят их хозяевам. Себе оставил белогрудого, самого шустрого, по имени Дурген, что значило Быстрый, созвучно с названием села, где разводили неповторимых восточно-сибирских лаек.

Дурген рос свободно во дворе, благо забор был высокий, калитку и ворота все домочадцы открывали и закрывали аккуратно.

Десятимесячный Дурген восхищал всех, кто знал толк в собаках. Если не обращать внимания на белые кончики лап и грудь, это была черная пантера, с мощной грудью, тонкой талией, сильными, мускулистыми ногами и конечно же, колечком пушистого хвоста. Уши у него небольшие и морда коротко рубленая, прямо-таки медвежья. Не помню, кто сказал, что природа создала двух прекрасных существ — женщину и лошадь. Но при виде Дургена я смело добавил бы, что есть и третье прекрасное существо на свете — лайка.

Дурген постоянно находился под нашим неусыпным оком. Но в один из дней августа он вдруг исчез. Одолел двух-метровый забор — и с концом! Начались поиски. Имея на руках фотоснимки и записанный на магнитную ленту голос собаки, мы в начале

сильно не расстроились. Сперва на поиски привлечены были все члены семьи, потом вспомнили неугомонных мальчишек, слоняющихся без дела — им обещана была приличная денежная премия. И пошла ребятня по городским улицам, квартал за кварталом. Но минула неделя — никаких результатов. На людных местах развесили объявления с фотографиями Дургена. Нашедшим лайку была обещана довольно крупная премия. Земляки находили, приводили черных собак, но среди них не было Дургена.

В бесплодных поисках прошло два месяца, уже и охотничий сезон на носу. Гадали шаманы на сорока одном камне, прорицатели — на картах и на бараньих лопатках, но про Дургена — ни слуху ни духу. На душе лежал тяжелый камень: из-за собственной расхлябанности потерять отличнейшую охотничью собаку! Это сравнимо разве что с потерей близкого человека. Я по ночам вскакивал с постели, услышав лай собак, везде мне мерещился Дурген: в поле ли, в деревне, в городе ли, — везде, где бы я ни бывал. Я невольно тихо постанывал, когда перед глазами вставал образ Дургена: то он резко бросался на кусок бараньей шкуры, когда его обучал, то громко облаивал меня, кидаясь из стороны в сторону и этим приглашая к игре.

Я себя никогда не считал несчастным, но теперь воочию ощутил себя таковым. Хороших охотничьих собак воруют похлеще баранов, да и бомжи не дремлют при виде упитанных собак: так и грезится им аппетитное рагу. Что ж, не всю жизнь горевать. На охотничьих бивуаках буду рассказывать землякам о моей чистокровной лайке, которая загадочно исчезла. Это будет памятью о Дургене и моей несбывшейся охотничьей мечте.

Пушной сезон начался. Мы, четверо охотников, уже второй день не слезаем с коней. Груз в переметных сумах тяжелый, подкованные лошади идут то шагом, то галопом. Навстречу нам из-за темных елей выныривает всадник — согбенный старик в меховой шубе на высоком чалом жеребце. Эта встреча прихлась как нельзя кстати. После традиционного приветствия разговорчивый дед сообщил нам пренеприятную весть, о которой мы даже не предполагали. Оказывается, на нашем пути, чуть ниже слияния реки Кожээ Ишкином, на чабанской стоянке, устроились работники экологической милиции. Мимо не проехать, не пройти. Редкие кызылские гости, по словам старика, занимаются своим делом: ловят темноспинных хариусов на балыки да шмонают

встречных и поперечных. Мы обеспокоились не на шутку. Договор с охотпромхозом у нас был, но у двоих ружья оказались незарегистрированными и при встрече экомиллиция с превеликим удовольствием отобрала бы их. Дело в том, что в 1950-60-е годы в наших магазинах нарезные и гладкоствольные ружья продавались свободно. Так вот, те ружья еще стреляют по белкам и соболям, и они ходят по рукам: отец передает сыну, а тот — брату или кому-нибудь еще из родни.

Чтобы уйти от греха подальше, старший из нас предложил подняться вверх по речушке, к стоянке знакомого чабана и там провести ночь, а назавтра в светлое время суток объехать стороной нежеланных гостей.

Чабаны в таежных краях рады любым гостям, и хозяин стойбища — молодой, словоохотливый парень, угощая нас горячим чаем, попутно вызнал новости городской жизни. Пока он занимался рубкой мяса, чтобы сварить ужин, мы вышли из юрты. Расседлали лошадей и привязали их арканами на ночь. Были глубокие сумерки, молодой месяц прятался где-то за островерхими, зубчатыми горами. С восточной стороны темного неба неспешно зажглось созвездие Плеяды — ночные часы тувинских охотников. Где-то рядом еще не закованная в лед таежная речушка шептала свое таинственное, словно молодуха на уши своему суженому. Крупные лиственницы, как крепостные стены, со всех сторон обступили стойбище.

Расседлав своего каурога, я стал снимать узду, как вдруг что-то темное вынырнуло из-за дерева и сильными лапами уперлось в мои плечи. В тот же миг горячее дыхание обдало мое лицо. Я даже не успел испугаться таинственного существа, и лишь одна мысль сверлила мозг: «Кто это? Что это?» А потом скорее не увидел, а почувствовал, что на мне висит собака. «Ах, ты, ненасытная утроба!» — прохрипел я. Собак здесь была целая свора: наших три, да на чабанской стоянке лаяли не менее трех-четырех. Я поднял руку, чтоб ударить по голове нахала, каких еще не видывал, как вдруг заметил, что грудь у собаки белая. Я застыл на месте. Постой... постой...

Оцепенение продолжалось доли секунды, я мигом перевел взгляд на передние лапы, они точно — белые! «Неужто?!» Чтобы

не потерять равновесие, я обхватил шею собаки и нащупал руками ошейник из стальной проволоки и обрывок веревки на нем. Только чужую собаку держат на проволочном ошейнике. Дурген!

— Мой Дурген нашелся! — Я орал во всю глотку. Мы, обнявшись, катались по осенней таежной земле — на свежих лошадиных кругляшках, на сучьях. Подбежали друзья. Узнав, в чем дело, они зацокали языками, закачали головами — быть того не может! От радости я еле связывал слова. Я был словно пьян — не чуял ни ног, ни тела. Надо же! Этому никто не поверит! Сказка, мистика! Проехать три района на лошадях, подняться вверх по Ишкину, удрать от экомиллиции на истоки неизвестной 22 мне речушки, чтобы... чтобы встретить своего Дургена! Кто сказал, что чудес на свете не бывает!

Мы сбились в кучу и стали втихаря совещаться. Понятно было и без слов, что Дургена кто-то привел к хозяину юрты. Таежные чабаны — отличные охотники, и нам предстояло, соблюдая этикет гостей, убедить его, кто настоящий хозяин белогрудой лайки. Войдя в юрту, старший из нас стал как бы ненароком хвалить черную лайку: какой мол у нее отличный экстерьер, мечта любого соболятника; из каких краев только достают таких отличнейших собак. Но молодой хозяин юрты и ухом не повел на хвалу старшего. Лишь скупно сообщил, что за два часа до нашего приезда он возвратился с Хууректига, что по ту сторону хребта, и за ним увязалась черная лайка. Он поворачивал лошадь назад, отгонял собаку, стрелял в воздух, но она немного отбегала и снова возвращалась. Сейчас где-то здесь, в темноте не видать: если не убежит за ночь на Хууректиг, то завтра он попробует пустить ее на рысь. Этих диких кошек развелось вокруг, как бездомных собак. Мы разинули рты от удивления. Вот оно что!

Сообщение гостеприимного хозяина снова поразило меня своей загадочностью. Если бы не встречный всадник, если бы не экомиллиция, если бы не его поездка на Хууректиг... В мозгу каруселью вращались обрывки моих мизерных знаний о теории вероятности, о Спирали Времени, о телепатии живых существ. И наконец я вспомнил, что почти, можно сказать, на каждом шагу, каждый день я в мыслях машинально повторял чалбарыг —

охотничий стих благословения Небу и Земле: «Оршээ Хайыракан — будь милостив ко мне мой родимый Танды — край мой узорчатый! Седоголовые, пестроголовые святые мои Танды — вершины ваши остры, перевалы ваши трудны! Будьте милостивы — помогите найти моего четвероногого, острозубого друга, нюхом — лучше зверя, слухом — лучше летучей мыши!» И вот мой чалбарыг был услышан! Сделав порядочный крюк, через три дня мы достигли своих охотничьих угодий на Хан-Тегири. В первый день охоты, ближе к обеду, Дурген исчез в таежной чаще. Сколько ни звал — все впустую, Понял, что за двухмесячное отсутствие лайка совсем одичала. С мрачным лицом вернулся я к охотничьему шалашу. Смотрю, а Дурген слабо помахивает хвостом и виновато поглядывает на меня. Я только раскрыл рот, чтобы вдоволь наорать на него, как увидел на синем снегу кровь! Ружье — в сторону, я — к собаке. От пасти вниз шли две глубокие раны, словно кто-то острым ножом резанул по горлу. И на правой лопатке до костей рана! Да это он встретился с секачом. И счастье его, что благодаря своей природной ловкости он увернулся от смертельного удара клыков кабана.

Я не отходил от Дургена четверо суток и выходил его. За сезон он отлично научился обнаруживать белок, но чтобы стать хорошей собакой-соболятником, одного сезона маловато.

Когда возвратились с охоты домой, не было большей радости в семье. Знакомые, многочисленная родня приходили смотреть на загадочно появившегося Дургена.

Теперь я его держал на привязи. Но как-то утром вышел покормить будущего грозу соболей Хан-Тегира, смотрю, а на цепи пустой ошейник. Опять удрал! У-у! Я взвыл от горя.

К сожалению, второго чуда не случилось. Чудо встречается в жизни один-единственный раз,

Уже третий охотничий сезон у костра рассказываю землякам о Дургене, о его загадочных исчезновениях. Повторяю при этом, лишь бы он был жив. И если кто увидит где черную как смоль, с белой грудью и белыми лапами восточно-сибирскую лайку, знайте, это — мой Дурген. Нет, не надо о том мне сообщать. Пусть он будет верным другом того, кто его пригрел. Такова, видно, воля охотничьей собаки, рожденной жить свободной.

Валя принят в пионеры.
1938 г. Кызыл.

Валентин Тока, старшему сыну писателя Салчака Тока нынче исполняется 80 лет. Он живет в Минусинске. В 2005 году он в Москве выпустил книгу рассказов «Никто пути пройденного у нас не отберет», 264 с. Печатаем три рассказа из этой книги.

Валентин — сын Токи от его первой русской жены Шуры, он родился в 1929 году в Кызыле. «Родители Валентина разошлись по обстоятельству, описываемым им в рассказе «Шагдыры». Причина была скорее политическая», — пишет Виктор Норбу в предисловии книги.

С отцом, 1951 г., Москва.

Валентин ТОКА

ШАГДЫРЫ

Ново-Жиланская улица совсем рядом — два квартала от вокзала. Всего домов в двадцать, спускается к железобетонной ограде, за которой гудели маневренные паровозы, звенели сцепки вагонов. Их дом — с крошечным магазином. Мама спала с Саянкой, а Темир на полу. Из всей мебели были только стол и два стула.

Все висело на стенах. Внизу в двух комнатах жили две семьи: украинец Коваленчук с двумя дочками и русская бездетная пожилая пара Семеновых. Кухни не было, потому в каждой комнате гудели примусы.

Лето в Киеве стояло такое, что и Крым позавидовал бы густоте и яркости зелени деревьев и пестроте красок на цветочных клумбах. До Днепра Далеко. Ребятишки, взяв булку хлеба и немного сахара-рафинада, утренним трамваем уезжали к Арсеналу на пляж. Лето стояло спокойное с небольшими ночными дождями. Гроз с конца апреля — ни одной.

Как всегда, в эту ночь единственное окно было открытым. Створки не шелухнутся — ни ветерка. Уже звезды погасли, небо нежно заголубело. Вот-вот из-за горизонта появится солнце. Непрерывные громовые раскаты вдруг загрохотали вблизи. Горячие волны воздуха сорвали створки окна и брызнули стеклом на спящих. Дом задрожал. Жители выбежали на улицу. За забором и дальше, у вокзала, поднимались густые клубы дыма, гремели взрывы.

— Война, — сказал Семенов.

— Это бомбы. Нужно спрятаться в какой-нибудь подвал.

Прогудели, разворачиваясь на запад, самолеты. Стали слышны сирены пожарных машин, все больше и больше разрастался пожар. Небо посерело от дыма, несколько густых черных шлейфов потянулось в сторону Куреневки. Ребятишки побежали к вокзалу. На площади зияла огромная дыра, через которую были видны рельсы и лежащий на боку паровоз.

— Все, — сказал пришедший к Шагдырам Коваленчук, — жидам нужно сматываться. Придет германец — всех вас к ногтю.

— Мы тувинцы. И вообще, скоро Красная Армия разгромит врага.

— Говори, говори. Слышал, что Молотов сказал? Это не Хасан с япошками. Германцы нация серьезная, основательная. А насчет национальности, то вы только наполовину тувинцы, мать-то чистопородная еврейка. Уйдете, поселюсь здесь. Пусть девки внизу живут. Москали Семеновы тоже убегут.

Москалям Семеновым не нужно было убегать. Во время второго налета оба попали на Прорезной под бомбы. Приходил милиционер узнать, есть ли родственники, чтобы похоронить. Бомбить стали каждый день.

— Надо уходить, — оказала мать. — Поедем в Сибирь, ближе к Туве. Может, из-за войны границу откроют. Давно были там такие разговоры.

Почти все вещи влезли в рюкзаки-сидора. Только два матраса, да пишмашинка «Ундервуд» остались в комнате, Пешком через весь город спустились к мосту, у Днепра громадная толпа, через мост шли войска, беженцев пропускали маленькими партиями. Два раза за день налетали самолеты. Слева горела бесцветным при солнце огнем Дарница. Поздно ночью перешли мост. Люди шли молча, дети и то почти не плакали.

Сто двадцать километров до Нежина одолели за десять дней. Постоянные налеты, воды по пути следования в колодцах только ночью на дне. Темир и Саяна стойко переносили дорогу, а как же, уже большие: мальчик перешел в пятый, а девочка в четвертый. Шли молча, пот заливал лица. В воздухе разливался сладкий смрад от гниющих убитых животных и людей, лежащих в поле, где они пытались спастись от пуль и бомб.

— Мама! Почему мы уехали из Тувы? Папа был. Квартира была у нас. Ну чего не пожилось? — вдруг спросил Темир. — Жили хорошо, все у нас было. В Киеве-то ты день и ночь стучала на машинке, а что у нас есть — почти все из Кызыла.

— Папа нас любил, — поддержала Саяна. — Из командировки обязательно что-нибудь привозил. Мясо всегда было. Про него и не говорили, а в Киеве — раз-два в месяц.

— Странные и страшные вещи происходят в жизни. Нас, русских жен, было больше двадцати. Русских, это так говорили, — еврейки, у Танова — полячка, Лиза у Сувака — украинка. Жили мы дружно. Никто не жаловался на мужей-тувинцев.

Все мы оставались согражданами. И в Конституции Тувы было записано, что советские люди имеют равные права в Туве. Потом что-то случилось. Это я вам в первый раз говорю, а то вдруг не доберусь до Минусинска. Да с тридцать четвертого начали закрывать визы советским женам. Не тувинское правительство, а наше посольство. Закрыли женам Палата, Сувака, нам закрыли, хотя ваш папа был большим начальником. Не высылали только тех, кто в Туве родился. Мотю Намчак, например, Очур-оол и других.

В Нежине удалось сесть в вагон товарняка между какими-то большими колесами. Поезд шел медленно, часто стоял в ожидании ремонта на разбомбленных участках дороги. Хотя все дальше уезжали, но самолеты все равно с немецкой точностью прилетали на бомбежки и обстрелы.

Мешки почти опустели. Вещи меняли на хлеб. За Волгой беженцев начали регистрировать как эвакуированных, выдавать транзитные хлебные карточки — 400 граммов в день. Но деньги выкупать хлеб все равно нужны. За Уралом вообще ехать стало труднее. Эшелоны с войсками шли на запад. На восток везли заводы, раненых в госпитали. Но все когда-то кончается. Из Красноярска до Минусинска пароход привез почти к самому дому хороших знакомых Старчуковых, что стоял третьим за мостом через протоку. Все. Приехали. С парохода сошли только с документами, без мешков.

— Наши сдали Киев, — первое, что сказала при встрече хозяйка. — Разденьтесь на улице, баню натоплю, помоется. Одежду прожарим. Из Минусинска в ясную погоду видно далеко-далеко синеющие Саяны.

— Мама, — тихо спросила Саяна, — а когда в Кызыл?

В Кызыл приехали только после 11 октября сорок четвертого, а в Киев вернулись в сорок девятом, где начинали и закончили свой поход. Сосед Коваленчук ушел с немцами, дочери его исчезли в лихолетье войны.

Темир закончил враз два факультета: математический и механический. Саяна — врач. Улочка и сейчас такая же, как до войны, и хоть столько времени прошло, она как декорация старого дореволюционного Киева. Только не паровозы, а тепловозы и электровозы издают густонизкие звуки.

А война... она стала далекой историей. Но не для всех. У кого-то она всегда в душе.

ЗАНУДА

— В Кызыл едем? Ну да, ну да. Разумеется, в Кызыл, куда же еще. Хотя можно и в Ермаках или в Танзыбее, а то и в Туране выйти. Первый раз в Туву? В гости или домой? Я-то в гости ездил, а так все время в Кызыле живу и его окрестностях. Ха-ха!

Про окрестности старшина всегда упоминал. Это когда я служил. Старшина все по окрестностям шарил насчет самогонки по Марусям. Да. Я не мешаю? Если что, то один намек, и умолкаю.

Зря это вы приемничек достаете. Крыша у автобуса железная, то есть экран, да горы кругом загораживают. Из радиотехники в таких условиях хороша эта штучка, в ухо которую вставляют. Идет человек улыбается, приплясывает, как чокнутый, а это, оказывается, он слушает свою музыку. Да-а, техника нынче шагнула, будь здоров. Я-то семь лет на службе ездил на велосипеде. Сядешь на бесколесный велик, цепи, ремень на динамо-машину. Пока крутишь, радист с базой связывается.

Годы идут и бегут. Кызыл сейчас — это прямо большой город. Одних автобусных номеров двадцать. Раньше был Кызыл и Кызыл, а сейчас и Гора», и «Башня», «Свороток». Я уж про два Каа-Хема не говорю. Правый берег еще вот с нормальными домами в два-три этажа. Раньше-то что, когда не было моста, а? Кирпзавод да склады Потребсоюза. Это уж когда АТП вместо МТС начали строить, дачи появились, как в городе. Большие дома стали строить. Так-то у всех огороды были. Теперь, допустим, живешь в кривом доме — где огород посадить? Тут я пример неудачный сделал. Как раз напротив кривого можно подсобное хозяйство создать. Пустырь — будь здоров.

Ты, мужик, поспи. Дорога хоть и четыре сотни, а доедем, и сон как следует не рассмотришь. Это раньше по суткам ездили. На Кулумыс скребешься на «ЗиСе» полдня да на Веселый на первой в пять кэмэ скорости. Наш-то шурует, что твой экспресс, экспресс-прогресс. Смотри, какая рифма получилась.

Когда-то хотел написать стихи. По молодости. Но образования тью-тю. Если честно — пять, а в документах шесть. На службе, правда, был почти самым высокообразованным. Грамота там не нужна была. Матчасть: трехлинейка да противогаз. Радист был с семью классами, а нам и этого, что было, было лишку. Охраняли склады резерва главного командования: подземный склад ГСМ да консервы. Все это полностью раз в квартал вывозили и привозили новое. Это чтоб не устарело. Начальство лучше знает что и как хранить.

Что, не спится? Тогда смотри в окно. Такой красоты ни в одних Швейцариях не увидишь. Вот на «Полку» заедем. Там, как

с самолета. В какой-то год там лавиной машины снесло. Построили галерею, ну такой навес. Теперь снег через верх прокатывается. Летом в Саянах цветы по бокам, ягоды всякие, орех кедровый, рыба. Вот во время службы, а служил я на Дальнем, тоже в тайге, то же, да не то. Орех кедровый хоть и в два раза больше, чем у нас, а твердый. Горсть сощелкаешь, и скулы ломит, и вкус не тот. Да там и зима не зима, лето гнилое. Как с океана потянет дождем — на неделю. По дорогам — грязь под пояс. В Туве хоть неделю будет лить, все дороги без луж и грязи.

Ага! Танзыбей. Тут общепит будь здоров, как в Москве — все есть. И цены столичные. Пиво и бочковое, и пять других. Даже есть омское — «Товарищ Бендер». Черт! Чего это он мимо проскочил? Домой что ли торопится. Все куда-то торопятся. Я уже не тороплюсь. Дома никого. Ждет меня только таракан Гришка. Это юмор такой.

Возле складов, что мы охраняли, метеостанция была. Недалеко за сопочкой. Был там один всего человек. Старый мужик, бывший инженер дореволюционный. Такой интеллигент. Всегда бритый, с белым воротничком. Книг у него — целая комната. На русском, японском и еще на английском с немецким. Во голова! Мы-то знаем только три языка: русский устный, русский письменный и русский матерный. Которые книги по-русски за семь лет мы прочитали да половину не поняли. Книги с ятями, с твердыми знаками. Дореволюционные, короче говоря. Контрреволюции, правда, не было. Жил-то он один, а жены могилка рядом на бугорке была. Раньше-то я не думал, как он один живет, а теперь понял, когда сам один остался. Мне-то легче. Моя супруга у детей живет. Разъехались по сээнгеи. Я, брат, охраняю хату. Разговариваю сам с собой и с дикторами телевидения. Годков почти не осталось. Ходишь день по городу и поздороваться не с кем. Читать тяжело. Никак очки не подберешь. Да и длинные книги в сон клонят.

У нас штук пять газет частных. Все такие бойкие, грамотные. Ругают власти и друг друга почему зря. Каждая считает себя Карлом Марксом, то есть непогрешимой. Мне разобрать позиции их трудно и поэтому за всех за них голосую. Ругаются, стало быть, интересуются народной тяжелой жизнью. А что по-разному пишут, так каждый по-своему борется за народное счастье. Никто ведь не пишет, что хочет зла людям, все за коренную жизнь.

Вот к Полке подъезжаем, смотри, облачка внизу, а вон прямо гора — Спящая Красавица. Супруга у меня вечно говорила: «Остановись, заговариваешь меня, напиши книгу лучше». Напиши, как же. Да я половину букв забыл, а про всевозможные точки-тире и прочие кавычки понятия не имею. Напиши...

В армии читали «Гаргантюа и Пантагрюэль», все думал: почему люди там нарисованы разных размеров? Теперь понял — это размеры их духа и значения в тамошнем обществе. Человек живет не только снаружи, но и внутри себя представляет. Вон Тартарен из Тараскона фуражки стрелял, а воображал, что уток. Или вон Дон Кихот. Начитался про рыцарей и вообразил, что живет в то время. А рыцарь что? Это есть всадник, кавалерист по-нашему. Благородство у него такое же, как у всех. Рыцарь, рыцарь! Прямо умиляются, а он такой же грязный и хам, как и все в то время. Читал я эти баллады. Знаю. Да у них и вилок не было, а собаки по столам бегали, а они жирные руки о волосы вытирали. Еще тот старик рассказывал, что все историки приукрашивали своих царей, ханов и других начальников. Особенно врали рыцари.

У нас тоже про победы звону много, а как что не так, то молчим в тряпочку. А вот еще книга хорошая была «Сага о Форсайтах». Помню, много их было, но чем все кончилось, не помню. Помню, что мучились, ссорились, но жизненно и душевно. Мужик ты спокойный. Не спишь и не болтаешь, не перебиваешь старика. Жаль, с тобой раньше не был знаком. Моя-то меня занудой зовет, а ты вежливый, кем работаешь?

— Это хорошо, дед, что раньше со мной дела не имел. Я патологоанатом. Слышал о такой специальности?

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ...

Всякие там англичане, немцы да американцы любят оставлять свои имена везде, где только можно. Причем не как наши «Здесь был Вася», или «Кеша + Таня = любовь». Нет. Они делают это солидно и на века. Ну, допустим: хозяин этого дома граф такой-то, архитектор господин сякой-то, мастер этакий. Все это не на табличках, а из стройматериалов, кирпича ли, камня ли другого цвета, чем стена или мозаикой. Год обязательно ставят. Вот, к примеру: в Нью-Йорке есть домушка в сорок этажей. Так там на

безоконной торцевой стороне силикатным кирпичом обозначены все данные и год 1861. Вот.

А что мы знаем о своем городе, а? Кто строил театр, кто строил президентский дворец? Все строения у нас сироты. Ни папы, ни мамы у них нет. Фактически есть: мама «Монгулека» Людмила Васильевна Коваленко — мастер, а папа филиала политеха Коля Купцов. Живем мы себе, живем и не интересуемся, кто строил, когда. Ну, дом и дом. То есть просто дом. А есть не просто: роддом, дом творчества, дом Верховного хурала. Это, так сказать, с именами.

Раз уж вспомнили о некоторых строениях, то нужно вспомнить о тресте «Тувинстрой» и его управлениях. На девяносто процентов все, что вокруг нас, построено управлениями треста. Солидным по годам и основательности «Кызылстроем», менее заметными, но не менее важными «Кызылпромстроем», «Нулями» и колоритнейшим, с необыкновенной историей рождения и становления СУ-81. Можно писать о нем и роман, и поэму, и детектив. А о начальниках и главных инженерах — баллады. Достаточно сказать, что первые шаги во взрослой жизни делал в СУ-81 мастер Сергей Шойгу, а бригадирами были Купцов, о нем пойдет речь особо, Итченко и Ильченко. Начальники Новицкий, Самданчап, завхоз Сафроныч и другие. Создавалось СУ-81 в момент, когда над городом возвысилась красавица-башня треста «Тувинстрой».

Начинали так. 10 пар телефонов, 6 стульев, 5 начальников, первый этаж старого здания «Тувинстрой» и бригада Купцова из «Кызылстроля».

Бернгардт, управляющий трестом, дал директиву: одну бригаду набирайте из всех стройуправлений, а одну, человек сорок, дает Верховный суд. Им нужен Дворец правосудия, под нее они условно-досрочно освободят сорок человек. Привезли, как сейчас помню, со строгого режима сорок два человека. Собрали их в красном уголке и говорим: «С утра на инструктаж и послезавтра на работу». «Не переживай, начальник, — говорят. — Все будет путем». Наутро пришел один бывший ветврач из Эрзина. Сафроныч смеется: «Нужно же людям встряхнуться после пяти - восьми лет отсидки. Придут. Все местные, тувинские». К концу недели

собрались все, кроме одного. Ему знакомая девушка голову проломила.

СУ-81 к новому году сдало родильный дом №2. В то время требовали, чтобы везде были призывы и вдохновляющие лозунги. Я по своей дурачности вывесил на роддоме лозунг: «Дадим городу первого ребёнка к 1 января». Ну, думаю, оторвут голову мне, ан нет. Провисел этот лозунг до самого конца стройки. Начальство видит, что-то красное висит: значит не махновцы. СУ-31 в городе, много заметного построило: новый автовокзал — раз, машзавод — два (причем машзавод, чтобы американцы не догадались, строили под псевдонимом «Общежитие на 600 лет»), пристройку к обкому — три. Ее уже строили во время перестройки, и на детской коляске, во время первой майской демонстрации, одна мамаша пыталась провезти лозунг: «Во время перестройки нет обкомовской пристройке!». В милицию ее не увезли, но лозунг отобрали и на площадь не пустили. Считать можно и дальше. Вообще, о каждом СУ можно писать бесконечно, особенно о людях его. Куда там героям «Битвы в пути» или «Кавалерам Золотой звезды». Колоритнейшие фигуры! А управляющий трестом? Да про Чимит Баировича можно роман написать. Все близко принимал к сердцу. Всех рабочих знал, как колобок катался по стройкам. Если вырывался с: а) Бюро обкома, б) Совмина, в) Народного контроля, г) Горисполкома, д) Верховного совета, е) Депутатского округа... Продолжать?

Наша так называемая «Гора». В то время на ней выселились общежитие Улуг-Хемская, 17, зона политехникума и старожил — тубдиспансер. Все. Кругом голо. Глубокой осенью часа в три ночи звонок: «Валентин, выходи. Сходим в общежитие, что-то душа не на месте». Идем, а ветер уносит последние листья. Прошли по этажам все спокойно. Спустились в подвал, а там кипятку по пояс. Выходим наверх. Чимит Баирович отмеряет от порога пятьдесят шагов и точно — люк. Залезает в него и перекрывает. Все. То, что он говорил назавтра на планерке, приводить не буду. Бумага не стерпит.

Трест «Тувинстрой» напоминает мне эскадру: основательный могучий крейсер «Кызылстрой», эсминцы «Кызылпромстрой» и «Нули» и парусник с веселым Роджером — СУ-81. Вокруг и

немного впереди корабли обеспечения и прикрытия: УМ, «Сантехмонтаж», электрики, вечно черпающая пробоинами каравелла СМУ-3 и, конечно, плавбаза-комбинат «Стройдеталей». Как дальние силы — «Кобальтстрой», «Асбестстрой», а в последствии родившийся из недр «Тувинстройа» «Шагонарстрой». Сейчас паруса эскадры поникли из-за отсутствия финансового ветра. Но всегда, в любую минуту, когда задуют инвестиции, они захлопают и наполняются. Недоделки, новостройки стряхнут пыль времени, и новые Купцовы, Шаповаленки, Ельшовы, Митрянины вдохнут в них жизнь. Закипят в штабах страсти. А жители республики, города просто увидят новые дома и школы, предприятия. Ведь не было же раньше ничего, а построили и театр, и комбинаты «Тувакобальт», города Кызыл и Шагонар, Постоянный. Станем увековечивать тех, кто построил мясокомбинат и сельхозтехникум. А что, имя на здании «Кызылстрой» звучит не хуже, чем «Аврора». Помните, у Некрасова мальчик интересуется: «Кто построил железную дорогу?» Наши потомки тоже поинтересуются, а нам стыдится нечего.

Что могли — построили.

Игорь ПРИНЦЕВ

ПЕРЕВАЛ

От всего остального мира мой дом отделен перевалом. Куда бы я ни отправился, в каждом путешествии первым шагом становится преодоление перевала. И последним тоже. После долгих скитаний это как перешагнуть порог родного дома. Очень высокий порог. Это не полет на самолете, они все похожи один на другой. Это не путешествие

поездом, который едет по проложенным заранее рельсам. Свою первую поездку через перевал я запомнил как фантастическое путешествие в другой мир. И не так уж сильно ошибся.

Перевал всегда разный, будто меняется его настроение. И по настроению эта извилистая дорога умеет менять свою длину. По ней можно непринужденно прокатиться летом или ползти полсуток зимней ночью.

Я стал задумываться о том, что перевал — совсем не простая дорога. Для меня поездка через него стала магическим действием, ритуалом. В эти часы очень многое меняет свое значение.

Прошлое отдаляется и кажется незначительным. Никто из прошлого не может мне позвонить, потому что мобильник по волшебству перевала превращается в экранчик с часами.

Будущее становится туманным и зыбким. Можно строить великие планы, но любой скользкий поворот, лавина, встречная машина могут смять их с великолепной небрежностью.

Так перевал отсекает от времени и пространства. Есть только здесь и сейчас.

В машине, на дороге, на скорости.

В последний раз перевал был в дурном настроении. Он обсыпал себя крупными хлопьями снега и разбитыми машинами. На лобовом стекле, куда не доставали дворники, выросла мокрая снежная корка. А если дворники выключить, то потом, включаясь, они выстреливали во все стороны осколками успешного покрыть их льда.

Мы ехали под белым небом среди белой снежной бури по белой дороге на краю белой пропасти. И в этой бесконечной белизне невозможно было одно отличить от другого. Мириады снежинок летели навстречу с дикой скоростью и походили больше всего на пущенные из пустоты белооперенные стрелы.

Нигде и никогда больше я так ясно не чувствовал себя целиком во власти рока. Мы проехали, и через несколько минут на перевале сошла лавина. А потом еще три.

Вниз с перевала и дальше — чужая обыденность, в которой я лишь мельком.

Дорожный знак, не видно какой, засыпанный до самой макушки снегом.

Стадо заснеженных коров. Наст, разорванный в клочья грузовиками, что едут на цепях. Машина, осторожный водитель которой пережидает непогоду на обочине. Тоже заваленная снегом. Когда мы приблизились, где-то в глубине этого сугроба заработали дворники. Будто пушистый белый зверь проснулся от моторьего рыка и пытался проморгаться со сна.

Все как обычно. Снова все как обычно.

Однажды перевал накрыло туманом. Холодным, густым, непроглядным. Мы ехали и будто не двигались с места. Время

остановилось, и цель не приближалась ни на километр. А пространство начало шутить и кривляться. Перевал то был уже позади, то мы снова лишь подъезжали к нему. Из тумана выплывали незнакомые деревни, одинокие домики, которых там быть не должно, которые в моей памяти расположены совсем в других местах. В тот день я пытался объяснить себе происходящие, потягивая кофе в придорожном кафе, которого никогда не видел на той трассе ни до, ни после.

ВСЕ, ЧТО Я ЗНАЮ

Между нами много чего было. И тысячи километров проводов. И три часовых пояса. И Татарский пролив. И любовь на расстоянии. И сонные дни. И ночи за клавиатурой.

Щебетал вместо птиц модем. И ночная темнота становилась вокруг стеной, не давая увидеть ничего, кроме яркого прямоугольника, монитора.

Но был в этих отношениях кто-то еще. Тот, кого я по обычной рассеянности своей и невнимательности увидел не сразу и даже не в первый год. А когда увидел, не мог не вспыхнуть ревностью, которая со временем сменилась глухим отчаянием.

Многие соперники нам лишь от страха кажутся непобедимыми. Но мне достался именно такой. Потому что нельзя отбить девушку у себя. Потому что нельзя драться на дуэли с отражением в зеркале.

Он был на самом деле неплохой парень. Добрый, отзывчивый, говорил всегда то, чего от него ждали, то, что наверняка приятно будет услышать.

Я бы и не заметил соперника, если бы со временем он не начал мне мешать. Только я хотел сказать что-то действительно важное, как он бросал реплику из-за плеча: как всегда что-нибудь угодное, правильное и приятное. И далеко в сторону уводил разговор. А когда я все же успевал вставить словечко, на фоне его болтовни оно вызывало одно недоумение и обиду.

— Да что ты творишь? — спросил я однажды своего соперника, когда он вместо того, чтобы дать дельный совет, опять принимал на себя вину за какую-то ерунду.

— Я поддерживаю твои отношения! — воскликнул он. — Ты ведь ее любишь? Хочешь ее сохранить? Тогда не мешай!

Я любил. И покорно замолчал. С того дня я почти не принимал

участия в ночных беседах. Да и наблюдал за потоком собственных сладких и одинаковых слов в полглаза. Главное — все довольны.

Днями я ходил все такой же сонный и жеваный, но теперь совсем не мог вспомнить, что было ночью. Что я говорил? Что она мне говорила?

Но пришло время и мне взбунтоваться. В тот вечер она попросила меня почитать ее новый рассказ. Мой двойник тут же развернулся и ушел, оставив меня наедине с текстом. Такие задачи он не любил.

Я нарочно медленно водил взглядом по строкам, стараясь уловить и подметить все. Ближе к концу истории об эльфийском короле и двух его сыновьях у меня сформировался дельный совет:

— Очень красиво и продумано. Но прости уж, — сказал я, — это походит на милые, но пустые декорации. Этот рассказ можно сделать намного лучше, если добавить посыла читателю. Например, ты упоминаешь особенное отношение короля к своему младшему чудаковатому сыну. Если развить хотя бы эту линию и рассказать подробнее, раскрасить это неодинаковое отношение к наследникам — будет великолепно.

Я долго пытался сформулировать эту мысль, но, в конце концов, у меня получилось. Тяжело дыша, как после марафона, я ждал ответа. И сначала ответом мне стало долгое, долгое молчание.

— Неужели я настолько плохо пишу? — прозвучало наконец. Строчки на экране гораздо лучше умеют повисать в воздухе, чем слова.

— Нет, - ответил я. — Это неплохо, но если ты постарайшься еще, будет великолепно.

— Может, мне и пробовать не стоило? — спросила она.

Я только беспомощно посмотрел на своего двойника. И тот, неожиданно грубо отпихнув меня в сторону, бросился спасать положение. По-свойски:

— Ну что ты, солнышко, ангел мой... — говорил он с отвратительным придыханием. - Конечно же, стоило! Это прекрасный рассказ, а ты самый лучший автор! Я всегда с наслаждением читаю твои произведения...

Я дернул его за локоть, крикнул:

— Да ты что! У нее же талант! Его надо развивать! Работать!

— Ты идиот! — зарычал он. — Я пытаюсь ее удержать при тебе!

— Да ты... — я захлебнулся от гнева. — Ты ее хоронишь!

— Но она меня за это любит. Меня, а не тебя, критик хренов.

Я вскочил с места и быстрым шагом вышел, оставив их наедине. Я понял, чего стоит этот хороший парень. Со всей своей добротой и мягкостью он слеплен из моего страха потерь. Из чувства собственности над любимым человеком. Из трусости. Из лжи. И ради сохранения отношений готов не только отгрызать и заглатывать куски моей личности, но и тормозить ее творчество! Вредить любимой ради этих отношений!

Ненависть, злость и обида перевесили во мне тем вечером. Я решил пойти на убийство.

И, не медля, напал следующей же ночью. Не щадя ни себя, ни его.

— Нет, милая, - говорил я, - тебе нужно трудиться. Ты можешь писать гораздо лучше, если будешь стремиться к большему и работать над собой.

Я повалил его на пол, сильно ударив затылком.

— Знаешь, у меня на это есть свое мнение.

Стал сдавливать лживое горло, пока не побелели костяшки пальцев.

— На самом деле я уважаю твою любовь к фолку, но сам другое слушаю...

Он хрипел и рвался прочь, а она плакала на том конце провода. А я без всякой жалости убивал его несколько недель кряду.

— Это, конечно, очень интересный фильм, - говорил я, - но тебе не кажется, что он глуповат? Что он не стоит такого внимания?

Я еще много всякого говорил, доставлял своими словами страдания себе и ей. Но впервые за долгое время никто не смел перебивать меня из-за плеча. Никто не мог заставить солгать. Я был собой, я был с собой один.

И, наконец, я остался в комнате один. Совсем. Где-то в темноте валялся труп моего страха. Наши с ней отношения тоже были мертвы.

На экране осталось ее последнее послание мне: «Ты ужасный холодный человек». Черным отпечатком на мониторе, жирной точкой в любви.

Я сидел несколько часов в пустой и тихой комнате, пытаюсь понять, что же я сделал. Правильное ли решение принял.

С тех пор, как ни пытался, я так и не смог ни разу о нем пожалеть. Это все, что я знаю.

ЛОМАТЕЛЬ ШПАГ

... в XVI в. данный кинжал использовался для активной защиты против шпаги. 8-12 массивных зубьев с одной стороны клинка позволяли удерживать и ломать оружие противника...

- А вот ваши тексты, - он обращает на меня бесцветный взгляд, - раз от раза расстраивают все сильнее.

Я, улыбаясь, развожу руками. Что же я могу с этим поделаться? Ломатель шпаг — он сидит передо мной, ожидая ответа — буравит взглядом из-под огромных кустистых бровей, будто из своего XVI в. Я молчу.

Ломателю шпаг вовсе не обязательно быть изящным или хотя бы острым. Нелепый клинок несет смерть звонким шпагам.

— У вас во всех текстах логические ошибки, - говорит мне Ломатель, шевеля огромными седыми бровями.

Я не смотрю ему в глаза. Я смотрю на брови. Я загнипнотирован бровями. В их движении есть что-то от движения континентов.

— Нельзя поскользнуться и упасть вперед, - говорит он мне. — Не существует никаких масляных ламп, - говорит он. — Невозможно вместо чая пить кипятки, - говорит.

Кажется, сейчас я должен быть раздавлен его замечаниями.

Попав в захват Ломателя, ты можешь следовать за его движениями, подставляясь под удары, или же лишиться оружия.

— И наконец, - решает Ломатель шпаг добить меня. — Собаки не умеют играть на гитаре.

Я молчу. Я виновато опускаю взгляд. И прислушиваюсь к аудитории таких же счастливых, как я — хи-хи-хи. С трудом сдерживая смех, отвечаю:

- Да, вы правы. Тут я действительно просчитался.

Хихиканье становится громче. Ломатель тут же переключает внимание на другого.

Я с усилием вырываю шпагу из массивных зубов. Еще один раунд позади.

После я стою у выхода, подставляя лицо редкому дождю.

Отчего-то чудится, будто здание у меня за спиной — огромный трухлявый ящик с ржавыми зубастыми ножами внутри. Коллекция кинжалов для левой руки, ломателей шпаг.

Почему я просто не сделаю, как велят? Не перепишу, не вычеркну? Почему не отберу у бродячих псов гитары? Это ведь легче, чем кажется. Там кусочек, тут кусочек...

Может, потому, что это и будут осколки моей шпаги?

НА ВЫСОТЕ

Сегодня я на высоте, - зачем-то и вдруг сказал себе Дробин, откидываясь на спинку кресла.

Говорят, техника освободила человечество, дала взмыть выше облаков и нырнуть в космическую бездну. А на самом деле приковала его к розетке.

Виктор оглядел рабочее место. И ведь не скажешь, что оно крутится по орбите. Более скучный стол и представить сложно.

Стакан на магнитике, в нем карандаши на магнетиках, бумага на магнитике. Компьютер есть, и модулятор гравитации есть тоже, но нет для них энергии. Дефект системы. Потому все на магнетиках, и он, Виктор Дробин, иногда тоже чувствует себя будто на магнитике, припиленным намертво к болтающейся на орбите тесной камерке под гордым названием тридцать восьмого отделения конструкционного корпуса.

Впрочем, конструировать давным-давно ничего не приходилось. Все чаще - разбирать. Военные быстро поделили орбиту и всюю с нее грозили друг другу ракетами. А все, что не служило этой цели, ржавело, демонтировалось, не успевало демонтироваться, разваливалось на ходу.

Не прошло и десяти лет, как некогда перспективный конструкционный корпус превратился в нищее и умирающее от голода подобие былого себя.

«Кто я, - думал Виктор, - строитель светлого космического будущего, покоритель космоса? Черта с два. Звездный электрик, орбитальный сантехник, муж на час для международной космической программы, вот я кто».

Прошли уже сутки с начала странного действия, которое командование определило, как диверсию. С начала того действия,

что и натолкнуло Виктора на мысли о Земле, от которой отказался ради работы. На общей частоте кто-то передавал классическую музыку, забывая эфир и приводя охранный корпус в тихое бешенство. Частоты меняли несколько раз, но неизвестный любитель классики всякий раз "переключался со всеми, и музыка вновь наполняла приемники.

Моцарт, Чайковский, Огинский и Шопен... сменяли друг друга в эфире без всякой системы и очередности. Россини, Брамс, Рахманинов и Вивальди... разрывали в клочья орбитальный образ жизни. Мендельсон, Бах, Бетховен и Верди... Вызывали у военных зубовой скрежет.

Под лихое Турецкое Рондо фрахтовщик ушел в дальний космос, покачиваясь с борта на борт. А потом Сорока-Воровка не смогла заглушить, как на капитана орали с Земли.

Теперь, когда исчезла всякая надежда, что ситуация разрешится скоро, многие решили включить погромче.

Мысли Дробина прервал вызов... вернее, не вызов, потому как изнутри при ставка не управлялась, а извещение, что через полчаса его пристыкуют к станции. На заднем плане звучало Fug Elise, потому сухой тон диспетчера казался донельзя комичным.

Обещанные полчаса ожидания потянулись неожиданно долго. Музыка из не заглушенного приемника звучала так неестественно живо, так очаровательно нездешнее в орбитальной жестянке, что не думать о Земле становилось совершенно невозможно.

И в памяти стали всплывать картины прошлого. Лес после дождя, когда лучи солнышка пробиваются сквозь мокрые кроны деревьев, сверкая в срывающихся каплях, ласкают лицо робким теплом. Бескрайняя весенняя степь, зеленая, еще не успевшая выгореть до белизны. Ночь. Поющие сверчки, огромная луна и полное звезд небо, так манившее его в те годы...

Машины как обычно сделали все ювелирно. Дробин не почувствовал ни толчка, ни рывка, просто вдруг появилась и нормализовалась гравитация. Дробин, отстегнувшись от кресла, позволил себе редкую роскошь пройтись, потянуться, присесть.

Шлюз с шипением раскрылся, и Виктор вздрогнул от неожиданности. Прямо в проходе стоял человек. Высокий, почти на голову выше Дробина, и бледный как смерть.

Несколько секунд Виктор ждал, что зловещая фигура что-нибудь скажет, но тонкие губы оставались плотно сжаты. Тогда,

не желая начинать разговор первым, Дробин стал разглядывать форму смерти. Оказалось, смерть служила в охранном корпусе и на довольно высокой должности. А еще была вооружена и снаряжена для боевой операции.

Дробину уже приходилось сотрудничать с человеком из охранного. Тот умник не забыл нацепить боевой экзоскелет, ни на что не годный в невесомости, а вот магнитные «утюги» - забыл. В конце концов Виктору пришлось таскать его за собой за руку, будто гротескный воздушный шарик. Если только бывают вооруженные и уполномоченные шарики.

— Виктор Андреевич Дробин, - наконец процедил высокий, - тридцать восьмое отделение конструкционного корпуса.

Виктор кивнул, невольно заражаясь непробиваемой серьезностью.

— Сергей Вадимович Акимов, - тем же тоном выцедил бледный, - одиннадцатое отделение охранного корпуса.

— Очень приятно, - пробормотал Виктор, пожимая тощую руку. — Чем могу служить?

— Виктор Андреевич, мы вычислили источник помех. Нужно ваше содействие в его устранении.

Виктор вспомнил, как умиротворяли его «помехи», и даже помедлил с ответом после такого пренебрежительного упоминания:

— Содействие? Я предполагал, что меня просто отправят на ремонт, — сформулировал он свои сомнения относительно вооруженного охранника.

— Мы расцениваем происходящее как диверсию. Операции присвоен статус боевой. Мы немедленно отправляемся на объект...

Акимов назвал номер станции, и Дробин нахмурился, потому что номер был ему смутно знаком. Тем временем Сергей заставил его попятиться, шагнув внутрь, и закрыл шлюз. По-хозяйски он обошел Виктора и, наклонившись над его столом, вызвал диспетчера. Поздоровался и очень вежливо, употребив слово «пожалуйста», попросил направить приставку к объекту. Виктор в этот момент испытал смущение. Он признался себе, что никогда даже помыслить не мог общаться с диспетчером вежливо, а не только вбивать в него данные, как в компьютер.

- Это же... - наконец вспомнил Дробин, когда приставка так же плавно отстыковалась, - лаборатория! Станция под снос, там никого нет и...

- И вы последний, кто там был, Виктор Андреевич.

Повисла пауза. Ошеломленная со. стороны Дробина и задумчивая со стороны Акимова. Когда пропала гравитация, Виктор привычно поплыл, кувыркаясь, к своему месту, а Сергей непостижимым образом остался стоять, прислонившись к стене, будто для него персонально продолжало действовать притяжение. И сразу стало ясно, что этот не станет болтаться как воздушный шарик и вообще подобной нелепости себе не позволит. Никогда.

- Во-первых, - наконец нашелся Дробин, - нас там было трое. А во-вторых, нас неожиданно и срочно оттуда сдернули. Естественно, могла возникнуть... неполадка...

Под строгим взглядом Акимова он затих и смолк, поняв, что несет нелепицу. Не бывает таких неполадок. Еще немного посверлив Дробина взглядом, охранник только сказал:

- Сделайте, пожалуйста, потише, - кивнув на приемник.

Выключив приемник, игравший в тот момент отрывок из Щелкунчика, Виктор заметил, как охранник вздохнул с облегчением. По этому еле заметному вздоху даже можно было составить картину, как в течение последних суток Охранный корпус ежечасно лупят по ушам и тыкают носом в музыку, которая все звучит, и звучит, и звучит...

После этого оба долго молчали, пока Акимов, вдруг сдержано улыбнувшись, не спросил:

— Смешно вам тогда было?

Дробин сначала не понял вопроса, а потом вспомнил объект, на который его срочно перевели.

— Да... сверхсекретный спутник метеорологов, к которому нас не подпускали. А потом от него отвалился фрагмент пусковой установки — это было забавно.

Акимов не успел ответить — приставка сигнализировала, что стыковка закончена, хоть притяжение на этот раз и не появилось.

— Там наполовину все разобрано. Дышать нельзя, гравитации нет. Но давление в порядке.

Техник и охранник стали толкаться в тесном помещении, надевая утюги и шлемы. Дробин проверил герметичность — слева на шлеме мигнула зеленая лампочка — и подхватил кейс с инструментами.

— Открываем?

— Открываем.

За шлюзом все укрывала кромешная темнота. Фонари на шлемах будто стали слабыми-слабым и, позволяя видеть только маленький кусочек стены или пола.

Громыхание магнитных утюгов гулко разносилось по пустым коридорам и помещениям, отражалось от стен, возвращалось эхом.

Вскоре Дробин заметил в темноте, кроме двух лучей фонариков, еще один. Он красной точкой шарил по стенам и шел откуда-то из руки Акимова.

— Вы что же, всерьез намереваетесь поймать здесь диверсанта?

Акимов помолчал, потом медленно выговорил:

— Вот помните, Виктор Андреевич, байку с пусковой установкой?

У нас в охранном тоже много баек. И совсем не таких забавных.

Так они и шли в темноте, обходя разобранные фрагменты пола, громыхая магнитами, Дробин иногда почти физически чувствовал, как красный лучик проскальзывает по его спине.

— Здесь единственная точка связи, — сказал Виктор, останавливаясь у одной из дверей. Он ковырнул замок раз, другой, но тот не поддался, будто не был обесточен, как почти все на станции.

И Дробин почувствовал себя ослом.

— Компьютер, свет! — скомандовал он громко и отчетливо, переполошив

Акимова.

И коридор тут же залило режущее-ярким белым светом.

— Кто восстановил подачу энергии?

Нет ответа. Виктор задумался, глянул на Акимова. Тот ответил вопросительным взглядом.

— Открыть дверь! — скомандовал Дробин, и та с шелестом отъехала в сторону.

— А компьютер должен работать? — вкрадчиво спросил Акимов.

— Не должен. И освещение не должно.

Они вошли, будто прокрались, в пустой центр управления. И только взгляд Виктора упал на панель управления, он вспомнил. Один из техников в тот раз все носился с какой-то музыкой в накопителе. Хотел разбавить долгую работу, включив музыку по громкой связи. А через четверть часа всех сорвали с места из-за аварии на метеоспутнике.

И теперь Дробин, замерев, смотрел на тот самый накопитель, торчащий из панели управления.

— Ага, вот оно, - Виктор протянул руку и выдернул накопитель.

Раздался невозможный нечеловеческий визг. По всей станции прошла дрожь. Свет моргнул и погас. Дверь с грохотом захлопнулась, раскрылась и снова захлопнулась, погнувшись. Вся древняя станция выла и скрежетала, будто ломаясь надвое.

Не успел Дробин опомниться от такой странной реакции, как на него кинулись из темноты. Он даже не сразу понял, что это Акимов. Тот с невероятной для невесомости и магнитных утюгов прытью в момент оказался рядом. Заломив Дробину руку, ударил под колено и, наконец, ткнул лицом в пол, приставив к затылку пистолет.

— Что за шутки?! — взревел он. Кейс с инструментами раскрылся, закрутился в невесомости, рассыпая инструменты.

А Дробин пока не мог ответить. Когда забрало шлема стукнулось об пол, это был самый страшный «тук» в его жизни. Фонарик от удара погас, и теперь Виктор, щурясь, вглядывался в темноту и пытался понять, не треснуло ли забрало.

Это было унижительно, несправедливо, обидно. Акимов еще что-то кричал. Но единственное, что волновало его в тот момент — не раскололось ли забрало.

— А, чтоб тебя! — охранник метнулся к погнувшейся двери, но та не поддалась.

Виктор стоял на коленях, безвольно уронив руки. Сергей для экономии энергии погасил фонарь на шлеме и растворился в темноте. От него Дробину осталась только красная точка, что больше, ни на секунду не уходила с его груди. Наступила тишина. Почти. Изредка в темноте раздавались позвякивания — это рассыпавшиеся инструменты в полете натыкались на стены и потолок. А Виктору казалось, что он до сих пор слышит безмолвный вопль списанной машины.

Виктор Андреевич Дробин вновь сидел в своей приставке, что беспомощно парила на орбите. Взгляд его остановился, мысли витали далеко. Он сам не мог понять, что на него подействовало больше, из-за чего он так замер. Несколько часов в темноте под прицелом? Нет, Виктор не сердился на Акимова, просто он тоже очень испугался. Из-за станции? Сергей, когда их выпустили, клялся лично обрушить «эту ржавую махину» в океан. Из-за музыки?

Может быть. Желтый накопитель лежал в кармане и, казалось, даже грел сквозь одежду. Из-за страшного разочарования в своей работе? Да.

Это кажется правильным. На такой работе можно десятилетиями постоянно что-то делать и в итоге, не сделав ничего, превратиться в такую же посеченную метеоритными дождями громаду, пока какой-нибудь молодой, амбициозный и вечно правый Акимов не решит, что ты отслужил и пора обрушить тебя в океан.

Виктор оторвал от стола магнитик и, когда бумаги торжественно воспарили к потолку, вдруг впервые ощутил всю высоту под собой. Всю невероятную даль. Каждый метр. И желтый накопитель, показалось, едва не прожег карман.

Акимов ответил на вызов тут же. Он выговорил неторопливо и небрежно, явно смакуя чистый эфир:

— Слушаю вас.

— Правильно, — улыбнулся Дробин, — послушайте, Сергей Вадимович. Эта музыка... Это не «помехи». Она ценнее всей нашей ржавой космической программы. Она в разы ценнее. Послушайте еще раз... и постарайтесь понять, что это не просто «помехи».

Гневный рык Акимова никто не услышал. В эфире зазвучала старая пластинка.

Дробин растянулся в невесомости и зажмурился от наслаждения, вальсируя среди освобожденных от магнитиков карандашей и бумаг, которые никто не читает, дисков для компьютера, который не включить, и поломанных на боевой операции инструментов...

— Действительно, — сказал Виктор себе, — сегодня я на высоте.

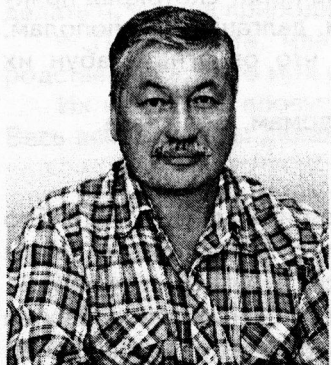
И все у него было в будущем. И собственное увольнение из конструктивного. И волна добровольных увольнений из конструктивного, транспортного, охранного. И начало официальных музыкальных трансляций на орбите. И многолетняя работа ученых над загадкой, почему станционный компьютер стал звездным ди-джеем.

Все это было в будущем. А пока Виктор на высоте танцевал вальс с обломками своей обыденности.

Сергей КИШТЕР

Короткие рассказы

ЗА ОРЕХАМИ

В девяностом году это случилось. Поехали три моих приятеля на бортовом «уазике» за кедровым орехом в район озера Сют-Холь. Двое в кабине — один в кузове, в маленькой будочке для пассажиров. Как водится, прихватили с собой спиртное. По дороге несколько раз останавливались, и пили за «обильный орех». Добрались благополучно. Но предстоял еще подъем в гору. Остановились выпить «за удачный штурм горы», позвали третьего — ответа нет. Залезли в кузов, а он спит на пассажирской лавочке. Решили не будить, выпили вдвоем и двинулись дальше. Подъем был крут и извилист. На одном из поворотов водитель не справился с управлением. И машина «закувыркалась» вниз. На первом обороте из кабины вылетел один — живой, на втором другой — живой. Ощупали свои члены — целые. Бегом за удаляющимся грузовичком. Благодаря очередному пеньку, машина стала. Удачно, на колеса. Добежали, хмель из головы вылетел. Сели рядом, боятся с места двинуться, смерть чувят. Ведь в будке, кроме пассажира, запасной аккумулятор, запасной мост, два обрезка доски сороковки, две фляги с водой, лущильная машинка и еще какое-то железо. После полутора десятков оборотов измолотило, наверное, как в мясорубке.

Вдруг искореженный грузовик закачался. Из кузова вылезает третий и, протирая заспанные глаза, сердито говорит: «Кто вас ездить учил? Где только такие кочки нашли?»

СКОТОКРАДЫ

Эту историю мне рассказал, светлой памяти, мой отец. Ходили они в молодости с друзьями в дальние сумоны для кражи скота. Подфартило им, угнали они «по-тихому» целый табун лошадей. Веселые идут — удача. У скотокрадов свои пути и привалы. Видят

они, костер на пути. Идут, не боятся — свой брат-скотокрад ночку коротает. Подошли, познакомились. Чай, далган! — все пополам. Разговорились. По разговору поняли, что он угнал табун их хозяина, а они, как раз — его табун.

Утром разобрали своих коней и по домам. Вот удача.

Мой отец был искусный мастер забоя и разделки скота. Его часто привлекали в колхозе, а затем и в совхозе, к таким мероприятиям. Мальчишкой мне привелось следить за его работой, меня завораживали его точные и ловкие движения, в которых не было ничего лишнего. Его работа-колдовство над превращением скотины в мясо была похожа на какой-то таинственный танец. Я с жадностью постигал науку разделки: без особых усилий отделить лытки, снять шкуру при помощи одного лишь кулака, в какую сторону вынимать внутренности, как их отделить и осмотреть на вопрос здоровья и пр. Но особенно мне нравилось, как он ловко втыкает нож, в момент его ненадобности, в мясо. В таком положении он, нож, всегда под рукой и ничем не запачкан.

И вот настала пора, когда отец разрешил мне помогать ему. Вслед за мастером я подрезал часть шкуры и — «о торжество!», надо применять кулак. А нож?.. Я воткнул его гораздо красивее, чем это было до меня. С размаху всадил его в пузо говяжьей туши.

Если кому непонятно, вспомните, что находится у животного в кишках.

Долго мы не могли подойти к туше.

ИНОСТРАНЕЦ

Тесть у меня тувинец, а теща русская, почему это важно для моего рассказа, сейчас поймете. Тесть, нрава активного, за словом в карман никогда не полезет. Случалось, по службе ездил в первопрестольную. А в Москве живет брат его жены, т.е. шурин.

Решили они вдвоем заглянуть в ресторанчик. В советские времена, многие помнят, чтобы часок посидеть за столиком в ресторане, надо несколько часов отстоять в очереди. Но тесть не любитель очередей. Рванули они ко входу, а им говорят — мест

нет. Тесть моментально сообразил, что в этой ситуации надо делать и, усилив природный акцент, сказал:

— Пожялюиста, мнэ простыт, я иностранка, - и, указав на родственника, - это моя переводичка.

Их не только пропустили, но и очень вежливо обслуживали. Весь вечер заказы делал тесть и угощал своего «переводчика».

ДЯТЕЛ

В детстве это было, зимой, в деревне Медведевка, что вверх по Малому Енисею.

Увидели мы с другом Васькой Б. колошащегося на заборной доске дятла. Черно-белого, пестрого-пестрого, с красной шапочкой, и заспорили о размерах этих птиц. В пылу спора Васька мне и говорит:

— Да ты знаешь, какого большого я у папки на пилораме видел? — и ко мне:

— Какие самые большие дятлы бывают?

Я тоже не знаю, я их до сегодняшнего дня и не видел, но предположил:

— Вот такие, наверное — и развел руки по вертикали, сантиметров на восемьдесят.

— Вот! Именно такого я у него на работе и видел! — торжествовал мой друг.

БОМЖ

Я вернулся домой в приподнятом настроении, в предчувствии хорошего семейного отдыха. Сегодня я получил новый заказ на частное строительство, который обещал хороший доход. Легкий морозец поздней осени приятно освежил меня во время прогулки из гаража, где я оставил свою машину. Приняв ванну и надев свежее белье я стал ждать с работы супругу, которая обещала приготовить на ужин что-то вкусненькое.

В дверь позвонили. Открыл, как всегда, без вопросов. Перед дверью стоял грязный-грязный, плохо одетый, невысокий мужчина, лет пятидесяти. Бомж. Конечно, в такой вечер это было зрелищем малоприятным. Мужчина, нервно подергивая короткой острой, седой бородкой, со слезами на глазах, едва связывая слова из-за сильного акцента, просил есть.

— Кэсать, кэсать! — зывал он, потрясая передо мной грязной ладонью сложенной щепотью. Жест его был красноречивее, чем любые слова. Вместо того чтобы грубо прогнать, я попросил его подождать на месте. В дом его пускать не хотелось из-за сильного специфического запаха. Прикрыв дверь, я прошел на кухню и стал искать, что можно было бы дать бедолаге. Упаковал в один целлофановый пакет буханку хлеба, в другой сложил вынутые из банки соленые огурцы, оценив, положил еще пачку сигарет и спички. Жаль, но консервов не оказалось. Вручая свертки бродяге, я извинился, что больше ничем помочь не могу. Он, поблагодарив неуклюже и пряча дорогие слезы, повернулся и ушел.

Вскоре я забыл об этом приключении.

Утром, торопясь на работу, толкнул дверь, за нею что-то загремело. С трудом я все же отворил ее. Каково же было зрелище! Вся лестничная площадка была заставлена нет, не завалена, а именно заставлена совершенно чистыми пустыми стеклянными бутылками различной принадлежности. Здесь были и водочные, и пивные, и коньячные, и с завинчивающейся пробкой, и без нее, и квадратные, и круглые, и высокие, и толстые, и темного стекла и светлого, в общем, это была стеклотара, которую принимали в магазинах и «шмурдячные точки».

Чертыхаясь и костеря, на чем свет стоит, «бомжей», я собрал и снес в контейнер четыре мешка бутылок и зарекся больше подавать бродягам.

День продолжился. В пылу работы и забот я, казалось, забыл об утреннем происшествии, а едва выпадала минута отдыха, это вспоминалось вновь с чувством досады и брезгливости. Но постепенно это перестало меня раздражать, напротив, пришло что-то спокойное и даже нравственно высокое. Ведь этот человек, не найдя чем, просто отблагодарил меня за кусок хлеба. Пусть это было так, пусть для меня это было досадной помехой. Но это была благодарность. Большая БЛАГОДАРНОСТЬ маленького человека!

ПОЭЗИЯ

Куулар Черлиг-оол

* * *

Зависть жалости не знает,-
Мне завидуют опять:
Некто «баксы» собирает,
Чтобы киллера нанять.
Зря ликует непотребный,-
Не собьет меня он влет:
Оберег — цветок волшебный-
От беды убережет!
Лучезарный, как зарница,
В черный день и в черный час.
Он блеснет в глаза убийце
И прицелиться не даст!

ЧЕГО ИСПУГАЛСЯ ТАРБАГАН

Тарбаган из норки вылез.
Ярко солнышко светило.
Он глаза свои зажмурил,—
Спячка долгою была.
Славно греет и ласкает
С неба печка золотая:
Голод звал его к травинкам,
А весна — опять ко сну.
Где-то редкие мелькали
То дождинки, то снежинки,
Будто черная собака
Следом бегала за ним.

Боязливо оглянулся —
Никого не видно, вроде:
На земле иссиня-черной
Тень, конечно, не видна.

След от тучки набежавшей
Показался черной кошкой,
И мешал он тарбагану
Травку сочную щипать.
Наконец-то бедолага
Тень хвоста увидел ясно, —
Испугался и подумал:
Ох, какой же я дурак!
Больше всех над ним смеялось,
Хохотало даже эхо,
Улыбалось солнце в небе,
Щедро сеяло тепло.
С брюхом, травами набитым,
Тарбаган домой пустился:
Сзади, спереди «стреляло», —
Вот уж точно «смех и грех»!

Переводы с тувинского Николай Карпова.

Мария КУЖУГЕТ

ТАК БЫВАЕТ ВСЕГДА

Так бывает всегда,
Когда жизнь улыбнется вдруг
И одарит богатством —
Будет полный двор родни:
И сестра ты любимая им,
И милая дочь,
И сватья щедрая ты,
И золотая сноха,
И подруга, золовка, свекровь,
И даже теща сердечная,

И многим разным таким —
Так бывает всегда.

Так бывает всегда:
Отвернется удача вдруг —
Вчерашней большой родни
Простынет и след:
Ты теперь не сестра,
Не дочь, не подруга, не друг,
Не золовка любимая ты,
Не кума, не сноха —
Ты уже не родня никому.
Так бывает всегда.

* * *

Не дожидаясь таянья снегов
В своем аале,
Через сугробы ты не поспешил
Ко мне, любимый.

Нить ожиданья сколько мне прясти,
Тебя не видя,
И долю девичью свою в ночи
Опять жалея.

В душе штормит сомнений океан
Который месяц
И время юности летит
Уж не напрасно ль?

Не дожидаясь таянья снегов
В своем аале,
Через сугробы ты ко мне спеши,
Пока не поздно.

Переводы Саяны Ондур

ЛЕТЯЩИЕ ГАЛОПОМ МИРАЖИ

В бархатных лучах вечерней зари
Миражи устроили скачки, посмотри!
Милая, приди, на золотые ручьи
Горных миражей со мной посмотри.

Ладушка моя, я встрече так рад!
Лазурь твоих глаз — великой любви моей клад.
Настрою игил свой песне гор в лад,
Пусть мелодиям вторит вершин ряд.

Гармония хора — стройное слияние душ.
Миражи ликуют в страстном танус воздушном.
Услышав признание в любви двоих,
Эхо вторит сиянию миражей золотых.

Горы подхватили наши песни, как орган.
Танцуют миражи с нами вечный сам.

Авторский перевод Э. Хаяна.

* * *

Кобыла — туча крылья развернула
И над чайлагом слезы пролила.
Девчонка косы плавно распустила,
Дождем небесным личико омыла.

А ноги стройные, словно у юной лани
Ступали по журчащему ручью,
И капли на лице ее играли,
Похожие на яркую зарю.

Вот засияла легкая улыбка,
Согрела душу солнечным теплом.
А туча улетела, стала зыбкой,
И вспыхнул радуги небесный дом.

За девушкой я очень нежно следил,
И светлое чувство в душе ощутил.

* * *

Мне не забыть тот спор на перевале.
Мы не смогли друг другу уступить.
Но звезды памяти моей не угасали,
Тепло любви ушедшей сердцу не избыть.

Пусть нас разлуки путь развел необратимо —
Тебя я не забуду никогда.
И в лабиринте дней, дорог, летящих мимо,
Меня ты помнишь, счастье и беда?

В горячем споре компромиссов не бывает.
Приблизили разлуку я и ты.
Но верю, зла душа твоя не знает,
Ты для меня — сияние мечты.

Судьбы о жестких рук с тобой не миновали,
Но помни: счастья мы друг другу пожелали.

* * *

Синих вершин седловины окрасит заря
Что, она хочет уйти, не дождавшись тебя?
Ты позабыла о встрече желанной — и жду тебя зря?
Зорюшка вместе со мной поджидает, горя.

Сердце тревожится, рвется, горюет душа,
Сердце тревожится, рвется, к любимой спеша.
Где припозднилась, певунья? Заката лучи
Ясные звезды зажгут нам в тиши и ночи.

Песню надежды один я упрямо пою.
Знаю: услышишь, любимая, песню мою.
Гаснут вершины, погасла над ними заря
Здравствуй, родная! Тебя поджидал я не зря.

Лунных улыбок цветет над землей хоровод
Сколько сокровищ любовь нам с тобой распахнет!

Переводы Г. Принцевой.

ПИСЬМО К ОТЦУ

Здравствуй, папа!
Сегодня я пишу,
К тебе взывая,
И новость, что печаль слагает, расскажу.
Из университета я отчислен.
Вернее, в книге перемен
Я выбираю то, что должно,
И сердце бьется без конца
В надежде пониманья.
Сей выбор, мне необходим.
Во-первых, пора просеять
Скверну и принять то, что есть.
Я жить же только начинаю,
И внутренне готов принять все
Перемены, что давно назрели.
О, не хули, отец!
Хоть вправе ты сказать,
Что сын не более камень.
Не спорить я пишу,
А изложить страданье,
Томления души, себя познание.
Пора, отец, проснуться мне,
Как, впрочем, и тебе. Пусть каждый
Сам себя познает и радость обретет.
Любовь, что в сердце пламенеет,
Единственно она, путеводитель мой.
Не пафос сей, а исцеленье истиной моей
Куда иду я, смутно представляю,
Сей выбор сделан мной, поверь, не просто,
Но видно в этом есть намек, пора, сынок!
А там посмотрим, что за плод взойдет.

Отец, о не сердись, но будет...
Не бойся за меня,
Ведь за закатом придет рассвет.
Хоть в этом прок я не ищу.

О, знаю, винишь за все труды,
Что на ноги меня ты не поставил,
За пот, что пролил даром,
За старость, что придет...
Но верь, отец, твой сын не камень,

Не изваяние грез. И сердце любящее
В пух превращает камень тот.
О, пусть же Вера и Любовь — мой щит и глас.
О, пусть произойдет в скрижалях Неба,
Все то, к чему Любовь стремится.
Иду искать начало и конец.
Весь в постиженье я;
К чему, куда, в себе найду ответ.
Как говорят, все происходит так,
Как мы внутри слагаем...
Через все пройти, все испытать, не убежать.
А главное, Любовь принять и сердцем жить.
И сохранить, творить, дарить, покуда жив, любить.
Сей труден путь, таков удел исканий.
Прости, прости меня, отец...

* * *

Сижу на камне
Со времен потолка,
Напротив степь
Раскинула чадру.
Я улыбаюсь,
В ответ ни слова...
Сверкание очей.

Девчонок вижу я прекрасных,
Цветущих — радость. дня!
И в умилении сердца
Проходит молодость моя.

Алтай так дорог мне.
Прекрасен твой уют, тепло,

Величие земли.
К той теплоте и благу
Так стремимы мы,
Вбирая ароматы
Всей любви
Пышнейших сосен,
Зелени вечных сил;
Поры, когда все любишь.
Все так просто и едино.

* * *

Быть может, здесь,
На островке реки
Течет плавнейшим
Образом мечта.
Здесь хорошо
Все для души,
Чтоб выразить себя сполна.
Лучами солнышко пригреет
И ласково предупредит:
— Смелее в воду — холодеет.
Иль в лес любви
Тебя умчит.

* * *

И ароматом дивным
В сердца нахлынула любовь.
Скрепила все вокруг тягчайшими узами,
Свободой назвав.
Мы обрели покой и счастье
В чудесной ниве этих лет.

* * *

Ручеек, куда бежишь?
Пригнувшись,
Услышал смех и шепот
Детских ножек.

* * *

На склоне слышу колыбельную песню.
Теплая грудь, ласковый голос, очаг доброты.
Две слезинки на камне слились..
То соринка в глаз угодила.

* * *

Что нужно мне...
Коль и нужду
Я за достаток принимаю.

* * *

Устремления пикам снежным подобны,
Светлы, благодатны в сердце моем.
Воспламятся пламенем вечным,
Свободу даруя.

* * *

Зеленая веточка
Устремилась в жизнь,
Именно в жизнь.

* * *

В памяти сердечной запечатлелось навеки,
Поглотило сердце мое любовь нежную,
Бескорыстную — Твою Материнскую,
Отраженную от зрачков твоих глаз несравненных.

* * *

Когда есть доверие к себе, есть ли волнение?
Когда вера сильна, есть ли сомнение?
Когда учишься и познаешь — оставляешь ненужное.

* * *

Взмах Крыльев!
Тысяча благодарностей и тысяча прощений.

ОБЛАКА

Облака плывут по небу,
Растекаясь в синеву.
Серебристый белой дымкой
Обновляя красоту.
Разжижая дымкой воздух,
Улетают пустоту.

И плывут, как в небе птицы,
Расплываясь на ветру.
И она, как небылицы,
Вдруг растают поутру.

Ты увидишь превращенье
И в увиденном поймешь:
Это — чудное виденье —
Ты, глаза закрыв, — сотрешь!

БАБЬЕ ЛЕТО

Осень. Все листвою облетело,
Незаметно бабье лето прилетело.
И душа во мне помолодела.
Радуйся, что лето прилетело.
Солнце снова жарко припекает,
И теплом землю вдруг расцветает.
Люди снова радуются свету
И от лета бабьего привету.
Разукрасится земля лучами,
И прогреется она ночами,
Полетит к тебе с приветом,
И вернется, может быть, с ответом.
Все во мне сейчас ликует.
И с душою сердце вновь воркует.
Хорошо, что есть на свете счастье,
И забудется зимы ненастье!

РУССКИЕ ПРОСТОРЫ

Наши русские просторы
Разлились за грань земли.
Не окинешь быстрым взором,
И увидишь, как с рассветом,
Солнце яркое встает,
И оно тебя с приветом
В эти дали позовет.
Улыбнется ярким светом,
К облаку вдруг полетит,
Обратится к нам с ответом
«Почему огонь горит».
В ярких красках буйным цветом
Все вокруг позолотит,
А потом волшебным блеском
По лесочку побежит.
Разольется по макушкам
Русских сосен и берез,
Отразился на опушке
Сладких ягод, в буйстве грез.
Не узнаешь ты аллею.
Будто золотом горит,
Перламутровым лафитом,
Словно жемчуг и нефрит!

ЛИТЕРАТУРНО-ТВОРЧЕСКАЯ СТУДИЯ «АЛЫЙ ПАРУС»

Л. Куцевалова-Косарева,
руководитель студии.

ПАМЯТЬ

Память моя — девочка,
У жизни реки играющая,
На бесконечном просторе,
У нескончаемых гор,
Девочка, слишком много
О жизни моей знающая,
Чтобы начать со мною
Томительный разговор.
О том, что совсем напрасно,
Не так, как другие люди,
Я жизнь свою проживаю,
Томясь над пером и листом;
О том, что хороших истин
Я, глупая, мало знаю
И все, что пишу я — не нужно,
Да я и пишу не о том!
Еще говорит, что несложно
Мне выучить несколько правил,
Запомнить какие-то штампы,
Какой-то привычный шаблон
И следовать добрым советам,
И слушаться — кто бы ни правил,—
Тогда моя жизнь перестанет
Катиться с горы под уклон.
А то, что сломаю крылья

И свет своих звезд растеряю,
И перестану, конечно,
Ночами стихи писать,—
Все это совсем неважно
И нечего не значит,
Ведь жизнь нам дается однажды—
И надо везде успевать!
Но памяти я не верю:
Она говорит нарочно,
Чтобы меня подзадорить,
Чтоб я не смогла уступить,—
Ведь я достоверно знаю,
Все вещи вокруг непрочны,
И только душа моя будет
В других ипостасях жить!

Стихов моих добрые строчки
Однажды понравятся людям,
Кому-то возможно, помогут,
Кого-то поднимут с колен.
Кого-то сласут — даже если
Меня уже долго не будет, —
Я в эту несбыточность верю —
Стиха зачарованный плен!

НЕ ДАЙ БОГ

Странный какой-то дождик
Выпал на прошлой неделе...
Хотела встряхнуть одежду,
Хотела подчистить кожу—
А стерла свое лицо!
Стало не видно неба,
Стало не видно солнца —
Зато появился ветер,
И тысячи игл-песчинок
Мне выцарапали глаза.
Хотела услышать правду
О том, что вокруг происходит, —

Пусть даже ценою жизни,
Пусть даже ценою смерти-
Но только утратила слух.
Пошла наугад, живая,
На ощупь искать дорогу,
До крови себе раздирая
Колени и пальцы — и что же?—
Добилась утраты касаний...
Стала искать причину
Последних своих несчастий-
Но только утратила веру,
Но только растратила чувства
И растеряла тепло.
Вконец заплутавшись по жизни,
Я перестала бороться,
Я перестала молиться
И не заметила — стерла...
Стерла саму себя!

Дионис АФОНИЧЕВ,
20 лет

* * *

Остыли слезы, и облик остыл,
Холодный и черствый, мертвый облик.
Нет больше смысла искать.

Последняя чашка кофе,
Жалкое чувство вины....
Осыпается цветок.

* * *

Бутылка любимого пива,
Пачка любимых сигарет-
Моя любимая смерть.

Как сексуальна ночь,
Как одиноко мне.
Скорее бы уснуть.

* * *

Что бы ни создал человек ~
Прекраснее всего природа,
И даже камень на дне реки.

Глупая музыка из окон домов
Мне не дает насладиться
Шумом воды.

* * *

Вспоминаю я те дни,
Когда со мною ты была.
Прости меня за все... вернись...

Нельзя пресытиться любовью.
Надеяться, нетерпеливо ждать
Готов любимую свою.

Разное вспоминается,
Да все хорошее.
Любовь...

Глупа моя любовь,
Но искренне чиста.
Я буду помнить запах твой.

Я не забуду никогда,
Как говорила ты: люблю.
И пела тихо на закате...

Юлия КУУЛАР,
16 лет

МОРЕ

Молчи.
Прислушайся к этому мелодичному приборю.
Закрой глаза, они мешают тебе.
Ты слышишь шепот?

Нет, это не сердце, это море.
Слушай волны, слушай солнце,
Слушай песок, слушай дождь, капли.
Действительно прекрасно?
Это музыка моря...
А теперь открой глаза.
Отключи все остальное.
Слушай глазами,
Ощущай взглядом.
А вот и солнце прикоснулось к морю.
Ты видишь эти золотые волны?
Это лучи солнца покрывают их.
Ты видишь это пламя над морем?
Это небо. Это закат.
Чувствуешь этот соленый запах?
А этот бриз?
Что ты чувствуешь?
Что ты чувствуешь здесь у моря?
Ты не знаешь?
А я знаю.
Это счастье.

Виктория ПАГУГИНА

ЕДУ-ЕДУ К БАБЕ, К ДЕДУ

«У деда уже огурцы подрастают, девчонок ждем, скучаем». С этой великой фразы бабушки каждый год начинается мое летнее путешествие «к бабе, к деду».

Моя бабушка Валентина Федоровна в нашей большой семье — главный руководитель. А дед Толя — ее заместитель. У нашей бабушки все всегда под контролем, она знает, кто из детей и внуков чем занимается, кто куда поехал и у кого какие новости. И каждое лето мы собираемся в «главном» доме нашей семьи.

Мой путь в этот дом непрост. Сначала мне предстоит попрощаться с мамой, которой до отпуска далеко, с дядей Вовой, котом Мусиком и прилететь в Иркутск, чтобы захватить с собой

семью Рожук — двоюродную сестру Аленку и ее родителей тетю Лару и дядю Алика. (Аленка — моя ровесница. Дядя Алик — милиционер в отставке, тетя Лара, мамина сестра, собиралась быть химиком, а стала торговым работником. Аленка учится в лицее).

Потом целую неделю идут сборы. Докупаем подарки, которые не успели купить в Кызыле, а мы с Аленкой клянчим недостающие, по нашему мнению, наряды. Иногда это удается. По вечерам отправляемся в театр или в кино. Дядя Алик все эти дни сосредоточенно готовит машину к поездке: покупает очень «нужные» шампуни и прочие мелочи. А тетя Лара ворчит: «Вот бы он за мной так ухаживал, как за своей машиной». Наконец сборы закончены, загружаем последний пакет с моей обувью, который никуда не влезает. Дядя Алик назначает время отъезда — 7 часов утра.

Наш путь лежит через небольшой курорт около озера Байкал, где мы отдыхаем: жарим шашлыки, купаемся, загораем. А вечем «капитан» сообщает, что завтра выезд опять в 7.00, но нас с Аленкой это не пугает, и мы отправляемся на дискотеку, где танцуем почти до утра с такими же салагами.

Утром сонные как мухи и счастливые как «чингачкуки» загружаемся в машину. Через 12 часов — конечная станция «Баба, Деда». Это в Читинской области (недавно область стала Забайкальским краем). Село называется Макковеево. У больших голубых ворот сигналим. Навстречу выбегает целая куча народу. Бабушка, дедушка, тетя Юля (это самая младшая тетя, она работает на настоящем танковом заводе), наши двоюродные сестры Ира, Катя, Жека и братик Денис. Рекс пытается перепрыгнуть через забор и громко лает. Уже готова баня, непременно — суп для дяди Алика и вкусности для нас. Но есть нам не хочется, мы просто сидим в креслах и не верим сами себе, что снова мы здесь и впереди — целое лето счастья, когда вокруг все твои самые близкие и родные.

А на выходные из Читы приезжают наши Трипутины. Это вторая мамина сестра — тетя Наташа, дядя Леша и наш брат Диман, почти двухметрового роста. Тетя Наташа — самый настоящий майор, она военный врач. А дядя Леша — акушер, работает в роддоме, каждую смену принимает новеньких людей.

Диман — каратист, на соревнования ездит, учится в лицее, собирается стать военным.

Когда понимаем, что все вокруг нам не снится, во главе с бабушкой отправляемся «по местам боевой славы». Сначала проверяем баню. Там, при входе, давно уже выцарапали надпись: «Макарова баня. Вход свободный». Помню, бабушка, обнаружив это безобразие, очень возмущалась и хотела все закрасить. Но почему-то передумала.

Дальше идем в гараж. На его гигантской двери — все имена младших членов семьи: Дима, Вика, Алена, Ира, Катя, Денис, Женя. Потом — три точки и «продолжение следует». Это мы приписали на всякий случай.

А позже дед достает большой нож для разделки мяса и зовет нас. Идем за ним. У входа в дом — у нас «ростомер». Дед на колоде каждое лето делает очередную порцию зарубок — отмечает, как мы растем. Дима уже там не помещается.

И это еще не все. Летом к нам еще придет множество тетей, дядей, бабушек и дедушек, чтобы посмотреть, как выросли Макаровы внуки. Когда мы с Аленкой были поменьше, каждое лето выбегали поближе к железной дороге, она совсем рядом, и кричали машинистам поездов: «Мы — Макаровы внуки». Они нам сигналили и смеялись. А потом приезжает моя мама и снова вся суматоха повторяется. Лето заканчивается.

Вот такая у нас необычная семья. Даже когда мы далеко друг от друга, все равно мы вместе. Все мы знаем, что нужны друг другу. И каждый приезд к бабушке и деду я радуюсь, что они все у меня есть. Сейчас мы снова готовимся к лету. Дед, хотя и болел зимой, ему даже делали операцию, уже готовит теплицы, а бабушка — рассаду. Они ждут всех нас и забывают о болезнях. А мы ждем, когда наконец приедем в главный дом.

Урана ДОНГАК

МИФОЛОГИЗМ РОМАНА М. КЕНИН-ЛОПСАНА «Исчезнувшая девушка» («Читкен уруг»)

Поэтика молодых литератур, развивающихся на базе традиционной словесности, несет в себе определенный культурный багаж художественных достижений прошлого. Благодаря этому для литератур ранее новописьменных народов стало возможно восприятие новых эстетических ценностей мировой литературы для более глубокого, философского осмысления явлений действительности.

Новыми художественными достижениями тувинской словесности являются историзм, реалистическое изображение действительности и заимствование европейской жанровой системы эпоса, лирики и драмы. Первые литературные произведения тувинских авторов относятся ко второй половине 1920-х годов. В это время в молодом тувинском государстве в Центре Азии Тувинской Народной Республике сначала на старомонгольской письменности, а после 1930 года — на недавно созданной национальной письменности, стали издаваться первые авторские художественные произведения. Коллективное творчество, автобиографизм были присущи первым беллетризованным воспоминаниям этих лет. Историзм литературный как осознанный способ художественного мышления закрепится позднее — во второй половине 1960-х годов в произведениях С. Сарыг-оола, С. Тока, романах М. Кенин-Лопсана, К.-Э. Кудажы и др.¹

Жанровая система современной тувинской литературы — от небольших очерков и рассказов до высшей жанровой формы эпического повествования — романа — во многом опирается на европейскую теорию художественного творчества. Однако художественные приемы и принципы построения литературного произведения, начиная от языковых образных средств и идейно-тематического содержания произведения до сложнейших композиционных и даже некоторых жанровых образований, подчиняются, прежде всего, традиционной системе художественного повествования.

Наглядным примером проявления культурных достижений прошлого, наглядным примером отражения в поэтике современных литератур художественно-эстетических ценностей далеких эпох и живых фольклорных традиций является роман М. Кенин-Лопсана «Исчезнувшая девушка».

Роман народного писателя Тувы Монгуша Кенин-Лопсана («Читкен уруг», 2000)² повествует о судьбе девушки, чей отец, охотник-скотовод по прозвищу Великий Охотник, из далекого уголка Тувы, Монгун-Тайги, был обвинен и казнен как «враг народа». Путь героини романа от маленькой девочки до зрелой девушки был полон страданий. Гармоничен, справедлив был мир, окружавший ее в родном стойбище, рядом с любящими отцом и матерью, младшими братьями и сестрами до появления вооруженных всадников в их *аале*. Сколько несправедливости, уродства, безнаказанности в человеческих поступках, проявлявшихся под напором официальных властей, встало на жизненном пути Аганы.

Девушка на протяжении более чем десяти лет каждый день, каждую минуту всем своим существом, каждой клеточкой своего организма, движением своей души боролась за право жить среди людей, за право иметь простое женское счастье, о котором она знала из рассказов и добрых наставлений своих родителей. Несмотря на помощь, поддержку стариков, взявших ее на воспитание; блаженного Дакпяя; шаманов, приходящих к ней в видениях и наяву; русского врача Юрия Давыдовича Ковенского, не выдержала она напора, грубого давления, насилия бессердечных чиновников.

Роман Монгуша Кенин-Лопсана «Исчезнувшая девушка» насыщен мифологическими мотивами и сюжетами. Тувинская

мифология является в этом произведении основным источником для создания художественно-образительных средств романа. Сюжет романа о страданиях девушки и ее исчезновении в окрестностях высокогорной тайги представляет собой вариант мифологической наррации о встрече девушки с духом-хозяином местности и о последующем ее исчезновении. Героине романа суждено было пережить большое горе, моменты надежд и вдохновения, много разочарований — всякий раз менялось отношение к ней людей, однако незыблемым оставалось для нее голубое небо — көк дээр - и всегда неизменно благосклонна и надежна Монгун-Тайга.

М. Кенин-Лопсан ставит проблему человеческого существования и выживания в условиях тоталитарного режима. В один ясный день мир и покой стойбища охотника Хертека были нарушены приездом нескольких всадников. Тогда вся семья занималась обычными делами, это идиллическая картина тувинского традиционного уклада жизни: отец свеживал шкурки сурков-тарбаганов, мать «колдовала» над свежеприготовленным чаем (*чемин үндүр саарар³*), дети играли неподалеку от юрты. На границе родового пространства арата-скотовода, на ближайшей седловине появляются всадники, чужие люди, которые пересчитывают скот и уводят отца, запретив им использовать для семьи хоть одного козленка, овечку или бычка в их стаде. Мир семьи внезапно был нарушен. Один за другим следуют несчастья: умирает годовалый ребенок у мамы, заболевают краснухой младшие братишки; соседи, всегда готовые помочь каждому, вдруг отворачиваются. Семья без какой бы то ни была помощи остается на одинокой стоянке, умирает мать. Внезапный смерч сметает с лица земли юрту, и девочка одна чудом спасается в телятнике.

Но и этим не кончаются страдания героини романа. Хоть и взяли ее на воспитание добрые старики, у которых выросли и разъехались дети, создав свои семьи, дали ей из предосторожности новое имя Ошку-Козочка, а потом отправили учиться в школу. Однако люди запрещают детям играть с девочкой. Однажды ее, лучшую ученицу, исключают из школы; приемного отца старика Хертека Сюрюна отправляют работать на лесозаготовки, где он подрывает свое здоровье и, немощный, умирает.

Юная героиня вынуждена работать. Злые недоноски, чувствуя свою безнаказанность и по наущению чиновников, надругаются над ней. Ее жених, демобилизовавшийся из армии, а потом и другой, учитель Шактар, под напором, давлением мнения окружающих людей и официальных властей отказываются, отрекаются от нее. Ошку теряет ребенка, которого очень ждала, как продолжение рода отца. Приемная мать слепнет от горя и однажды, оступившись с обрыва, погибает. Девушка остается одна. Но и здесь высшие силы, добрые люди протягивают ей руку помощи. Врач Юрий Давыдович принимает ее на работу санитаркой и, увидев ее трудолюбие, смысленность, усердие, делает ее своей первой помощницей. Но и здесь ее увидел Чылан-Карак (Змеиные Глаза). Увидел, донес — и опять Ошку вынуждена покинуть дом, приютивший ее; работу, дававшую ей надежду и силы для жизни.

Теперь девушка может работать только в котельной пекарни. Здесь в комнатке, рядом с печью (Мангыс-Суугу — Печка-Чудовище-Мангыс) — белая скатерть, чистая девичья постель, висящий на стене *бызаанчи*⁴, хлеб и чай с молоком. Когда увольняют Ошку и с этой работы и велят покинуть место, девушка, потеряв веру в людей, надежду найти среди людей простое человеческое счастье (дом, семья, работа, она мечтает о муже, спутнике жизни, о детях), она уходит далеко в горы.

Мифологема «Көк Дээр» — Голубое Небо, как доминанта, определяющая формальную и содержательную организацию вселенского пространства и ставшая мерилем нравственной оценки мира и человека, является основой, стержнеобразующим элементом поэтической системы этого художественного произведения⁵. Согласно шаманской мифологии, Небо было божественным началом у тувинских шаманов. Культ Неба отражен также в древнетюркских памятниках; в памятнике монгольской литературы «Сокровенное сказание монголов» (1240 г.). Более того, религиозно-мифологическая установка культа Неба и культа предков соблюдалась как обязательный элемент повествования в эпических произведениях тюрко-монгольских народов. Как высшее божество, Небо выполняет и карательную функцию, и бывает милостивым. Таким образом, в тувинской мифологии Голубое Небо (Көк Дээр) — некая высшая субстанция, высшее божество.⁶ Эти

понятия сделали Көк Дээр в тувинской мифологической традиции устойчивым символом незыблемости мира.

В романе «Исчезнувшая девушка» автор использует два эпитета по отношению к «небу»: көк — «голубое» и чиңгир көк (досл. ярко-синий, насыщенно-синий) — «синее». В обозначении места действия, пространственных координат, а также в значении высшего божества и божественного свидетеля описываемых событий: «Это было лето, когда я под этим голубым небом оставалась совсем одна, без друзей и подруг моих детских игр»; «Голубое небо, послушайте мой печальный рассказ»; «Только голубое небо видит белую юрту, где спряталась девушка».

Для поэтики романа мифологема «Көк Дээр» имеет особую актуальность. Многогранное описание и обращение к мифологеме в сюжете «Исчезнувшей девушки» приводит к тому, что Голубое небо становится не просто объектом описания, но и свидетелем, участником событий, обладающим сакральной, таинственной и могучей силой; универсальным знаковым комплексом, символизирующим в бинарной оппозиции покой-уверенность и тревогу-опасность. Мифологема Көк Дээр — Голубое Небо, будучи универсальной моделью, отражающей концепцию мира и его устройства, несет в себе идейно-содержательную сторону романа.

Идейно-тематическое содержание романа подкрепляется пронизывающими всю художественную ткань повествования архетипическими мотивами (мифологическими мотивами), начиная от внешнего действия (сюжетика): враг опустошает стойбище, сватание, дочь должна спасти отца и вернуть весь свой скот, 49 глав⁷; кончая трактовкой образов героев романа и языком художественного произведения (печка-Мангыс, Змеиные-Глаза, *отчаяячы* — дух-хозяин огня, мотив влюбленного поэта Г. Лорки, Ак-Баштыг — Белая Вершина и т.д.).

Имя героини на протяжении всего романа меняется или часто заменяется одно другим: Чучак — детское имя, Агана — имя, полученное при рождении; Ошку⁸ — имя, которое ей дали приемные родители; Шевер-Уруг (Девушка-Искусница), Дайзын-Уруу (Дочь-Врага), Сестра-Ошку, певица Мариам, святая Мария. Страница за страницей мы видим, как из несмышленой девочки вырастает зрелая личность, способная оценить поступки людей, простить их безволие, слабодушие и вероломство.

Рассказанный в 49 главах-сказах (*тоол*) жизненный путь главной героини романа с приобретением ею разных имен является как бы переходной ступенью от одной жизни к другой (сравни момент инициации). В композиции произведения так отражена идея вечного возвращения. В романе «Исчезнувшая девушка», повествующем об определенных исторических событиях, жестоких годах репрессий в Туве, историзм, утверждающий единичность события и исключительность личности, подкрепляется мифологизмом, который несет в себе идею цикличности.

Мифологизм как художественное средство, которое воссоздает определенную концепцию мира, проявляется в этом романе в сюжетной линии повествования, в композиции произведения, в именах героев произведения, его художественных образах. В повествовательной ткани художественного произведения, относящегося к современному литературному процессу, мифопоэтические ее составляющие являются важными структурными элементами текста. Миф придает тексту новый смысл.⁹ Использование мифа в повествовательных жанрах литературы приводит к тому, что мифологическая основа, наслаиваясь на нарративную и эстетическую функции, приводит к усилению идеи о неразрывной связи времен, о преемственности в жизни человеческого рода, о сохранении архетипической памяти.¹⁰

Поэтика современного литературного произведения, в частности романа «Исчезнувшая девушка» М. Кенин-Лопсана, подчиненная социально-историческому принципу изображения, который несет в себе пафос исключительности событий и личностей в истории, вместе с тем в мифопоэтической его части отражает идею цикличности времени и вечного возвращения человека в мир в разных ипостасях. Это роман о неизбежности человеческих ценностей, о праве каждого человека на понимание, о счастье в своем пространстве, о неповторимости каждого макро- и микрокосмоса, о многообразии соцветия разных миров и их пересечении. Так автор приходит к философскому осмыслению трагических событий, произошедших с героиней романа. Четкое понимание исключительности событий, происходящих в годы репрессий, и в то же время ощущение вечного круговорота жизни достигается автором благодаря творческому синтезу литературной

и фольклорной традиций. Живое бытование фольклорных традиций позволяет авторам «реализовать» мифологический подход без модернистских, апологетических толкований; вековая мудрость, народная философия заключена в созданной М. Кенин-Лопсаном идейно-образной системе романа.

Литература:

1. Самдан З.Б. От фольклора к литературе. — Кызыл, 1987. — С. 3-30.
2. Кенин-Лопсан М.Б. Читкен уруг: Роман. На тув. яз. — Кызыл, Тувинское книжное издательство, 2000. — 416 с.
3. Шай саарар — досл. «переливать, помешивая чай», свежеприготовленный чай доводят до необходимой вкусовой кондиции, зачерпывая ковшом и сливая обратно в котел длинной струей несколько раз (7, 9, 12, 24 и т.д.). Возможно, это действие является частью ритуала окропления свежего чая в разные стороны, как подношение духам.
4. Бызаанчы — тувинский струнный музыкальный инструмент.
5. Эсалнек А.Я. Архетип. — Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины. — М., 1999. — С. 30-37.
6. Кенин-Лопсан М.Б. Мифы тувинских шаманов. — Кызыл, 2002. — С.9-10. Кенин-Лопсан М.Б. Культ Неба в алгышах тувинских шаманов и в древнетюркских надписях в честь Кюль-тегина. — Письменное наследие тюрков. Тезисы междунар. симпозиума, посв. 110-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности и 100-летию выхода в свет труда Н.Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка». 14-17 октября. 2003. — Кызыл, 2003. — С. 7-16. Донгак А.С. Сходные типологические черты орхонских надписей и «Сокровенного сказания монголов». — Там же. — С. 51-55.
7. 49 дней — по шаманским представлениям человек прощается с «меге =ртемчей» (обманым миром), по истечению 49 дней уходит в другой мир, покидает этот «обманный мир», перерождается в ином мире; также в буддизме — состояние бардо — когда душа еще не покидает этот мир.
8. Чучак — тув. мягкая, кожаная детская обувь. Агана — от «аганак» Белая куропатка. Ошку — тув. «+шк\» Козочка.
9. Тильман Муш. Архаический опыт и немецкий текст: о шаманских песнях Галсана Чинага. — Мифология и фольклор. Байкальские встречи-IV. — Улан-Удэ, 2004. — С. 66-70. Боронина И. А. Мифология и японская литература на рубеже древности и раннего средневековья. — Мифология и литературы Востока. С. 78. («Мифология, наряду с фольклором, не только составляет ту основу, на которой складывается литература. Она играет весьма существенную роль и на протяжении ее последующего развития»).
10. Мелетинский Е.М. Мифологизм в романе XX века (от литературы к мифу). — Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. — М., РГУ, 2000. — С. 129-140. Самдан З.Б. Мифологические представления тувинцев (Тывалар октаргайны канчаар билип чорааныл?). На тув. яз. — Самдан З.Б. Почему Чылбыга

проглотила Луну? Тувинские мифы. (Чылбыга айны канчап сырырыпканыл? Тыва улустун бурун-чугаалары). — Кызыл, 2004. — С. 49-50. Зуева А.С. Архетип. — Словарь литературоведческих понятий и терминов. — М. — С. 30.

11. Самдан З.Б. Указ кн. — С. 3-7.

Статья была опубликована в кн. «Художественное наследие национальных литератур 20 века в общероссийском культурном пространстве: проблемы взаимодействия. (г.Якутск, 4-6 октября 2006 г.): материалы Всерос. науч. конф.», Якутск, 2007. С. 65-71.

Екатерина ЧАМЗЫРЫН – ТывГУ, к.ф.н.,
доцент кафедры тувинского
фольклора и литературы

ДЕТСКИЕ ПРОЗАИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ш.СУВАНА

*Сила детства в том и заключается, что она
пробуждает в человеке чувство добра.*

Л. Толстой

Детская книга должна не только обогатить знания ребенка об окружающем его мире, но и преследовать цели сугубо педагогические: воспитывать высокие моральные и человеческие качества, учить добру, справедливости, бережному отношению к родной природе. Будучи органической частью духовной культуры, она является искусством слова, и, следовательно, ей присущи качества, свойственные всей художественной литературе. В то же время она «...не должна быть придатком к литературе для взрослых. Это великая держава с суверенными правами и законами», — считал А.М. Горький.

Возникновение тувинской детской литературы является одним из важных эстетических завоеваний тувинского народа, следствием развития его духовной культуры и художественной мысли. Она со дня своего зарождения развивается, как и все другие национальные детские литературы, на основе художественных традиций родного народа и творческого осмысления эстетических богатств всей мировой литературы.

Важные общественно-политические и социально-культурные события, произошедшие в жизни тувинского народа и коренным образом изменившие культурную жизнь республики, оказали

большое положительное воздействие на становление и развитие тувинской детской литературы, которая сегодня развивается как самостоятельная ветвь национальной литературы.

Растет и повышается мастерство тувинских детских писателей. Об этом свидетельствует и то, что многие произведения, созданные детскими писателями Тувы, будучи переведены на русский язык, стали достоянием всероссийского юного читателя. Больше того, произведения тувинских писателей звучат на многих языках мира.

В современной детской литературе усиливается мифологизм, фольклоризм, этнографизм, фантастика, направленные на восприятие национального своеобразия народа, его бытия. Интерес писателей здесь разносторонен. Одни стремятся воссоздать в этнографических деталях национальный быт в его повседневности, в обычаях, обрядах (М.Кенин-Лопсан, Ч.Чочагар). Другие пытаются осмыслить исторический путь своего народа, постигнуть истоки его происхождения (Ш.Суван). Третьи стремятся раскрыть национальное своеобразие бытия изображением своеобразного мировосприятия, внутреннего мира, души народа через мифологию (Ч.Ирбижей, А.Ламажаа).

Тема детства — одна из важнейших тем современных детских писателей Тувы. Практически каждый писатель ведет собственную свободную творческую работу над этой темой. Это можно проследить по произведениям разных писателей: «Серебряное огниво» К.Чамыяна, «Шораан» Ч.Куулара, «Бабушкин сундучок» Ч.Чулдума, «Мальчик родом из сказки» Ш.Сувана, «Вороны Кара-Ашака» К.Аракчаа, «Кто твой любимый друг?» Ч.Ирбижея, «Парень двух аалов» М.Дуюнгара, «Рыбы проголодаются» А.Шоюна и других.

На развитие детской прозы последних десятилетий большое влияние оказало творчество Ш.Сувана. Проблема детства обрамляет его творчество. Он — автор пяти книг. Это «Хун-Херелден аалчылар» («Гости из Хун-Херела» 1992 г.), «Тоол чурттуг оол» («Мальчик родом из сказки» 1994 г.), «Ачамные шолазы» («Кличка отца» 1999 г.), а также повести на нравственную «Кижии араатан» («Человек зверь» 2006г.), и историческую темы «Туматтар» («Туматы» (2007 г.).

В 90-ых годах XX столетия он издал следующие детские сборники: «Гости из Хун-Херела», «Мальчик родом из сказки» и «Кличка отца». В первые сборники вошли его первая фантасти-

ческая повесть «Гости из Хун-Херела» и рассказы, написанные на различные темы для детей среднего и старшего школьного возраста. А в третий сборник вошли стихи, художественные и юмористические рассказы для юношества и взрослых.

Юные читатели всегда тянутся к таинственному, увлекательному, фантастическому. Но, к сожалению, тувинские дети не имеют богатого выбора в этом. Первопроходцем тувинской детской фантастики был один основоположников тувинской литературы, Б. Ховенмей, который в 60-ых годах написал фантастический рассказ «Марска чеддер частым» («Чуточку не долетел до Марса»). Затем этот жанр продолжили Е.Танова, Ч.Ирбижей.

А за последние десятилетия написана всего одна фантастическая повесть «Гости из Хун-Херела» Ш.Сувана, посвященная чудесам научно-технического прогресса, странным, таинственными явлениям инопланетян, автор с первых же страниц увлекает юного читателя. Повесть светлая, юношеская, которая как бы родилась из сказочной идеи.

Ш. Суван смело вступил в ту область художественного творчества, которая открывает детям безграничность человеческого познания. Главным действующим лицом является школьник Сылдыс. Речь идет о будущем, о чудесах науки и техники, об инопланетянах, о приключения пытливого, мечтательного, наблюдательного парнишки Сылдыса. Эти качества помогли ему поближе познакомиться с инопланетянами Каа и Бии, прилетевшими на Землю. Автор стремится передать движение научной мысли, показать увлекательность действия.

«...Компьютер передавал мысли мальчика, изображая их в радужно – цветном мониторе. Мысли Сылдыса мелькали, как мультфильмы. А космонавты успевали и видеть, и читать его мысли». «Когда вошел в корабль, Сылдыс осмотрелся вокруг – там никаких вещей не было. Но вдруг открылась стена, оттуда появилось что-то плоское и раскрылось - получились кресла». «Корабль начал быстро набирать высоту». «Компьютер показывал, как начинают, раскаленно греть солнечные лучи». «Открой занавес воздуха»

Ш. Суван тонко передает чувства своих героев. Особенно сильное впечатление производит эпизод, когда Сылдыс наблюдал за «тарелкой». «Тарелка» остановилась напротив верхушки (выси)

Бедик – Кожагара. Сылдыс присел, чтобы как следует ее разглядеть, пока она остановилась. Когда он сидел и разглядывал сверкающую «тарелку», почудилось, что кто-то его окликнул. Сылдыс невольно стал прислушиваться. Любознательность мальчика была сильнее его трусости».

Жизнь инопланетян, Каа и Би, автор рисует похожей на жизнь детей, они разговаривают и ведут себя, как люди.

«- Сегодня мы совершили большой гуманный поступок, - сказал Каа.

– Кто? Мы? – сказал, размышляя, Би.

– Его не мы, а тот мальчишка совершил.

Тем самым они больше напоминают персонажей народных сказок.

Повесть «Гости из Хун-Херела» вообще пока не отмежевана от сказки. «Развитие жизни на Земле и Хун-Херел почти одинаковы», «Тарелка спустилась», «Оба без головных уборов, в перламутровых белых костюмах», «Все, что происходит за тридцать земель, мы увидим в радужно-цветном мониторе», «Корабль космонавтов, прилетевших с планеты Хун-Херел, оказывается похож не на тарелку, а на юрту» и т. д.

Предметы: «Скафандр», «Тарелка», «Три галактики», «Звезда Диких», «Космодром», «Корабль-юрта», «Монитор-Радуга», «Метеорит» и другие выражения только обозначены научными терминами или «привязаны» к научным понятиям, суть же их трактуется так, как это характерно для волшебных сказок.

Создавая при помощи художественного вымысла яркие картины и образы фантастического настоящего и будущего, Ш.Суван художественно убедительно решает тему утверждения добра, благородства.

Достижения и недостатки фантастических произведений Ш.Сувана прежде всего связаны с изображением человеческих характеров, русская фантастика в этом плане имеет на своем счету большие художественные достижения. Она исходит из общих принципов реалистической индивидуализации образов, которые развивает современная проза. Однако о тувинской фантастике сказать этого пока нельзя. А Ш.Суван делает определенные попытки в этом направлении, стараясь индивидуализировать характеры своих героев, придать им черты национального

своеобразия, но индивидуальная характерность образов проступает у него лишь во внешних проявлениях. Несмотря на это, повесть «Гости из Хун-Херела» занимает особое место в современной тувинской детской прозе.

В новых условиях интерес к собственной родословной, к жизни предков, историческому прошлому своего народа все возрастает. Обращение к историческому прошлому, осмысление его с современных позиций открыло не только жизненные конфликты и проблемы, которые актуально и злободневно звучат в конце века, но и пути нового художественного освещения их. Ш.Суван проявляет интерес к истории детства разных поколений, воссоздающей по-своему большую историю народа через историю всех поколений его детей. Его остросюжетные рассказы: «Тоол чурттуг оол» («Мальчик родом из сказки»), «Кара-Баштыг», «Калчан-Кара», «Медээ» («Известие») знакомит читателей - подростков с фактами истории. Темой своих произведений писатель избрал значительные исторические события: периоды уйгурского каганата, монгольского нашествия. Через образы юных героев: Кара-Баштыг, Довук, Кара-Кат показано участие юношей в исторических событиях тех лет.

Эти рассказы призывают детвору к активной деятельности, отличаются верой в человеческий разум, гуманизм, страстной устремленностью в будущее.

На современном этапе развития тувинской детской прозы наиболее важным для гражданского сознания становится новый аспект: природа, которая нуждается в доброте, заботе и бережливости, зовет человека к себе на помощь.

Концепция гармоничных взаимоотношений юного героя и природы лежит в основе произведений для детей тувинских писателей – О.Сувакпита, К.Аракчаа, Ч.Куулара, Ш Сувана и других.

Взаимоотношения человека с живой природой всегда были традиционной темой детской литературы. Но в современной детской прозе эта тема приобретает и моральный смысл, так как экология вызывает озабоченность людей всего мира. Естественно что писатели, пишущие на эту тему, вступают во взаимодействие с традиционной поэтикой, которая составляла гуманистический

пафос детской литературы во все времена. Однако они показывают и новые, привнесенном сегодняшним днем.

Таковы произведения Ш.Сувана. В них заметно углубился психологический анализ, образы детей раскрываются в большом многообразии жизненных проявлений. В таких рассказах, как «Чээн оол» («Племянник»), «Чуреккир», «Азыранды» («Приемный»), «Эзирек» («Детеныш косуля») ощутимо звучит тема сложных взаимоотношений человека и живой природы, выявляющая истинные человеческие ценности. Эти произведения Ш.Сувана имеют новаторское значение в тувинской детской прозе, так как он творчески подходит к психологическому раскрытию образов своих юных героев.

В рассказе «Детеныш косули» Артышу брат Чойган подарил найденного детеныша косули. Он вскормил его и вырастил. Автор с большой увлеченностью изображает характер растущего зверя: «Спустя некоторое время Эзирек начал привыкать к козлятам. Даже не захотел сосать молоко — начал уходить на пастбище с ними. Постепенно, когда повзрослел, у него явно начал появляться звериный инстинкт». Эзирек стал убежать в лес. И в один прекрасный день ушел навсегда. Артыш сильно переживал это.

После этого прошло два-три года. Артыш научился охотиться, и вот они с братом поехали на охоту. На этой охоте он убивает того Эзирека, которого сам вырастил. Этот банальный эпизод браконьерской охоты писатель рассказал как чрезвычайное, страшное происшествие. Чтобы передать эту мысль потребовались особые средства художественного воплощения. Автор прибегнул к народной поэтике и так передает состояние братьев:

« — Прости, моя Тайга... моя земля, прости.

— Прости, моя тайга... — сказал про себя брат.

— Почему стоишь! Поклонись своей тайге! Попросим прощения! Прости, моя тайга... Убили, не желая этого...»

Преступление братьев в конечном итоге — это преступление перед людьми, потому что судьба природы неотделима от судеб человеческих.

Автор показывает отношение к животному, которого вырастили сами люди. И так, в нем звучит тема единства природы и человека. Так как отношение к природе, окружающей человека среде — это сегодня мерило нравственности, совести.

В общем, Ш. Суван в этих произведениях дает возможность еще раз убедиться, что и в детской литературе о жизни животных победа нравственности также достигается логикой художественной правды жизни, а не каким-то назидательным авторским усилием. Эти мысли особенно актуальны в наше время, когда возрастает хищнически потребительское отношение к природе.

Таким образом, в детских произведениях Ш.Сувана воплощены нравственно-эстетические идеалы молодого поколения, тем самым писатель решает проблему воспитания, выявляя активное начало в душе ребенка.

Литература:

1. М.Светловская, Т. Пиче-оол. *Детская книга и детское чтение.* — М., 1999.
2. Ф. Сетин. *История русской детской литературы.* — М., 1990.
3. Ш.Суван. *Хун-Херелден аалчылар.* — Кызыл, 1994.

Чотпун-оол оглу ЧОЧАГАР

ПРАВДА О ТУРЦИИ И ТУВЕ, О ТУРКАХ И ТУВИНЦАХ

Пролог

Мне посчастливилось участвовать в 4-ой встрече поэтов тюркоязычных народов мира — «ТЮРКСОЙ-4», организатором которой была посредническая организация между тюркскими культурами и искусством—ТЮРКСОЙ, находящаяся в г. Анкаре. Само слово ТЮРКСОЙ означает: тюркской кости, тюркского происхождения, рода. Сой — соек — сөөк — кость. К тюркам относятся: якуты, хакасы, алтайцы, тувинцы, татары. А также башкиры и казахи, киргизы и туркмены, азербайджанцы и узбеки, гагаузы и турки. Кроме них к тюркам относят малочисленные народности, такие, как балкары, карачаевцы, ногайцы, шорцы, каракалпаки, тофалары, уйгуры и т.д.

Встреча проходила в центре Сивасского губернаторства г. Сивасе. Место историческое: именно здесь прошел объединяющий конгресс (национальное восстание) турков под руководством Ататюрка — Мустафы Кемалья, который привел к образованию нынешней Турецкой Республики.

Когда я учился в Литературном институте им. М. Горького, на кафедре перевода я изучал турецкий язык и впервые познакомился со стихами основателя турецкой литературы Юнуса Эмре. Потом я написал статью про него и опубликовал в журнале «Улуг-Хем» на тувинском языке вместе с его стихами. С тех пор прошло десять с лишним лет, и вдруг председатель Союза писателей Тувы Черлиг-оол Чашкынмаевич Куулар позвонил мне и сказал, что Союз писателей решил отправить меня на «ТЮРКСОЙ-4». Я думаю, что когда-то я создал хорошую причину для этой поездки и теперь пожинаю плоды своего позитивного поступка.

Воспользуюсь случаем и хочу выразить благодарность М.А. Хадаханэ за то, что она высоко оценила мои рассказы и пригласила на семинар молодых писателей Саяно-Алтайского региона, где я был рекомендован в члены Союза писателей России. Я искренне радуюсь, что в честь 70-летнего юбилея Марии Андреевны вышла её книга-эссе «Река жизни», желаю ей новых творческих успехов и вдохновения. Я благодарен также Инне Принцевой, за перевод публикации моих рассказов. Желаю ей всего прекрасного, светлого и доброго. Особая благодарность Черлиг-оолу Чашкынмаевичу Куулару за поддержку и доверие, за его мудрость и простоту. Спасибо за терпение маме, теще, жене, дочери, сыновьям и внуку.

Стамбул

Я прилетел в Стамбул вечером. Для этого достаточно было иметь заграничный паспорт, купить билет и, прилетев в Турцию, заплатить в аэропорту 10 долларов. Станным было то, что, имея разницу времени в один час с Москвой, в Стамбуле темнело в 8 часов вечера. Меня встретил Вейс, коренастый мужчина лет за пятьдесят, он меня обнял как родного и сказал два слова: «Монгуш, Тыва». Меня привезли в отель «Альбион», находящийся в самом центре европейской части города. Сотрудница министерства культуры молодая девушка по имени Нур (Свет) напоила меня чаем и дала ключи от номера. Она была в восторге от моего рассказа о том, что в прошлой жизни мы с ней также сидели рядом и пили чай, были очень добры друг к другу и создали причину для будущих встреч — если бы мы ссорились, ненавидели друг друга, то нам очень трудно было бы снова встретиться.

Весь следующий день я одиноко бродил по городу. В Стамбуле 15 млн. жителей, не считая 2-3 млн. приезжих. Искупнулся в проливе Босфор, побывал на нескольких рынках и в магазинах, — молодцы турки — умеют торговать. Странно было для россиянина не видеть в киосках и лавках пива — только безалкогольные напитки. За неделю я почти забыл, что такое спиртное, и так до конца поездки не видел ни одного пьяного турка, и нам из спиртного ничего не предлагали.

Один доллар стоил 1 500 000 турецких лир. Я чувствовал себя там миллионером. Была такая жара, зашел в кафе и там увидел пиво: за полкружки заплатил 3 доллара?!

Вечером прилетели поэты из Якутии, Татарстана и Башкортостана и нас посадили в рейсовый автобус Стамбул — Сивас. Нур сказала «Биктор, напиши мне письмо». Я обнял её и поцеловал в щёчки — по-турецки.

Дорога в Сивас

Мы ехали на двухэтажном автобусе марки мерседесбенц, два водителя менялись, дорога была европейского качества, и обслуживание было на уровне: два юноши в белых рубашках и галстуках кормили сухим пайком, наливали нам то чай, то напитки - по нашему выбору. Вокруг были горы и одни горы, как в Туве, но горы были старые, и не было тайги, только низкорослые какие-то деревья и кустарники. Можно было понять моё удивление, когда я увидел коров и овец тувинской породы. Мы проезжали и через горные перевалы и реки с красной водой — земля была глинистая и красного цвета. Там было очень много мечетей — одна на каждые четыре дома.

Сивас

Нас встретили в Сивасе и сразу повезли на машинах в университет «Джумхуриет», где мы присоединились к поэтам, ранее прибывшим. Это были наши ребята, т.е. поэты с Алтая, из Азербайджана, из Туркменистана, из Казахстана, из Киргизии, из Турецкой Республики Северный Кипр и из самой Турции. После торжественного обеда, устроенного в честь нас господином ректором Феридом Коджаоглу, в актовом зале университета состоялась конференция «Настоящее и прошлое стихотворного

искусства в странах-членах ТЮРКСОЙ», а в конце презентация наших стихотворений. Читали мы на родном языке, а на экране шел перевод на турецкий язык.

Вообще было сделано очень красиво: большой экран и на нем все о Туве и о других республиках. Мое место было отмечено флагом нашей республики.

Генеральный директор ТЮРКСОЯ Полад Бюль-Бюль оглу отсутствовал, поэтому нами руководил его заместитель Йылмазер Зия, очень известный человек в тюркском мире. Мы сразу понравились друг другу.

Перед ужином мы посетили художественную выставку «ТЮРКСОЯ». В конце дня смотрели концерт Государственного ансамбля танца Турции. Такое было впечатление, что мы попали в сказочную страну «Восток», что и было на самом деле.

В следующий день вечером состоялся настоящий праздник поэзии в Доме культуры г. Сиваса. За день мы побывали в самых знаменитых исторических местах: Абдиага конак, Сусамышлар конак, Гекмедресе, Буруджие медресе и музее «Конгресса». Днем нас принял сам губернатор Хасан Джанполад. Когда он обходил нас, все дарили ему подарки, а я преподнес ему белый хадак и он долго стоял рядом, держа его на руках — это было так необычно, и всем очень понравилось.

Сарыг-Кыштаг

Утром мы выехали в горы, к обеду преодолели перевал со снегом и прибыли в райцентр Саркышла, там мы посетили старинную действующую мечеть, построенную в XIII веке. А после обеда состоялась презентация стихов в профессиональном колледже им. Ашыка Вейсея. Это один из знаменитых ашыков (народных певцов) Турции. Мы встречались с его сыном — пожилым человеком лет за шестьдесят. А на сазе играл и пел правнук Ашыка Вейсея мальчик семи лет.

Приехав из Саркышла, мы посетили Абдиагу Конак — там в нашу честь был устроен ужин от «ТЮРКСОЯ». Как всегда, играл оркестр национальных инструментов и пели певицы: одна авторские песни, а другая народные. Все сидящие за столом мужчины тоже пели, певицы то и дело передавали им микрофоны,

и они пели по очереди. Вообще, там все любят песни и постоянно поют. В следующее наше посещение были районы Дивриги и Кангал. В курортном городе Кангале нам разрешили купаться в бассейне с теплой водой, которая выходит прямо из-под земли, и, что интересно, в воде находились небольшие рыбки трех видов, которые нападали на людей и съедали раны на их коже, особенно у больных псориазом. Туда ездят со всей Европы лечиться от псориаза. Еще одна достопримечательность местности: Кангал чобану копейи — Собаки-пастухи Кангала -- огромные волкодавы, очень близкие по породе тувинской собаке. Никто не решился подойти, и мне пришлось побороть свой страх, погладить их и обнять за шею. Они меня приняли, а может, узнали в моем лице своего хозяина из предыдущих жизней.

В день отъезда была экскурсия по городу, чтобы мы смогли купить сувениры. А потом мы ездили в Сыджак Чермик, где купались в горячем источнике, бьющем прямо из-под земли. Именно там был устроен прощальный ужин, где мэр г. Сиваса, господин Осман Сечилмиш поблагодарил нас за хорошие стихи и в своем выступлении говорил очень много о нас — о турках, о нашей истории — истории турков, конечно, упоминал и о древнетюркских орхоно-енисейских памятниках, половина которых находится на территории Тувы. Все было на высшем уровне. Посредническая организация между тюркскими культурами и искусством ТЮРКСОЙ вручила мне эту грамоту:

БЛАГОДАРСТВЕННАЯ ГРАМОТА

Уважаемый Чочагар Монгуш!

Организация ТЮРКСОЙ и Администрация губернатора Сивасской области Турецкой Республики выражает Вам благодарность в связи с участием 4-ой встрече поэтов ТЮРКСОЯ, которая проходила г. Сивасе с 27 по 31 мая 2003 года, где вы ознакомили нас со стихотворным искусством своего народа, и желает Вам дальнейших успехов в творчестве.

Подпись: Полад Бюл-Бюл оглу, Генеральный директор Тюрксоя,
Министр культуры Азербайджана

А вечером мы выехали автобусом в Стамбул.

Возвращение в Стамбул

Мы вернулись в Стамбул в 7 часов утра. Нас встретили уже другие люди, приехали в тот же отель «Альбион», там мы позавтракали. А в 13 часов вылетаем в Москву. Я опять пришел к морю. Искупнулся. Иду по берегу, и вдруг увидел знакомого чистильщика обуви. В прошлый раз он почистил мою обувь за 2 доллара, — причем я никогда не чищу обувь, а тут он так старался, что мои туфли стали совсем как новенькими. Он тоже узнал меня — посмотрел на мои туфли, но они так блестели, что чистильщик загрустил. Возвращаясь в отель, я еще раз оглянулся на Босфор — целый ряд судов высотой в пятиэтажный дом по очереди проплывали через узкий пролив в море.

Эпилог

Конечно, возникает ряд вопросов, касающихся моей поездки в Турцию, такие, как мое впечатление от этой поездки и дальнейшие мои действия. Вот я вернулся домой. «Ну и что?» - спрашиваете вы. А я отвечаю: «Ничего». Хотя, может быть, я еще не понял, что же все-таки произошло со мной в Турции. Подобное чувство уже было со мной во время поездки в Прибалтику. Чувство отрешенности, а не суеты, не люблю суетиться по пустякам. Фотографироваться не люблю, много слов не надо, внутри почувствовать надо. Короче, каким я был таким же остался.

Домой я привез статуэтки Ашыка Вейселя и Музея конгресса и этнографии. Это говорит о многом. Моя поездка состоялась. Это был большой праздник: приехали 19 поэтов из тюркских государств. Такое не всякий выдержит. Коленки будут трястись.

Турки поют гимн Турции стоя, без колебаний, не запинаясь. Они одинаково думают обо всем: о политике, о жизни, о дальнейших планах и обо всем другом. Они работают днем и ночью, они воспитывают и своих детей культуру предков, т.е. турков. Это очень правильно. Мы должны учиться у них. Потому что у них очень хороший опыт, а самое главное внутренний мир турков — чувство родины, общности истории, языка, психологии, все-таки, до сих пор сохранился. То есть, когда человек находится далеко от родины, у него в душе всегда присутствует ностальгия, а это знак доброты.

Немного о поэзии. Мне больше всего понравились стихи одного пожилого писателя из Сиваса. Он говорил о тюрках, и впервые я действительно подумал о том, что какая у нас богатая история, культура, традиции и какой великий и могучий язык — язык тюрков.

Хочу сказать Зиябею огромное спасибо за приглашение на участие в четвертой встрече поэтов ТЮРКСОЯ. Благодарю за его доброту, мягкость и интеллигентность, пусть у него не будет проблем, пусть он будет всегда счастлив, какое бы дело ни делал он, пусть его всегда ждет удача. Тешеккур эдерим, эффендим!

Руководителю Сивасского губернаторства господину Хасану Джанполату и мэру г. Сивас г-ну Осману Сечилмишу я желаю счастья, здоровья и успехов в их деятельности. Спасибо им за хлеб, за уважение, за добрый прием. Пусть они получают в этом году богатый урожай, пусть дожди будут, пусть трава растет, пусть скот будет жирным и будет много молока, кумыса, масла, сыра и многое другое. Пусть дети радуются, и старики будут довольны своей старостью, пусть в Сивасе родится много детей, таких же храбрых, умных и добрых, как Ататюрк!

Хочу выразить благодарность мэрии г. Кызыла в лице мэра Дмитрия Калчановича Донгака за оказанную мне материальную помощь для проезда до Москвы и пожелать ему крепкого здоровья, счастья и удач в его нелегком труде ради процветания г. Кызыла.

Благодарю также Министра культуры и по делам национальностей Эрес Александровича Данзына и депутата Государственной Думы Чылгычы Чимит-Доржуевича Ондара за моральную поддержку. Желаю им новых побед и удач.

Мерген КОНЧУК

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПИКАМ ЗЕМЛИ

Вот я поднимаюсь на последние метры и ура! Я на вершине Памира. Но утром с сожалением думаю, что это был всего лишь сон и этот сон повторялся часто.

Мысль подняться на пик Ленина пришла ко мне после чтения статьи в альманахе «Ветер странствий» о семитысячниках СССР. В то время строго регламентировались правила для восхождений. Для допуска к восхождению требовался достаточный опыт и

соответствующая квалификация, что вызывало во мне всегда бурю возмущения, потому что это противоречило духу свободы. То время осталось в моей памяти как время серой уравниловки, одинакового мышления, сравнимое со стадным чувством. Когда я говорил о возможности восхождения на пик Ленина, у людей это вызывало только улыбку. Да, Памир для меня был далек и недоступен. Но я желал сходить туда и верил в успех. Нами на это время были пройдены все основные вершины Тувы, а за ее пределами совершенно восхождение на высшую вершину Алтайских гор Белуху. Придумывались новые маршруты, такие как зимнее восхождение на Монгун-Тайгу и т.д. С перестройкой в стране наступили новые времена, когда человек может выбирать и делать все, что не противоречит закону. Горбачев с Ельциным обрушили на головы столько свободы, как выразился Ельцин - сколько можете проглотить. Такая свобода была похожа на состояние человека, пораженного тяжелой степенью опьянения с соответствующими последствиями - страна лишается своей целостности. Семитысячники теперь уже на территории других государств. От былых запретов к допуску на восхождения ничего не остается, более того, создаются все условия - фирмы организуют встречу, заброску на базовый лагерь, ставят верхние лагеря, кормят, подвозят грузы... Ты должен только платить.

Ховалыг Маадыр-оол Бартыштаанович - старый и опытный турист, охотник, писатель, в последние годы сблизился с альпинистами Красноярска. Уже который год участвовал в альпиниадах, проводимых в горах западной Тувы. Его друзьями стали многоопытные «снежные барсы», которые вечерами у костра рассказывали разные животрепещущие истории из жизни в горах. Так, например, они говорили, что курящий человек не может идти на высоте более 7000 метров, что на больших высотах психологически очень трудно проходить мимо погибших альпинистов, которых нет возможности спустить вниз, что не следует ходить на большие высоты с женщинами и т.д. Последний совет нам пришлось примерить на себя, о чем будет написано ниже. К тому времени нами были пройдены альпинистские маршруты вплоть до четвертой категории сложности.

И вот однажды, после очередной поездки в Красноярск, Бартыштаанович созывает нас к себе и говорит о восхождении

на Хан-Тенгри. Это очень красивая и сложная вершина на Тянь-Шане. С нами должны были идти красноярские «снежные барсы», поэтому у нас не было больших сомнений насчет прохождения маршрута, но позже его переиграли на пик Ленина (7134м.). У нас появилась цель, и жизнь приобрела яркие краски. Итак, начался подготовительный марафон. Сама подготовка и организация этого мероприятия можно сравнить с трудностями самого восхождения, потому что стояли трудные, как горная стена, вопросы финансирования, снаряжения, физической подготовки и т.д. Надо отдать должное нашему руководителю экспедиции, который все-таки смог разными путями найти спонсоров и обеспечить нас необходимым снаряжением. Перед самым отъездом становится ясно, что красноярцы с нами не поедут. У нас не было никакого опыта высотных восхождений, и мы готовились к нему как к экстремальному восхождению. Взяли по два пуховых спальника, по две куртки, меховые рукавицы, бензиновые примуса..., в общем, все и даже больше, чем мы берем на зимнее восхождение на Монгун-Тайгу. Кроме того, мы повезли с собой внушительное количество продуктов, которые, как оказалось, были просто не нужны. Бартыштаанович взял традиционную тувинскую еду далган и засушенную бычью кровь, которую хотел использовать как допинг. Оказывается, воины Чингис-Хаана ели эту кровь во время походов и не знали устали. Наш шеф решил это испытать на горе.

В 6 утра выдавшее виды такси отвозит нас на вокзал. Бартыштаановича и Марианну пришли провожать их близкие. Перед нами стоит большая задача – взойти на Памир или на «Крышу мира», как называют эту страну высоких гор. Об этом восхождении, наверное, знало большинство жителей Тувы, потому что были выступления в СМИ, проводился марафон по сбору средств на экспедицию. Было страшно представить, что можем потерпеть неудачу. Но мы уезжали, уверенные в удаче и надеясь на лучшее.

Водитель автобуса, увидев наш нехилый багаж, вздумал содрать с нас дополнительные деньги, но наш шеф как-то попростецки и в приказном тоне устроил наше имущество в чреве автобуса. И вот мы выезжаем из Кызыла. Мы не знали, что нас

ждет впереди. Мы ехали навстречу неизвестности, но настрой у всех был только на победу. Для нас эта экспедиция была как восхождение на Эверест, потому что впервые организуется в Туве подобная экспедиция в большие горы.

В Абакане к нам присоединяется пятый член экспедиции — Алексей, с дополнительной горой продуктов. Было нелегко на вокзалах челноком перетаскивать весь наш багаж.

В Новокузнецке была пересадка на Бишкекский поезд. Надо было дозакупить кое-что из снаряжения, и мы поехали на такси по городу. Город показался мне чистым и аккуратным. Таксист говорил нам, что в городе не было слышно о каких-нибудь громких криминальных происшествиях. Продавцы спортивного магазина очень постарались и были крайне любезны с выгодными клиентами.

Повторяется та же история с погрузкой багажа. Теперь уже возмущается проводница, но, на наше везение, ею оказалась молодая киргизка, с которой нам удалось договориться, а в последствии сдружиться. Не повезло нашему шефу. Соседями по купе оказались ворчливые старухи, которым очень не понравился наш багаж. Ему пришлось какое-то время заговаривать старушкам зубы, пока они, наконец, не сошли.

За окном тянется бескрайняя, как море, казахская степь. Я не представлял, что степь бывает такой бескрайней. Было удивительно, как в таких местах могут проживать люди. Но одинокие, затерянные в степи селения не часто, но постоянно встречались. Ритмично стучат колеса поезда, со мною друзья, а впереди горы. Я себя чувствовал в своей тарелке.

Вот мы уже подъезжаем к древним землям среднеазиатской цивилизации. Нас удивляет обилие и дешевизна фруктов. Перед приездом в Бишкек я поел дыню, о чем вскоре очень пожалел. Оказывается, с непривычки она действует не хуже слабительного. Киргизия встретила нас приветливо. Я чувствовал вокруг положительную ауру — солнце, люди, город...

На мощном «Урале» сквозь горные теснины мы в интернациональном составе — представители западнославянских народов, восточный немец, наш русский Леша и мы, тувинцы, едем на базовый лагерь - Луковую поляну. С немцем мы сразу сдружились.

Это был симпатичный, дружелюбный человек лет 45. Он сюда приезжает второй раз. Первая попытка подняться на гору была неудачной. Вследствие того, что он вырос и жил в социалистической Германии, не говорил по-английски, как и другие наши соседи по бывшему соцлагерю. Чувствуется какое-то желание обособиться, даже, можно сказать, недружелюбие братьев-славян. Не знаю, в чем здесь кроется причина, может, это от обид на СССР, а, может просто в уровне культуры.

Базовый лагерь расположен на высоте 3600 м. и поэтому нужно здесь провести некоторое время для адаптации организма. По совету бывалых альпинистов и по аналогии с нашими иностранными соседями, предпринимаем акклиматизационное восхождение на пик Петровского (4800 м). Перед поездкой на Памир нам говорили, что «сбегаете перед восхождением на вершину и вернетесь». Мы подумали, что это несложная вершина и даже не хотели брать с собой снаряжение, но оказалось, оно здесь было очень даже нужным. В начале подъема ничего особенного, повстречался небольшой снежник, который я прошел без «кошек», дальше скальный участок, а затем опять участки, где необходимо было использовать снаряжение. Уже сказывается высота, и некоторые из нас болезненно на это реагируют. Да, думаю я, вот это «разминочка», здесь можно запросто шею свернуть, а я даже не настроен был на такой выход. Спустившись после вершины на безопасное место, перекусываем. Марианна, которая оставалась дожидаться нас здесь, говорит о выбранном маршруте испанцев, которые пошли наверх без страховки по крутому леднику, покрытому небольшим снегом. «Отчаянные ребята, — подумал я тогда, — они играли со смертью».

В базовом лагере собралась разношерстная компания в основном из европейских стран. Мы собираемся все вместе во время трапез в киргизской юрте, которая служила столовой. Вечером показ фильмов. На витрине выставлены бутылки с водкой, виски и т.д., но на них никто не обращает внимания. Меня приятно поразило, что здесь никто не курит, и с удовлетворением сознаю, что я среди альпинистов. Днем кто-то лениво проходит акклимуху, кто-то восстанавливается после установки верхних лагерей перед штурмом, кто-то собирается

вниз, но при нас еще никто не приходил с радостной вестью об удачном восхождении. Нет погоды или проблемы со здоровьем. Многих мучает расстройство желудка. Мы заметили, что это одна из больших проблем для приезжих альпинистов. Наверное, местная вода в сочетании с высотой не подходила для желудка. Идти вверх с расстройством желудка означало обезвоживание организма.

Мои друзья не спешат. У нас был достаточный запас времени. А потом у нас спокойный, как течение Енисея, степной темперамент. Но мне же хотелось идти вверх, пока идетя, и при первой возможности совершить штурм вершины. Если штурм не удастся, то повторять и повторять попытки. Я просто не хотел рисковать упускать удачу. До лагеря 1 около 15 км. У нас еще куча груза, которая уже, было очевидно, не понадобится. Часть груза отправили на лошадях, а часть взвалили на себя. Расстояние небольшое, и мы за несколько часов будем на месте, думал я, но жестоко ошибался. Прошагал по кручинам полдня, уже вечереет, когда идем по леднику, а лагеря все нет. В конце уже начинают покидать силы. Мачук и Леша давно ушли вперед и, дожидаясь нас в лагере, вышли вместе с немцем и парнем из Новосибирска к нам навстречу, что было очень кстати. Уже в сумерках они помогают дотащить рюкзаки до долгожданного лагеря. Было ясно, что после такого перехода необходим день на передышку. Высота 4200. По-прежнему не было слышно вестей об удачных восхождениях. Мы теперь стоим непосредственному подножия массива пика Ленина. Нужно только задрать голову круто вверх и можно видеть вершину. Казалось, вот она, наша цель, рядом, но нужно было пройти через тысячи зияющих трещин, пройти через «сковородку», стать лагерем 2 на 5300, затем подняться на 6100, где нужно поставить лагерь 3, проведя там ночевку и спуститься вниз на отдых в базовый лагерь на 3600. После восстановления сил предстоит снова подняться по маршруту и с 3 лагеря выйти на штурм вершины, если повезет с погодой.

Тропа на склоне горы все время пестрела от яркой одежды альпинистов. Их тут было так много, как, наверное, молодежи на улицах вечернего Кызыла. После обеда сходили на разведку тропы к большой трещине. Она расположена наверху крутого

снежного склона и представляла собой жутковатое зрелище. Нужно было по легкой алюминиевой лесенке, перекинутой между хрупкими ледовыми краями обрыва, переползти над глубокой трещиной на ту сторону вверх. Придает смелости то, что будешь перелезать в страховке, и в случае срыва зависишь на веревке. Без страховки перелезать эту чертову лестницу опасно, да и не нужно. На следующий день, уложив рюкзаки, мы вышли в лагерь 2. Идем свободные, без связки, пока позволяет рельеф. Шеф традиционно был нагружен и немного отстал от нас. Вскоре мы услышали его окрик и поворачиваемся. Он зовет нас к себе. Побросав рюкзаки, возвращаемся. Оказывается, он, не видя, где мы перешли очередную трещину, решил перепрыгнуть ее. Сначала он перекинул свою палку, но она скатилась в трещину, затем перекинул рюкзак, но и он последовал за палкой. Тогда он и позвал нас. Для спуска в трещину Леша, пытаясь организовать надежную страховку, просит у подошедшей группы дать ледоруб. Членами ее оказались какие-то братья по бывшему соцлагерю, но они отказали, сказав, что им надо идти наверх. Организовав страховку через ледорубы, Мачук ловко спустился в трещину и благополучно вытаскивает многострадальный рюкзак на свет божий. Палку достать не удалось. Хорошо, что рюкзак задержался на выступе в трещине, а то о дальнейшей судьбе рюкзака можно было бы только догадываться. Вскарabкавшись к вчерашней лестнице, собрав все внимание и концентрируясь на каждом своем движении, перелезаю по лесенке через жуткую трещину. Говорят, что в этой трещине лежит тело одной девушки. У нас тоже не обошлось без происшествий. Марианна, перелезая через эту пропасть, рассекает ледорубом бровь, которая начала кровоточить. Основную часть склона прошли, но в конце встретился участок, когда впереди идущий Леша начал проваливаться в трещины. Где же проход? Леша идет ползком, но все равно какие-то части его тела проваливаются. Так, по одному, переползаем этот участок. Уже сказывается высота. Больно вдавливают лямки рюкзака в плечи, и я все время пытаюсь дать передышку плечам. Наконец, более — менее ровный участок цирка, или сковородка — так прозвали это место из-за жуткой солнечной радиации. Говорят, что здесь можно зажариться, если не защитить кожу от солнца.

Нужно пройти еще немного до лагеря. Он рядом, но силы на нуле. Если бы я был машиной, можно было бы сказать, что кончился бензин, но человек сильнее машины, и он не зависит от бензина. Когда кончаются физические силы, человек идет благодаря силе духа, а когда и она заканчивается, приходят различные видения, и для этого не нужны никакие наркотики. Это мы проходили и хорошо это знали. С большим трудом доковылял до моренного образования, которое приспособлено под Л2.

Несколько лет назад в этом лагере под лавиной были погребены более 40 человек. Тогда лагерь стоял в самом цирке. Теперь лагерь находился с правой стороны цирка на склоне бесснежной горы на небольшом пятачке из камней. Но здесь у нас возникает проблема. Этот пятачок был облеплен палатками, и просто было непонятно, где можно поставить свою. Наконец, отвоевав у камней и склона небольшие, относительно ровные участки, ставим палатки. От этого лагеря у меня остались неприятные впечатления. В моем представлении горы - это символ чистоты, величия природы и красоты. А здесь, на высоте 5300 м., я чувствовал запах туалета и вижу вокруг мусор. Кроме того, часто можно было видеть, как белые леди, особо не отходя от палаток, садятся, оголяя свои задницы, справляя нужду. Может, я человек из провинции и не привык к такой раскованности, но это было некрасиво. Вечером ребята обнаруживают, что у нас недостаточно продуктов на день перехода на Л3. Мачук настаивает на спуске за продуктами и предлагает различные варианты. Мы же против, ведь есть у нас далган и бычья кровь. Кроме того, есть различные концентраты и кое-что из продуктов, от которых мы с шефом можем отказаться. Несмотря на все доводы, вечером вопрос остался открытым. Тогда вспоминаем про кучку камней недалеко от палаток, где, возможно, лежали продукты. Желая разрешить нашу острую проблему, шеф под покровом темноты пошел к этой кучке и возвращается с банкой тушенки. «Спасибо шефу за его самоотверженность», — подумал я тогда.

Казалось, вопрос о переходе в Л3 разрешился, но утром мы проснулись, покрытые слоем снега. На мой взгляд, можно было идти на Л3, но у шефа возникают сомнения насчет безопасности

подъема в верхний лагерь. Я же все время хотел идти ближе к цели и штурмовать ее, но, похоже, моих друзей не так пугала неудача. Позже всех узнаю, что решили спускаться вниз. У меня возникает отвратительное состояние, наверное, хуже, чем «горняшка». Надо было идти вниз, когда можно было подниматься. Стараясь не давать волю эмоциям, молча спускаюсь в связке в Л1. Думаю, здесь побудем денек и обратно наверх, но было очевидно, что на таких высотах не восстанавливаются, а состояние только ухудшается. Спускаемся в базовый лагерь. Получается, мы восходим в обратную сторону. «Что поделаешь, — думаю я, — я же в составе команды».

В базовом лагере я проснулся хорошо отдохнувшим, полным сил и энергии. После завтрака, в котором была свежая зелень, я пошел знакомиться с окрестностями базового лагеря. Через речку располагались домики, а ниже находились киргизские летние кочевья, а дальше раскинулась широкая Алайская долина. Здесь многое напоминало Туву — горные ландшафты, озера, кочевой быт, но все же различия бросались в глаза. Это масштабы гор, цвет неба, юрты киргизов, их традиции и религия. Здесь, по сравнению с Тувой, были недостаточно ярки краски природы. Мусульманская религия киргизов обязывает вести праведный образ жизни. Проезжая по этой стране, мы не видели бомжей, пьяниц и не сталкивались с воровством. В здешних в кочевьях скота было не так много как в долинах Тувы, а в степях мы не видели следов древних захоронений. Перейдя речку, я направился к домикам. Это оказался бывший всесоюзный международный альпинистский лагерь (МАЛ). Побродив среди пустующих корпусов, встречаюсь с директором базы. Это был рослый киргиз лет 40. Лето он проводит с семьей на базе, а живет и работает программистом в Бишкеке. Приехала и его сестра (они близняшки) с мужем из Голландии. Выяснилось, что за сезон они обслуживают около 2 групп и сейчас готовятся к приему. Как в старых сказаниях, мне было предложено померяться силой с хозяевами по шахматам и другим играм. В сказках, если гость проигрывал, то ему отрубали голову. У нас же была ничья.

После хорошего отдыха и без груза обратный подъем на Л1 мне показался прогулкой. В Л1 встречаемся с группой крас-

ноярских альпинистов, которые в сложных погодных условиях смогли подняться на вершину. Вечером по их просьбе Леша помогает спустить вниз заболевшую девушку. За ужином знакомимся с веселыми и общительными хорватами. Один из них просит завтра взять его в нашу связку на подъем Л2. Утром мы, полные сил, хорошо акклиматизированные, связывались между собой. Пристегнули и вчерашнего бородатого хорвата. На подъеме выясняется, что у нашего нового товарища не было акклиматизации, и он все время задыхался, раскрывая рот, беспомощно глотая воздух, подобно выброшенной на берег рыбе. Теперь наш темп движения стал черепашьям, а это, оказывается так же трудно, как лезть с тридцатикилограммовым рюкзаком.

Встречаем идущего вниз нашего немецкого друга. Вид у него был как после Сталинградской битвы. К сожалению, и на этот раз гора его не пустила.

Несмотря на весь настрой и решимость, у Марианны женская природа начала проявлять себя. Тяжелый переход в сочетании с высотой обострили нервную систему нашей единственной женщины. Еще в лагере ее начали раздражать наши лица. На подъеме на сковородку ее раздражение распространяется на всех и вся, и в конце она решает отстегнуться от связки, что вызвало возмущение у шефа. Остаток пути и в лагере 2 царила взрывоопасная обстановка вблизи Марианны. Мы, конечно, понимали, что это женское естество. Но следует помнить, что мужчины часто пасуют перед тем, что могут сделать женщины. Как говорится - каждому свое. Мы тогда вспомнили совет «снежных барсов» о том, чтобы не ходили на высоту со своими женщинами.

Переход в Л3, который находился на высоте 6100м., был несложным. Встречаем радостных японцев, которым удалось побывать на вершине.

Во время этого подъема нас несколько удивило поведение иранского альпиниста, который находился в некотором отдалении внизу. Мы видели, как он часами лежал на гребне, не подавая признаков жизни. Мы уже хотели спускаться к нему на помощь, но увидели подходящую снизу группу. Позже стало известно, что иранец так отдыхает. Конечно, высота сложная штука и к ней каждый человек приспосабливается индивидуально.

В ЛЗ было достаточно места для палаток, нужно было только раскопать снег. Особого аппетита у меня не было, но нужно было есть, чтобы были силы, и я стараюсь поглощать продукты. По своей неопытности, я в тот вечер не попил достаточного количества жидкости. Вечером поднимается суета в соседних палатках. Заболел французский альпинист, и они решали, как поступать.

Вот и наступило решающее утро нашего марафона. Сегодня мы совершим штурм вершины или же вернемся с поражением. У нас не было никаких запасных дней. Наш лимит времени был исчерпан. Из лагеря выходим одними из первых, когда еще не забрезжил рассвет. Холодный ветер обдувает наши лица. Я с удовольствием про себя отмечаю, что на нас хорошая экипировка. На мое удивление, сегодня Марианна идет с удвоенной силой, и я с трудом поспеваю за группой. Крутой подъем бесконечными зигзагами все тянулся вверх и, казалось, ему не будет конца. Высота подходит к семи тысячам метров, и организм все чаще требует остановки для передышки. В снежных завихрениях, поднимаемых холодными порывами ветра, я видел восход августовского солнца. В конце крутого подъема нас догоняют другие группы. Дальнейший путь к вершине пролегал по некрутому рельефу, который упирался в крутой снежный гребень. Впереди идущие группы пытаются взойти туда в лоб, но, потерпев неудачу, возвращаются и поднимаются по крутому северному склону. Нам было легче взбираться по следам впереди идущих групп. На вершине гребня замечаю, что скалы здесь имеют белый цвет. Это были мраморные скалы, которые я видел впервые. Меня начинает одолевать жажда. Очень сожалею, что вчера недостаточно восстановил жидкость в организме. Теперь мой организм настойчиво требовал воды. Здесь же впервые остро чувствую нехватку кислорода. Нельзя было сделать больше десяти шагов, чтобы не остановиться для отдышки. Если же делал около 15 шагов, задыхался так, как будто ко мне применили удушающий прием и я из последних сил, отчаянно пытался вдыхать воздух. Воздух, он конечно был, и легкие работали в бешеном темпе, но этот воздух странным образом не хватало, из-за небольшого содержания кислорода, этого газа, которой мы в повседневной жизни мало замечаем, но

без которого не можем протянуть и трех минут. Наши уже поднялись по скальному участку и скрылись из виду, а я еле плетусь в полубессознательном состоянии. В какой-то момент голова пошла кругом, а окружающий мир принимает розовый цвет. Я догадываюсь, что теряю сознание, и ложусь на снег. Судорожно тянусь к фляжке с водой и делаю глотки. Мне казалось, что после подъема по скальному участку будет видна вершина и, мобилизуя все силы, поднимаюсь по скалам, но открывшийся вид предстоящего пути меня сильно разочаровал. Впереди лежало снежное безмолвное поле шириной около трех километров, уходящее вверх. Вершина была где-то там. В том состоянии, в котором я находился, было очень проблематичным сделать и несколько шагов, но как пройти километры - было просто непонятно. Мне казалось это невыполнимо. Можно было признать свое поражение в этой схватке с великой стихией. Но наша группа шла вперед, поэтому и я должен был идти. Разум в таких случаях иногда отступает перед великой силой, заставляющей альпинистов идти на вершину. Это был тот момент, когда преодолевается граница физических возможностей человека ради достижения поставленной цели. Здесь вершина была не только в физическом смысле. Конечно, за это альпинисты расплачиваются здоровьем. Ничто не приходит из ниоткуда и ничто не исчезает в никуда. В одном месте, где мы остановились для очередной передышки, нас обходят последние альпинисты, вышедшие из ЛЗ на штурм. Сознаю, что нас обходят потому, что они прошли достаточную акклиматизацию и имеют опыт высотных восхождений. Мы же штурмуем вершину с высоты 5300 м., не пройдя акклиматизацию на 6100. Мачук находит способ ходьбы в таких условиях - шаг, остановка для двух вдохов, десять таких шагов, более длительная остановка. Наверное, так шагали роботы, виденные мною в детстве в фантастическом фильме. На мое удивление, закончилось казавшееся бесконечным поле. «В этом мире все имеет начало и конец, таковы свойства вещей», - вяло протекло в моем туманном мозгу.

Вижу с правой стороны какое-то сооружение из палок и камней. У меня было ощущение, что это я видел раньше. «Наверное, во сне я здесь уже был», - подумал я тогда.

Впереди очередной взлет, и мне кажется: вот она, вершина, а когда взбираемся на нее, следует очередной такой же взлет, и так на протяжении нескольких часов. Кончается вода во фляжке, мучает жажда, а вершины все так же не было видно. Выручают парни, спускавшиеся с вершины — дают воду.

На преодоление последних ста метров у нас ушло больше часа, и вот последние десять метров, пять метров и заключительные шаги — на вершину вступаем вместе. Ура! Мы на вершине. Нам было радостно сознавать, что мы достигли цели, но эмоции были притуплены перенапряжением организма. На юге открывалась вся горная страна Памир. Это были великие и, казалось, недостижимые горы. Особо всматриваться на этот грандиозный вид не было возможности. Погода начала портиться. Оставив на вершине наши атрибуты и произведя съемки, мы с легким сердцем начинаем спуск. Конечно, спуск — это не подъем, идти гораздо легче. Вскоре нас накрывает туча с густым снегопадом. Теряются все ориентиры. Мы останавливаемся, ожидая какого-нибудь прояснения. Наконец в разрывах облаков удается определить дальнейший путь спуска. Подходим к скальному участку, и тут повторяется та же история. Где же тут спускаться? Пытаемся по радиации разузнать путь, но безрезультатно. Помогает хорошая техника лазания на кошках Мачука, и он находит наш путь. Наверное, это был не просто путь вниз, а был путь спасения. В разрывах густой завесы облаков начали проявляться ориентиры, но день уже клонится к вечеру. Мы в спокойном своем темпе спускаемся по мраморному гребню. Предстоит пройти по относительно ровному участку, где нас настигает ночь. Нужно было искать путь вниз на перемычку, но уже в темноте. В этой ситуации было легко провалиться в какую-нибудь трещину, и это сильно замедляет наш ход. Приходит в голову мысль зарыться до рассвета где-нибудь в снегу, но при таком обезвоживании организма пережить ночь было весьма проблематично. Тогда я заметил, что слюна становится вязкой, как клей, и ее просто невозможно сплюнуть. При свете звезд замечаем что-то непохожее на камни. Это оказалась палатка. Мы некоторое время «стучим» в дверь, но ответа не послышалось. Наверное, она пустая, подумали мы, но, наконец, оттуда послышалась иностранная речь. Спрашиваю, как нам спуститься вниз. Оказы-

вается, путь лежал рядом, в двадцати метрах. Затем прошу дать воды, но оказалось, что они уже отдали ее. Это были те самые люди, которые помогли нам с водой у вершины. Найдя наш путь к лагерю, долгими зигзагами спускаемся в своем спокойном темпе на перемышку. Прошу у Мачука связаться по радиации с нашими, чтобы поднесли чаю на перемышку. На связь вышел Леша. После короткого общения просим поднести воды, но в эфире воцарилось молчание. Позже стало известно, что все силы забрала гора. Местами сквозь разрывы облаков ярко пробивался лунный свет, подобно уличному освещению. Осторожно переходим перемышку. Было бы обидно сейчас провалиться в трещину после всего пережитого. Впереди до лагеря небольшой подъем. На равнине это все равно что подняться на девятый этаж, но при нашем состоянии сделать это было весьма трудно. Я сознавал, что это последний за наше восхождение подъем, и был спокоен. Спокоен, потому что цель была достигнута, а впереди лагерь и блаженный чай. Нужно было только собрать остатки сил в кулак. Позже ребята вспоминали, что этот подъем был особенно трудным, когда до спасительного лагеря оставалось каких-то 100 метров, а сил практически не оставалось. Среди первых палаток встречаем бодрствующих альпинистов, которые спрашивают нас, куда мы идем: на гору или от горы? Узнав, что мы от горы, любезно дают нам чай, кисель. Было приятно чувствовать их дружелюбие. Дойдя до своих палаток и вдоволь напившись чаю, заваливаемся спать.

В следующие дни было приятно спускаться в нижние лагеря с чувством достигнутой цели. Я расслабился. Наверное, это послужило причиной боли в моей ноге. Перед началом экспедиции я пролежал в больнице неделю, пытаюсь устранить эту боль в правой коленной чашечке. Врачи предлагали сделать небольшую операцию, но я тогда побоялся, что не успею к началу экспедиции восстановиться, и благоразумно отказался. Настрой и желание взойти на гору у меня были очень велики, и эта боль в колене не проявлялась на восхождении, а может, просто я не хотел ее замечать. Но сейчас, спускаясь, начал хромать. Было как-то неудобно перед товарищами падать и кувыркаться после прыжков через трещины. В конце Леша помогает дотащить мой рюкзак. В базовом лагере нас торжественно поздравили «с горой»

и поднесли традиционный для восходителей торт. На равнине каждый из нас по-своему отходил после высоты. Вернувшись домой, наш шеф слег в больницу с проблемами, связанными с общим состоянием здоровья. Врачи долго не могли поставить точный диагноз. У Марианны упало давление, у Мачука появился кашель, хотя не был простужен. У меня прошло несколько месяцев на то, чтобы я осознал победу. Победа была возможна благодаря благосклонности горы к нам и провидению. Это была прожитая маленькая яркая жизнь с элементами мужества и удачи.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

<i>Вячеслав Бузыкаев.</i> Стон земли.....	3
Вожак.....	8
Суд над баем.....	19
В лагере.....	24
Казнь.....	32
<i>Маадыр-оол Ховалыг.</i> Третье прекрасное существо.....	42

РАССКАЗЫ

<i>Валентин Тока.</i> Шагдыры.....	49
Зануда.....	52
Дом который построил.....	55
<i>Игорь Принцев.</i> Перевал.....	58
Все, что я знаю.....	60
Ломатель шпаг.....	63
На высоте.....	64
<i>Сергей Киштер.</i> За орехами.....	71
Скотокрады.....	71
Иностранец.....	72
Дятел.....	73
Бомж.....	73

ПОЭЗИЯ

<i>Куулар Черлиг-оол.</i> Зависть жалости не знает.....	75
Чего испугался тарбаган.....	75
<i>Мария Кужугет.</i> Так бывает всегда.....	76
Не дожидаясь.....	77
<i>Эрес-оол Хаян.</i> Летящие галопом миражи.....	78
Кобыла.....	78
Мне не забыть.....	79
Синих вершин седловины.....	79
<i>Ян Куулар.</i> Письмо к отцу.....	80
<i>Елена Черепанова.</i> Облака.....	84
Бабье лето.....	84
Русские узоры.....	85

ЛИТЕРАТУРНО-ТВОРЧЕСКАЯ СТУДИЯ «БЕЛЫЙ ПАРУС»

<i>Л.Куцевалова-Косерева.</i> Память.....	86
Не дай бог.....	87

<i>Дионис Афоничев. Остыли слезы...</i>	88
<i>Бутылка любимого пива.....</i>	88
<i>Что бы ни создал человека... ..</i>	89
<i>Вспоминаю я те дни... ..</i>	89
<i>Юлия Куулар. Море.....</i>	89
<i>Виктория Лагучина. Еду-еду к бабе, и деду.....</i>	90

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Урана Донгак. Мифологизм романа М. Кенин-Лопсана.....</i>	93
<i>Екатерина Чамзырын. Детские прозаические произведения</i>	
<i>Ш. Сувана.....</i>	100
<i>Чолтун-оол оглу Чочагар. Правда о Турции и Туве, о турках</i>	
<i>и тувинцах. Пролог.....</i>	106
<i>Стамбул.....</i>	107
<i>Дорога в Сивас.....</i>	108
<i>Сивас.....</i>	108
<i>Сарыг-Кыштаг.....</i>	109
<i>Эпилог.....</i>	111
<i>Мерген Кончук. Путешествие по пикам земли.....</i>	112

Литературно-художественное издание “Улуг-Хем”

На русском языке

Редакторы выпуска: *Ч. Куулар. Г. Принцева.*

Набор и верстка: *Н. Суван-оол.*

Корректор: *Г. Принцева.*

Редакция журнала “Улуг-Хем”. 667000,
г. Кызыл, ул. Щетинкина-Кравченко, 57.
Формат 60x84^{1/16}. Физ. печ. л. 8. Тираж 300 экз.
Заказ № 1052.

Поправка:

Автором стихотворения «Море» является
не Юлия Куулар, а Дана Ховалыг, 11 лет (стр. 89)

